

√ all
Б41
254
т. 1-4
Б. Ф.
1
54

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОСТОЯНІИ РЫБОЛОВСТВА

ВЪ РОССІИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ

О

СОСТОЯНІИ РЫБОЛОВСТВА

ВЪ

РОССІИ.

ИЗДАНЫ

МИНИСТЕРСТВОМЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

ТОМЪ III.

ОПИСАНІЕ УРАЛЬСКАГО РЫБОЛОВСТВА.

СЪ ТАБЛИЦЕЮ РИСУНКОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ В. БЕЗОБРАЗОВА И КОМП.

1860.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 15 Октября 1860 года.

Цензоръ *П. Дубровскій.*

ОПИСАНІЕ
УРАЛЬСКАГО РЫБОЛОВСТВА.

ОПИСАНІЕ УРАЛЬСКАГО РЫБОЛОВСТВА.

СОСТАВЛЕНО

ЧЛЕНОМЪ ЭКСПЕДИЦІИ ДЛЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ КАСПІЙСКАГО РЫБОЛОВСТВА

Н. Я. ДАНИЛЕВСКИМЪ.

ВВЕДЕНІЕ.

По самой сущности предмета, изслѣдованіе котораго поручено мнѣ, какъ сами изысканія мои, такъ и отчетъ о нихъ распадаются на четыре главныхъ отдѣла:

1) На изслѣдованіе естественныхъ условій рѣки Урала и прилегающей къ ней части моря, которыя существуютъ въ настоящее время, и тѣхъ измѣненій, которыя они претерпѣли въ недавнее время или и теперь еще претерпѣваютъ.

2) На естественно-историческія замѣтки о рыбахъ, живущихъ въ Уральскихъ водахъ.

3) На описаніе существующихъ въ Уральскихъ водахъ видовъ рыболовства, съ означеніемъ употребляемыхъ на нихъ способовъ и орудій лова, способовъ храненія и приготовленія рыбы и выдѣлки изъ нея продуктовъ, найма рабочихъ, наконецъ внутренней продажи, то есть того, какъ рыба и получаемые изъ нея продукты переходятъ отъ ловцовъ въ руки торговцевъ, для внѣшняго уже сбыта, однимъ словомъ—описаніе Уральскаго рыбнаго хозяйства.

4) На статистику Уральскаго рыболовства въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, т. е. результаты Уральскаго рыбнаго хозяйства, какъ то: ежегодные уловы за сколь возможно длинный рядъ годовъ, какъ общіе, такъ и по различнымъ видамъ рыболовства; распредѣленіе улововъ между казаками; цѣны на продукты рыболовства и пути ихъ сбыта; наконецъ сумма дохода, доставляемаго Уральскимъ рыболовствомъ, а также и ежегодные на него расходы (*).

I. ЕСТЕСТВЕННЫЯ УСЛОВІЯ УРАЛА И ПРИЛЕГАЮЩЕЙ КЪ НЕМУ ЧАСТИ МОРЯ.

Рѣка Уралъ на всемъ протяженіи своемъ, отъ Уральска до Гурьева, течетъ по ровной глинистой степи не широкимъ русломъ, имѣющимъ въ верхней части не болѣе 50-ти саженъ, у Гурьева же въ обыкновенную воду до 80, а при половодьѣ до 100 саженъ ширины. На всемъ этомъ пространствѣ она принимаетъ въ себя, съ правой стороны, лишь двѣ рѣки: одну, впадающую у самаго Уральска,—*Чаганъ*, другую—того же имени, но еще гораздо меньшую, у Чаганской станціи, въ 34-хъ верстахъ ниже Уральска. Съ лѣвой стороны не впадаетъ въ Уралъ на этомъ пространствѣ ни одной рѣки. Но за то онъ выпускаетъ изъ себя много рукавовъ, которые, протекши нѣсколько, опять въ него же вливаются. Такіе рукава Урала называются *старицами*, какъ бы по тому, что они были нѣкогда главными руслами его. Нѣкоторыя изъ этихъ старицъ имѣютъ только одно сообщеніе съ

(*) Статистика Уральскаго рыболовства войдетъ въ составъ пятаго тома настоящаго изданія.

рѣкою, другія же два: истокъ и устье. Эти послѣднія называются *полуусыми старицами;* черезъ пересыханіе одного изъ соединеній ихъ съ Ураломъ онѣ обращаются въ *простыя.* Озеровидныя расширенія этихъ старицъ называются *котлубанями.* Въ обыкновенномъ разговорѣ смѣшиваютъ эти старицы съ черными рѣчками, подъ которыми собственно должно понимать рѣки, текущія изъ степи въ Уралъ, какъ напримѣръ Чаганъ, или текущія по степи и впадающія въ озера и топи, какъ напримѣръ *Чижи* и *Анкаты.* Самая значительная изъ старицъ—*Сарайчикъ*, отдѣляющійся отъ Урала въ 2-хъ верстахъ выше Сарайчиковской крѣпости (въ $48^1/_2$ верстахъ выше Гурьева) и впадающій въ него немного повыше Новосорочинскаго форпоста (въ 38 верстахъ выше Гурьева).

Самый берегъ Урала нигдѣ не высокъ. Гдѣ глинистая степь подходитъ къ нему, тамъ онъ ее обмываетъ и образуетъ яры, которые однако и вблизи Уральска рѣдко доходятъ до 3-хъ саженъ высоты, въ нижней же части отъ крѣпости Горской обыкновенно менѣе 2-хъ саженъ. Только въ одномъ мѣстѣ—у Лбищенскаго форпоста (въ 116 верстахъ ниже Уральска) небольшая возвышенность степи—бугоръ, на которомъ онъ и построенъ, обмывается вдающимся колѣномъ Урала и образуетъ яръ саженей въ пять вышиною. На большей части протяженія Урала онъ подходитъ къ глинистой степи лишь вдающимися углами своихъ крутыхъ колѣнъ, которыхъ онъ дѣлаетъ очень много, такъ какъ теченіе его чрезвычайно извилисто. За исключеніемъ же этихъ вдающихся угловъ, онъ, на пространствѣ отъ Уральска до Зеленовскаго форпоста ($118^1/_2$ верстъ выше Гурьева), окаймленъ низменною полосою въ нѣсколько верстъ шириною, ежегодно заливаемою и по этому покрытою богатою травяною растительностью и лѣсомъ, состоящимъ изъ трехъ древесныхъ породъ: бѣлолиственной ивы (Salix alba L.), осокори (Populus nigra L.) и тополи (Populus alba L.). Лѣсъ этотъ съ половины дороги между Гурьевымъ и Уральскомъ дѣлается совершенно сплошнымъ. Эта низменная полоса, окаймляющая Уралъ, имѣетъ поверхность чрезвычайно неровную. Она вся изрѣзана ериками, рытвинами, котлубанями и старицами, которые всѣ болѣе или менѣе долго сохраняютъ въ себѣ воду послѣ разлитія Урала. Ниже Зеленовскаго форпоста низменная полоса эта не столь уже рѣзко отличается отъ остальной степи, ибо, начиная отъ него, въ годы сильныхъ разливовъ, вся степь на значительную ширину сливается подъ одну водную скатерть, которая идетъ вплоть до Каспійскаго моря. Вода эта скоро стекаетъ, не оставляя по себѣ другихъ слѣдовъ кромѣ растительности болѣе сильной и свѣжей, чѣмъ въ части степи, не заливаемой водою, гдѣ, какъ и въ приволжской степи, господствуютъ полыни и солянки, характеризующія сухую не слишкомъ соленую почву, какъ напримѣръ Anabasis aphylla L. Въ этой заливаемой части степи нѣтъ, какъ въ низовьяхъ Волги, ильменей, которые наливались бы вешнею водою и сохраняли ее до слѣдующаго года; черезъ нее проходятъ только нѣсколько углубленныя лощины, сохраняющія въ себѣ воду нѣкоторую часть лѣта. Это—послѣдніе слѣды рукавовъ, на которые развѣтвлялся Уралъ передъ своимъ впаденіемъ и которые одинъ за однимъ пересыхали.

Если проѣзжать по почтовой дорогѣ изъ Гурьева въ Уральскъ или обратно, то легко составить себѣ понятіе, что и Уралъ, подобно Волгѣ, имѣетъ свою нагорную и свою луговую сторону, хотя различіе въ возвышеніи обоихъ береговъ и далеко не такъ значительно, какъ на Волгѣ. Въ самомъ дѣлѣ вездѣ, гдѣ приходится видѣть Уралъ, тамъ правый берегъ обрывистъ и крутояръ, лѣвый же пологъ и образуетъ песчаные косы. Но это отношеніе между обоими берегами лишь кажущееся и зависитъ отъ двухъ слѣдующихъ обстоятельствъ: 1) Гдѣ правый берегъ низменъ, т. е. гдѣ и съ

правой стороны Уралъ окаймленъ низменною полосою, описанною выше, тамъ, вслѣдствіе весеннихъ разливовъ и упомянутыхъ мною неровностей почвы, дорога была бы очень дурна, а потому и проложена она далѣе внутри степи, слѣдовательно вдали отъ Урала. 2) Уралъ очень извилистъ; слѣдовательно дорога, не могущая слѣдовать за всѣми его излучинами, пересѣкаетъ ихъ діагонально и подходитъ къ рѣки лишь въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ образуемыя ею колѣна угломъ вдаются въ правый берегъ, который, будучи подмываемъ водою, очевидно долженъ быть обрывистъ. Лѣвый же берегъ, угломъ вдающійся въ рѣку, образуетъ низменную песчаную косу. Угловъ же колѣнъ, вдающихся въ лѣвый берегъ, гдѣ должно существовать обратное отношеніе между берегами, при проѣздѣ по почтовой дорогѣ, видѣть нельзя.

Дно Урала отъ Уральска до Горской крѣпости песчаное, ниже же Горской становится все болѣе и болѣе глинистымъ и иловатымъ. Каменистыхъ грядъ въ немъ ниже Уральска рѣшительно нѣтъ, что̀ можно видѣть уже и по берегамъ его, которые въ крутоярыхъ мѣстахъ глинисты, въ низменныхъ же песчаны. Въ двухъ мѣстностяхъ, и по общимъ соображеніямъ и по нѣкоторымъ разсказамъ, можно было ожидать каменистаго дна: именно у Горской крѣпости противу Индерскихъ горъ и въ 7 верстахъ ниже Уральска, гдѣ весьма близко къ рѣкѣ подходитъ мѣловой кряжъ. Обѣ мѣстности были мною посѣщены. У Горской я въ двухъ мѣстахъ переправлялся черезъ Уралъ и не нашелъ и признаковъ камней ни на днѣ, ни у береговъ. Собственно же Индерскія горы, состоящія преимущественно изъ гипса, начинаются не ближе, какъ въ верстахъ 5 или 6 отъ Урала. Тамошніе жители также единогласно утверждали, что на днѣ нѣтъ камней. Мѣловой же кряжъ пониже Уральска составляетъ невысокій холмъ, который близко, правда, подходитъ къ Уралу, но который однакоже въ него не вдается мысомъ и водами его не омывается, а отдѣленъ отъ рѣки не широкою низменною полосою земли. Въ весенніе разливы вода должна подходить къ самому мѣловому холму и отрываетъ, можетъ быть, отъ него куски мѣлу, которые, около этого мѣста, иногда попадаются въ Уралѣ; но дно рѣки и въ этомъ мѣстѣ не мѣловое, а песчаное, и мѣловой кряжъ тутъ же на правой сторонѣ, не доходя до Урала, и оканчивается, вовсе не переходя на лѣвый—Азіатскій берегъ рѣки.

Выше Уральска характеръ теченія Урала мало по малу измѣняется. Уже верстахъ въ семи отъ Гниловскаго форпоста,—первой станціи отъ Уральска по Оренбургской дорогѣ,—берегъ Урала состоитъ изъ плитняка, который составляетъ и дно рѣки въ этомъ мѣстѣ. Верстахъ же во ста отъ Уральска, начиная съ Бородинскаго форпоста, по дачамъ Илецкихъ казаковъ, все дно Урала состоитъ изъ мелкихъ камней, представляя самыя удобныя мѣста для метанія икры красною рыбою.

Въ настоящее время Уралъ течетъ до самаго Гурьева одною трубою, если не считать такъ называемыхъ старицъ, и только ниже этого мѣста начинаетъ дѣлиться на рукава. Верстахъ въ четырехъ ниже Гурьева отдѣляется отъ Урала съ лѣва *Перетаска,* которая, послѣ какихъ нибудь пятидесяти саженъ нераздѣльнаго теченія, выпускаетъ изъ себя съ лѣва же рукавъ, называемый *Алексашкинымъ прораномъ,* самый восточный изъ нынѣшнихъ рукавовъ Урала. Онъ весьма узокъ: мѣстами не шире трехъ саженъ, мѣстами же доходитъ до десяти. Оба берега его на всемъ протяженіи, за исключеніемъ самаго начала, поросли густымъ и высокимъ камышомъ. Обыкновенная глубина его 6 футъ и рѣдко доходитъ до 7. Перетаска и Алексашкинъ проранъ впадаютъ въ морской заливъ, извѣстный подъ именемъ *Бѣлаго ильменя,* который весьма мелокъ и почти совершенно

*

заросъ водяными растеніями. Возвращаясь съ поѣздки на Гранный бугоръ, я ѣхалъ имъ и, не смотря на нагонный вѣтеръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма извилистаго фарватера было не болѣе 2-хъ футъ глубины, такъ что казаки, чтобы провести кусовую, должны были сходить въ воду, которая доходила имъ не выше колѣнъ. Этимъ проѣздомъ по Бѣлому ильменю и Алексашкину протану я былъ обязанъ единственно необыкновенному искуству и знанію мѣстности нашего кормщика Павла Голубова (*), такъ что, по пріѣздѣ нашемъ въ Гурьевъ, даже вѣрить не хотѣли, что мы прошли Бѣлымъ ильменемъ и Алексашкинымъ прораномъ на довольно большой полупалубной морской лодкѣ. По Алексашкину прорану, по причинѣ его узкости, рыболовства вовсе не производятъ, по Перетаскѣ же плаваютъ сѣтьми до самаго Бѣлаго ильменя, а зимою тянутъ неводами, какъ и по прочимъ рукавамъ Урала.

Ниже Перетаски отдѣляется отъ Урала *Большая Золотинка*, послѣ чего Уралъ уже получаетъ названіе *Яицкаго устья*. Оно соединяется съ Большою Золотинкою тремя небольшими протоками, именно: *Курилкинымъ ерикомъ*, *Малою Золотинкою* и *Поперечнымъ ерикомъ*. Этотъ послѣдній течетъ изъ Золотинки въ Яицкое устье, прочіе же изъ Яицкаго устья въ Золотинку. Въ не очень еще давнее время, у впаденія Поперечнаго ерика, было уже море; теперь же Яицкое устье течетъ еще версты съ три и передъ впаденіемъ раздѣляется на два рукава: *Большое Яицкое устье* (самое западное изъ теперешнихъ устьевъ Урала, оно же и главное) и *Малое Яицкое устье*.

Большая Золотинка, выше отдѣленія отъ нея съ права Поперечнаго ерика, выпускаетъ съ лѣва *Бухарку*, при самомъ же отдѣленіи этого ерика она раздѣляется на два рукава: *Новое Золотинское устье*, которое лежитъ западнѣе и по которому теперь ѣздятъ, и *Старое Золотинское устье*, которое подраздѣляется на четыре узкихъ и мелкихъ устья, совершенно обсыхающихъ при выгонныхъ вѣтрахъ и даже въ моряну имѣющихъ не болѣе фута воды. Широкое плёсо, у котораго начинается это раздѣленіе Большой Золотинки на три рукава (Старая Золотинка, Новая Золотинка и Поперечный ерикъ), лѣтъ 20 тому назадъ было моремъ, теперь же по Новой Золотинкѣ еще версты три до него. Слѣдовательно раздѣленіе Золотинскаго устья на старое и новое, подобно тому какъ и раздѣленіе Яицкаго устья на большое и малое, образовалось лишь въ недавнее время. Нѣсколькими саженями ниже Поперечнаго ерика выходилъ изъ Большой Золотинки еще одинъ ему параллельный ерикъ, также текшій въ Яицкое устье. Теперь онъ совершенно заросъ, такъ что почти и слѣдовъ его не видно.

Ниже отдѣленія отъ Урала Большой Золотинки и выше впаденія въ него Поперечнаго ерика, видны и теперь еще слѣды стараго русла Урала, которое впадало въ море западнѣе теперешняго большаго Яицкаго устья; теперь его совершенно затянуло.

Такимъ образомъ въ настоящее время всѣ постоянно текущія устья Урала впадаютъ въ море восточнѣе Стрѣлецкой косы и отъ запада къ востоку суть слѣдующія: 1) *Большое Яицкое*, 2) *Малое*

(*) Мнѣ не разъ придется упоминать о Павлѣ Голубовѣ и я долженъ здѣсь замѣтить, что я почерпнулъ очень много свѣдѣній, какъ объ Уральскомъ рыболовствѣ, такъ и о рѣкѣ Уралѣ и о сѣверо-восточной части Каспійскаго моря отъ этого умнаго, свѣдущаго и по его званію необыкновенно образованнаго казака. Онъ былъ во всѣхъ экспедиціяхъ г. Карелина по Каспійскому морю и былъ на Аральскомъ морѣ для заведенія тамъ рыболовства. На всѣ мои расспросы онъ всегда отвѣчалъ ясно и отчетливо и, что весьма рѣдко, я не замѣчалъ преувеличеній въ его разсказахъ.

Яицкое, 3) *Новое Золотинское*, 4) *Старое Золотинское*, подраздѣляющееся на 4 рукава, въ которомъ вода бываетъ лишь въ моряну и котораго поэтому собственно нечего и считать, 5) *Бухарка*, 6) *Перетаска* и 7) *Алексашкинъ прорапъ*. Яицкое устье и Большая Золотинка, до подраздѣленія ихъ на два рукава, соединены между собою тремя ериками: *Курилкинымъ*, *Малою Золотинкою* и *Поперечнымъ*. Въ Алексашкиномъ прoранѣ видны теперь еще слѣды одного ерика, который изъ него выходилъ съ правой стороны и нѣсколько пониже въ него же и впадалъ.

Отъ крайняго западнаго устья (Большаго Яицкаго) до крайняго восточнаго (Алексашкина прорана) по морю будетъ около десяти верстъ, именно: между Большимъ и Малымъ Яицкими устьями около версты; между Малымъ Яицкимъ и Новымъ Золотинскимъ до 600 саженъ; отъ Новаго Золотинскаго до Бухарки $3\frac{1}{2}$ версты; отъ Бухарки до Алексашкина прорана слишкомъ 4 версты.

Таково состояніе дельты Урала въ настоящее время; но еще недавно, не далѣе какъ въ тридцатыхъ годахъ, она имѣла совершенно другой видъ. Рукавовъ было гораздо болѣе и Уралъ начиналъ дѣлиться уже верстахъ въ 80 выше Гурьева, тогда какъ теперь всѣ развѣтвленія его начинаются уже ниже этого городка. Одни изъ этихъ устьевъ отдѣлялись съ правой, другія съ лѣвой стороны собственнаго Урала, за который мы примемъ старое, теперь уже пересохшее русло его, о которомъ было говорено выше. Начиная съ запада, устья эти были: 1) *Нарынка*. Она выходила изъ Урала между Баксайскою крѣпостью ($80\frac{1}{2}$ верстъ выше Гурьева) и Яманхалинскимъ форпостомъ ($68\frac{1}{2}$ верстъ выше Гурьева) тремя рукавами: *Нарынкою*, *Сухимъ Баксаемъ* и *Богырдаемъ*, которые соединялись потомъ въ одно русло. Слѣды ихъ видны еще и теперь, а при половодьѣ они наполняются водою, но рѣдко доходятъ до моря. 2) *Баксай*, начинавшійся немного пониже Яманхалинскаго форпоста верстахъ въ 66 выше Гурьева, при истокѣ его въ немъ и теперь бываетъ вода и онъ тамъ называется въ отличіе отъ Сухаго Баксая—*Мокрымъ Баксаемъ*. Баксай и Нарынка впадали оба въ такъ называемое *Курхайское морце*,—озеро, которое лежитъ на самой грани Уральскихъ дачъ съ Юсуповскими и которое соединялось узкими проливами съ морскимъ заливомъ, называемымъ Богатымъ Култукомъ. (Съ однимъ изъ этихъ проливовъ соединялся и Баксай, который въ собственное морце не впадалъ). Озеро это, или морце существуетъ и теперь и имѣетъ еще до 3 и даже до 4 саженъ глубины, но съ моремъ оно уже не имѣетъ постояннаго соединенія. Лишь во время самыхъ сильныхъ водоразлитій, какъ напримѣръ въ 1854 году, возстановляется весною временно это соединеніе и тогда въ морцѣ бываетъ ловъ рыбы, о чемъ будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ. 3) *Солянка*. 4) *Черная рѣчка*, отдѣлявшаяся отъ Урала немного выше Гурьева. 5) *Мостовой*, отдѣлявшійся также немного повыше Гурьева и вливавшійся въ морской заливъ, называемый *Ракушечьимъ ильменемъ;* вокругъ него построены чуланы для храненія снастей гурьевскихъ жителей, которымъ не позволено держать ихъ въ городкѣ, какъ во избѣжаніе потаеннаго лова, такъ и въ обезопасеніи отъ пожаровъ. Въ этомъ Ракушечьемъ ильменѣ теперь пристань для судовъ, которыя приходятъ въ Гурьевъ, но которымъ входъ въ Уралъ запрещенъ, чтобы не пугать рыбы. На пути изъ Астрахани, я въѣхалъ въ этотъ заливъ и думалъ на небольшой лодкѣ пробраться въ Уралъ Мостовымъ, устье котораго было видно. Но это оказалось невозможнымъ, хотя въ 1854 году еще можно было проѣхать весною изъ Ракушечьего ильменя въ Уралъ на бударкѣ. 6) *Прорва*. Она впадала также въ Ракушечій ильмень. 7) *Подстепокъ* и 8) *Плотовой*. Близъ Гурьева, между имъ и кладбищемъ, выходилъ Плотовой и раздѣлялся на два рукава: сѣверо-западный, въ который вливался передавшій ему свое названіе

Подстепокъ, отдѣлявшійся отъ Урала немного повыше Плотоваго; онъ впадалъ въ заливъ, лежащій почти рядомъ съ Ракушечьимъ, только немного его восточнѣе. Теперь заливъ этотъ совершенно глухой. У него построена казачья краулка съ вышкою, отъ которой ѣздятъ сухимъ путемъ въ Гурьевъ, какъ пришлось это сдѣлатъ и мнѣ. Другой рукавъ—западный, собственно Плотовой. Весною 1854 года онъ еще тёкъ, но въ 1856 году, не смотря на довольно сильное водополье, теченія въ немъ не было, хотя русло его близъ Гурьева еще замѣтно и представляетъ лощину, въ которой еще въ половинѣ іюля была вода; истокъ же его изъ Урала уже совершенно затянуло. Въ тридцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія Плотовой былъ самымъ судоходнымъ изъ рукавовъ Урала. Еще въ 1832 году г. Карелинъ, отправляясь въ свою экспедицію по Каспійскому морю, проѣхалъ имъ въ море на большомъ суднѣ, имѣвшемъ нѣсколько десятковъ человѣкъ команды, на всѣхъ парусахъ. Тогда по немъ свободно ходили суда, имѣвшія до 1000 кулей груза. Даже въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ, т. е. лѣтъ пятнадцать тому назадъ, ходили еще по немъ суда, нагруженныя мукою. Прежде этого, но все еще на памяти людской, ходили разшивы и Подстепкомъ. 9) и 10) *Два Стрѣлецкихъ ерика*, которые отдѣлялись ниже Гурьева и которые съ истока теперь совершенно заросли, но устья которыхъ еще оказываются. Эти 10 рукавовъ отдѣлялись къ западу отъ главнаго русла, отъ такъ называемаго стараго Урала, теперь совершенно пересохшаго. Къ востоку отъ него идутъ: 11) *Яицкое устье*, раздѣлившіеся въ послѣдствіи на два: большое и малое, которыя въ этомъ счету мы будемъ принимать, какъ и оба Золотинскія, за одно, ибо раздѣленіе ихъ произошло, когда нѣкоторые изъ перечисляемыхъ здѣсь рукавовъ уже пересохли. 12) *Золотинка.* 13) *Бухарка.* 14) *Перетаска.* 15) *Самаркинъ проранъ*, отдѣлявшійся отъ Перетаски съ лѣвой стороны. 16) *Застѣнный*, отдѣлявшійся отъ Алексашкина прорана съ права. 17) *Алексашкинъ проранъ.* (Четыре послѣдніе рукава впадали въ Бѣлый ильмень). 18) *Быковка*, вытекавшая изъ Урала у самаго Гурьева. Теперь и слѣдовъ ея истока не осталось. Наконецъ 19) *Соколъ*, имѣвшій свое начало противъ Кандауровскаго форпоста, въ 16 верстахъ выше Гурьева.

Говоря объ уменьшеніи числа рукавовъ, которыми Уралъ вливался въ море, я полагаю умѣстнымъ упомянуть о двухъ озерахъ: *Тентякъ* и *Баткакъ-Куль*, которыя лежали недалеко отъ Гурьева и означены на картѣ Колодкина, но теперь совершенно исчезнули; на нихъ было обращено мое вниманіе въ данной мнѣ инструкціи. Изъ всѣхъ Гурьевскихъ казаковъ, которыхъ я расправшивалъ объ этихъ озерахъ, только двое, Голубовъ и семидесятилѣтній старикъ Зеленцовъ, могли сообщить мнѣ о нихъ свѣдѣнія. Озеро Тентякъ было не соленое, а прѣсное, и лежало на Самарской (Европейской) сторонѣ Урала, въ трехъ верстахъ выше Гурьева. Теперь только въ сильныя половодья понимается водою мѣсто, гдѣ оно лежало, но и въ эти годы къ концу, лѣта оно обсыхаетъ и на немъ косятъ сѣно. Названіе Баткакъ-Куль не было извѣстно упомянутымъ казакамъ, но изъ значенія его (тинистое, грязное озеро) Голубовъ заключилъ, что это должно быть то озеро, которое прежде называлось у нихъ *Тухлымъ.* Это тоже было прѣсное озеро, которое теперь совершенно уже высохло и на мѣстѣ котораго также сѣнокосы.

Подобное же обмелѣніе замѣчается и въ морѣ, омывающемъ дачи Уральцевъ. На это множество доказательствъ, такъ что фактъ этотъ, по моему мнѣнію, внѣ всякаго сомнѣнія. Въ началѣ іюля 1856 года я ѣздилъ изъ Гурьева на Гранный бугоръ. Мы въѣхали въ море Большимъ Золотинскимъ устьемъ и, не смотря на довольно сильный нагонный вѣтеръ при въѣздѣ въ море, глубина не

превышала $2^1/_2$ футъ. На другой день, на такомъ разстояніи отъ береговъ, что никакихъ признаковъ ихъ не было видно, почти при совершенномъ безвѣтріи, стали мы купаться и вода доходила намъ только по поясъ. Замѣчательно, что это мѣсто не составляетъ какой нибудь отмели, ибо все море на большое пространство здѣсь такъ мелко. Бывшіе со мною казаки, въ числѣ которыхъ находился и Голубовъ, единогласно утверждали, что прежде море было гораздо глубже, теперь же, по словамъ ихъ, въ выгонный вѣтеръ при устьяхъ ходятъ птицы по обнаженному песку и своими движеніями и крикомъ пугаютъ рыбу и тѣмъ препятствуютъ ей входить въ Уралъ даже по самому фарватеру, гдѣ еще, конечно, есть вода. Имѣвъ случай уже неоднократно познакомиться со склонностью людей необразованныхъ къ преувеличеніямъ и къ тому, чтобы видѣть все настоящее въ дурномъ, а все прошедшее въ хорошемъ свѣтѣ, я, можетъ быть, мало обратилъ бы вниманія на эти разсказы, ежели бы меня не удостовѣрили въ справедливости ихъ другіе, болѣе опредѣленные факты. Такъ ассесоръ Уральской Войсковой Канцеляріи есаулъ Жиглинъ, бывшій въ 1853 году начальникомъ правой стороны весенняго Курхайскаго лова, разсказывалъ мнѣ, что послѣ сильной бури, которою сорвало съ якорей и отнесло въ Астраханскія воды 24 лодки, сдѣлался такой выгонъ воды, что на 18 верстъ передъ устьемъ дно совершенно обсохло, такъ что выходили изъ лодокъ и, разостлавъ ковры на пескѣ, т. е. на днѣ моря, отдыхали на нихъ подъ тѣнью своихъ лодокъ. Это достаточно показываетъ до какой степени обмелѣло море въ этихъ мѣстахъ. Что прежде было не такъ и что обмелѣніе произошло въ недавнее время—свидѣтельствуютъ появленіе новыхъ островов вблизи устьевъ Урала и состаніе прежде бывшихъ острововъ съ материкомъ. Такіе новые острова суть: съ права отъ устьевъ Урала 1) *Каменный*, 2) *Большой* и 3) *Малый Пѣшные*; съ лѣва же 4) *Камынинъ*, 5) *Чертова шалыга* и 6) *Нордъ-вестовая шалыга* (*).

Казакъ Зеленцовъ, которому болѣе 70 лѣтъ и который постоянный гурьевскій житель, разсказывалъ, что лѣтъ около пятидесяти тому назадъ (въ точности года онъ не помнилъ и на мои вопросы отвѣчалъ, что это было еще до 1812 года, но уже въ царствованіе Императора Александра Павловича) былъ имъ измѣренъ недавно передъ тѣмъ появившійся островъ Большой Пѣшной, по приказанію начальника происходившаго въ то время тюленьяго боя, Севрюгина. Оказалось, что онъ имѣлъ лишь 6 саженъ ширины и отъ 10 до 15 саженъ длины. При волненіи ходила черезъ него вода, такъ что оставленныя на немъ тушки тюленя снесло водою. Ни Малаго Пѣшнаго, ни даже Каменнаго въ то время еще не было. Живущій въ Уральскѣ казакъ Сладковъ, принадлежащій къ числу самыхъ богатыхъ и почетныхъ казаковъ и уже довольно старый, также помнитъ, когда еще не было ни Пѣшныхъ, ни Каменнаго, ни Камынина. Въ 1832 году г. Карелинъ измѣрялъ Малый Пѣшной. Онъ имѣлъ тогда 150 саженъ въ длину, теперь же въ немъ около 2 верстъ. Въ моряны онъ заливался тогда водою, такъ что г. Карелинъ, стоявшій тогда на немъ въ палаткахъ, при сильномъ юго-западномъ вѣтрѣ, случившемся ночью, едва успѣлъ спасти отъ подмочки бывшіе съ нимъ инструменты и книги. Изъ всѣхъ этихъ разсказовъ видно, что Пѣшные острова образовались не вдругъ, а мало по малу. Тоже относится и къ Каменному. Одинъ старый и весьма

(*) Шалыгами называютъ здѣсь небольшіе островки, весьма мало выдающіеся надъ поверхностью моря. Они весьма обыкновенны по направленію отмелей, высшую точку которыхъ составляетъ какой нибудь островъ; иногда сохраняютъ они названіе шалыгъ, когда уже увеличатся и сдѣлаются настоящими островами.

уважаемый въ Уральскѣ казакъ Щелоковъ сказывалъ мнѣ, что болѣе сорока лѣтъ тому назадъ, въ сильныя моряны покрывался этотъ островъ водою, въ выгонные же вѣтра оголялся.

Пѣшные острова, когда они были еще малы, неоднократно стирало льдомъ, послѣ чего однако они опять вскорѣ появлялись. Теперь, когда они уже значительно увеличились, ледъ стирать ихъ болѣе не можетъ; но каждую зиму натираетъ на нихъ множество льду, который подъ ракушею и пескомъ не растаиваетъ во все лѣто. На этомъ основаніи можно бы полагать, что эти острова—явленіе совершенно частное, зависящее отъ особенныхъ причинъ, свойственныхъ этой мѣстности, и вовсе поэтому не доказывающее общаго обмелѣнія моря у Уральскаго прибрежья, и что они могутъ періодически появляться и исчезать. Такія періодическія появленія и исчезновенія островов и временное обмелѣніе нѣкоторыхъ частей моря дѣйствительно бываютъ на Каспійскомъ морѣ, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться изъ разсказовъ рыбаковъ, живущихъ у береговъ Синяго морца. Я видѣлъ это морце во время сильнаго разлитія Волги. Это обширный заливъ, въ который впадаетъ нѣсколько самыхъ восточныхъ рукавовъ Волги, столь широкій, что противоположный берегъ его едва виденъ. Съ правой стороны на немъ множество островов, поросшихъ большею частію ивовымъ лѣсомъ; съ лѣвой же островов гораздо меньше. Съ паденіемъ воды число островов на немъ значительно увеличивается и по всему пространству залива оказываются *осередки*, т. е. мели едва покрытыя водою. Только восточная сторона морца остается открытою, хотя также весьма мелкою, западная же вся подраздѣляется на рукава, коими отдѣляются острова одинъ отъ другаго. По словамъ моего лоцмана, котораго отецъ и дѣдъ и прадѣдъ жили у Синяго морца, лѣтъ двадцать пять или тридцать тому назадъ морце было совершенно открытымъ заливомъ, на которомъ вовсе не было островов. Но его дѣдъ разсказывалъ ему, что въ его молодости морце было покрыто островами, поросшими лѣсомъ точно такъ, какъ это теперь, что однажды зимою поднялась страшная моряна, взломало ледъ, порѣзало имъ весь лѣсъ, росшій на островахъ, и сами острова постирало и посмывало. Этотъ разсказъ лоцмана подтвердили мнѣ жители его деревни, какъ всѣми ими слышанное отъ отцовъ или дѣдовъ. Сомнѣваться въ справедливости его нѣтъ никакихъ причинъ и онъ, по моему мнѣнію, весьма поучителенъ, доказывая ложность росказней о постоянно возрастающемъ обмелѣніи устьевъ Волги, ибо показываетъ, что тотъ же порядокъ вещей, вслѣдствіе отъ времени до времени повторяющихся случайностей, возвращается снова. Главнѣйшею изъ этихъ случайностей должно считать дѣйствіе льдовъ, которое особенно сильно въ сѣверо-восточномъ углу моря. Каждую зиму взламываетъ здѣсь ледъ напоромъ воды изъ незамерзшей части моря; такимъ образомъ откалываются огромныя льдины, по нѣскольку верстъ въ длину, и носятся по морю, а вмѣстѣ съ ними нерѣдко находящіеся на нихъ аханщики съ ихъ возами, лошадьми и снастьми, что̀ называется *быть въ относъ*. Весьма часто двѣ такія льдины, гонимыя противуположными теченіями, сталкиваются; тогда по краямъ ледъ ломается, обломки одной льдины лезутъ на обломки другой и такимъ образомъ взгромождаются настоящія ледяныя горы, называемыя *шиханами*. Эти шиханы возрастаютъ часто до того, что они основаніемъ упираются въ дно. Весною, когда ледъ начнетъ таять, то шиханы гонимые вѣтромъ, прутъ передъ собою по дну валы песку и ракуши, образуя такимъ образомъ неровности дна, а иногда и цѣлые острова. Такова, вѣроятно, причина происхожденія группы Кулалинскихъ островов, особенно же новѣйшаго изъ нихъ—Морскаго. Конечно, шиханы могутъ образоваться не вблизи береговъ, а уже на нѣкоторой глубинѣ,—по словамъ Гурьевцевъ не ближе, какъ начиная съ 4-хъ саженъ.

года замѣчались большія измѣненія не только въ Каменномъ островѣ и другихъ островахъ, но и во всѣхъ окрестностяхъ Гурьева,—измѣненія, происшедшія отъ возвышенія морскаго уровня. Одинъ старикъ, безвыѣздно жившій въ Гурьевѣ, разсказывалъ ему, что окрестности Гурьева въ 1730 году были совершенно сухи и берегъ Яика возвышался на двѣ сажени надъ его уровнемъ, между тѣмъ какъ теперь онъ течетъ почти въ ровень съ берегами. Заливовъ, подходящихъ къ Гурьеву, тогда не было (теперь одинъ заливъ также подходитъ къ Гурьеву версты на двѣ или на три) и между берегомъ и Каменнымъ островомъ море было столь мелко, что его переѣзжали въ бродъ при сѣверномъ выгонномъ вѣтрѣ (это и теперь почти можно сдѣлать). Существовало, кромѣ Каменнаго, еще три острова близъ устьевъ Яика, а Каменный былъ въ четверо больше. Острова эти были: *Песчаный*, въ 25 верстахъ за Каменнымъ (теперь этого острова нѣтъ), *Камынинъ* (и теперь существующій) и *Пѣшной* (Пѣшныхъ теперь три). Острова эти пропали со времени возвышенія морскаго уровня, случившагося весною 1730 года. За тѣмъ море снова начало упадать и теперь (т. е. въ 1769 году) вотъ уже три года какъ опять возвышается (*). Изъ этого видно, что съ начала прошлаго столѣтія до настоящаго времени Уральское прибрежье претерпѣло слѣдующія измѣненія: до 1730 года вода была чрезвычайно низка, ниже даже чѣмъ теперь; съ 1730 г. она стала подниматься, потомъ опять упадать и достигла своего втораго минимума въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, послѣ чего опять стала возвышаться и, достигнувъ втораго максимума, въ первыхъ годахъ нашего столѣтія, въ третій разъ стала упадать, что, по видимому, продолжалось до начала пятидесятыхъ годовъ, ибо кажется, что въ послѣдніе годы уровень моря опять началъ возвышаться, такъ что въ $1^1/_2$ столѣтія замѣчено было 3 минимума и 2 максимума. Обратимся теперь къ фактамъ, говорящимъ въ пользу поднятія почвы въ приуральскомъ прибрежьѣ.

Въ степи между Ураломъ и Эмбою есть рѣка, называемая Саргызъ, поверхность которой бываетъ всегда подернута плевою нефти. Г. Карелинъ, который сообщилъ мнѣ этотъ фактъ, говорилъ, что самое названіе Саргызъ въ переводѣ значитъ смола.

Другое указаніе на подземную дѣятельность, и притомъ гораздо яснѣйшее, представляютъ гипсовые бугры вблизи Гурьева. Къ западу, верстахъ въ двухъ отъ этого городка за рукавомъ Урала *Плотовымъ* у самаго истока, уже совершенно пересохшаго, пониже того мѣста, гдѣ я долженъ былъ черезъ него переѣзжать, и раздѣляющагося на двѣ вѣтви, въ которыхъ въ концѣ іюля еще была вода по ступицу колесамъ телѣги, начинаются на глубинѣ аршина залежи гипса, который здѣсь и роютъ. Версты съ двѣ еще за этими гипсовыми ямами идутъ бугры, извѣстные подъ именемъ *слюды*, хотя настоящей слюды я въ нихъ вовсе не видалъ, а лишь листоватаго сложенія прозрачный гипсъ. Всѣхъ бугровъ этихъ 6; они лежатъ въ трехъ группахъ, отличающихся одна отъ другой своими направленіями.

Бугры первой группы, въ числѣ трехъ, идутъ параллельно другъ другу въ направленіи отъ NON къ SWS. Первый изъ бугровъ этой группы—самый высокій и весь разрытъ для добыванія составляющаго его гипсистаго слоистаго известняка сѣровато-бураго цвѣта. Ребра слоевъ этихъ, обнаженныя во многихъ мѣстахъ по вершинѣ бугра, въ точности направлены съ NON къ SWS и стоятъ почти совершенно вертикально, съ легкимъ, едва замѣтнымъ наклономъ отъ NWW

(*) Voyages du professeur Pallas etc. Edition de l'an II de la république Tome II, p. 363—366.

Общій видъ страны представился съ Граннаго бугра слѣдующимъ. Къ W и къ O отъ него тянется рядъ низменныхъ бугровъ, идущихъ почти въ одномъ и томъ же направленіи, только такъ, что одинъ лежитъ нѣсколько выдавшись къ сѣверу, а другой къ югу отъ линіи, которая служила бы продолженіемъ направленію Граннаго бугра. Къ сѣверу и къ югу отъ этой цѣпи бугровъ простираются параллельныя ей низменности, изъ которыхъ южная составляетъ продолженіе въ ширину прорана, которымъ мы выѣхали, т. е. обсохшее дно его. За этимъ прораномъ идетъ приблизительно отъ W къ O другая цѣпь бугровъ, изъ которыхъ одинъ мною выше описанъ. На низменности, прилегающей къ цѣпи бугровъ съ сѣвера, уже не было видно слѣдовъ прорана; за нею же лежитъ опять рядъ бугровъ, въ направленіи параллельномъ тому ряду, который идетъ отъ Граннаго бугра. На этомъ ряду и за нимъ я не былъ; но, по словамъ сопровождавшаго меня Голубова, тоже самое повторяется нѣсколько разъ. Тамъ также по срединѣ низменностей, раздѣляющихъ ряды бугровъ, находятся большею частію проравы. Каждый рядъ бугровъ, ограниченный съ права и съ лѣва низменностями, не должно себѣ представлять однимъ непрерывнымъ бугромъ, котораго отдѣльныя вершины отдѣлены лишь небольшими сѣдловинами, ибо бугры вообще не длинны и каждый изъ нихъ понижается у своей западной и восточной оконечности до одного уровня съ низменностями, его окаймляющими съ сѣвера и съ юга. Каждый изъ нихъ по этому со всѣхъ сторонъ окруженъ низменностями, такъ что если вообразить себѣ уровень моря нѣсколькими футами выше настоящаго, то каждый изъ нихъ оказался бы совершенно обливнымъ островомъ. Что это дѣйствительно такъ было, и притомъ въ недавнее время, доказываютъ заросшія камышомъ пространства въ промежуткахъ между буграми одного и того же ряда. Тогда, слѣдовательно, большіе продольные пророны, параллельные рядамъ бугровъ, соединялись меньшими поперечными. Шематически мѣстность эта имѣетъ видъ, показанный на рис. 1 прилагаемаго чертежа.

Отъ Граннаго бугра я пошелъ на западъ, желая прослѣдить весь рядъ бугровъ, лежащихъ въ одномъ съ нимъ направленіи, до самаго крайняго изъ нихъ къ морю, находящагося у входа въ тотъ проранъ, которымъ мы въѣхали, и извѣстнаго подъ именемъ *Красненькаго.* Такъ какъ со мною былъ компасъ, то я могъ опредѣлить направленіе каждаго изъ посѣщенныхъ мною бугровъ. Единственнымъ затрудненіемъ при этомъ была неясность, съ которою обозначался гребень этихъ бугровъ.

Первый бугоръ къ западу отъ Граннаго идетъ съ WS къ ON.

Второй бугоръ сѣроватаго цвѣта, весьма плоскій и широкій, безъ ясно замѣтнаго гребня, въ поперечномъ разрѣзѣ представляющій видъ, изображенный на рис. 2 прилагаемаго чертежа, идетъ отъ WSW$^1/_2$W къ ONO$^1/_2$O.

Третій бугоръ, также сѣраго цвѣта, идетъ почти отъ O къ W.

Наконецъ четвертый бугоръ, цвѣтомъ нѣсколько краснѣе предыдущихъ, почему и названъ *Красненькимъ,* идетъ отъ WS къ ON.

Такимъ образомъ направленія 6 бугровъ, которыя я опредѣлилъ посредствомъ компаса, лежатъ между отъ O къ W до отъ ONO$^1/_2$O къ WSW$^1/_2$W. Слѣдовательно наибольшая разница въ направленіяхъ ихъ не превышаетъ $1^1/_2$ румба или 17° и за среднее направленіе ихъ можно принять отъ ON къ WS.

Прежде, и не болѣе какъ лѣтъ за 20 или за 30 тому назадъ, по словамъ Голубова, какъ продольныя низменности, раздѣляющія между собою ряды бугровъ, такъ и поперечныя, отдѣляющія другъ отъ друга бугры одного и того же ряда, были покрыты водою, такъ что по всѣмъ имъ можно было проѣхать на лодкахъ. Эти продольные пророны, идущіе приблизительно отъ запада къ востоку,

углублялись верстъ на 30 въ степь и состояли въ соединеніи съ такими же проранами, отдѣлявшими острова, которые лежали у сѣверо-восточнаго—Эмбенскаго — берега моря, но теперь тоже уже срослись съ материкомъ. Такимъ образомъ отъ самаго Гурьева, сначала рѣками, то есть восточными рукавами Урала: Быковкою и Соколомъ, а потомъ этими проранами, можно было, не видя открытаго моря, спуститься до самой Прорвы. Тогда, слѣдовательно, мѣстность эта была совершеннымъ подобіемъ бугровъ и ильменей, лежащихъ къ западу отъ Волги и простирающихся къ югу почти до самой Кумы. Только Уральскіе ильмени (называемые проранами) и бугры были меньше Волжскихъ, и въ горизонтальномъ и въ вертикальномъ направленіяхъ, и, прежде ихъ обсохнувъ, потеряли теперь свой характеристическій видъ. Что въ Волжскихъ ильменяхъ бросается прямо въ глаза, то въ Уральскихъ должно быть отыскиваемо съ компасомъ въ рукахъ.

Сказанное мною объ обмелѣніи, вслѣдствіе котораго обсохли всѣ эти праны, основано не на однихъ разсказахъ Голубова и другихъ казаковъ,—оно оставило очевидные и несомнѣнные слѣды. Сойдя съ Красненькаго бугра и идя параллельно морскому берегу къ прорану, которымъ мы въѣхали, я увидѣлъ валъ, состоящій изъ сѣроватаго песка и мелкихъ обломковъ раковинъ, между которыми попадались и цѣльныя створки въ довольно большомъ числѣ. Обломковъ раковинъ было такъ много въ немъ, что издали онъ весь казался состоящимъ изъ нихъ. Валъ этотъ совершенно подобенъ видѣннымъ нами на четырехъ-бугорномъ островѣ, на косѣ и Ново-петровскаго укрѣпленія и вообще на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ бываетъ прибой волнъ. Отъ вала къ морю саженъ на сто или болѣе простиралась низменность съ едва замѣтною покатостью, поросшая Salicornia herbacea, Salsola Kali и нѣкоторыми другими солянками. Съ внутренней стороны, обращенной къ землѣ, валъ дѣлалъ небольшой уступъ, какъ всегда бываетъ, ежели наметывается песокъ или вообще сыпучее тѣло; отъ этого уступа почва также не много понижалась, такъ что въ разрѣзѣ онъ представлялъ видъ, изображенный на рис. 3 прилагаемаго чертежа.

Валъ этотъ отъ подошвы имѣетъ до 4-хъ футовъ вышины; слабо понижающаяся къ морю низменность, у подошвы вала, также фута на $1^1/_2$ выше морскаго уровня, такъ что вершина вала слишкомъ на 5 футъ возвышается надъ уровнемъ моря, какъ онъ стоялъ во время моего посѣщенія описываемой мѣстности, что, безъ большой ошибки, можно принять за нормальное, ибо какъ въ этотъ день, такъ и въ два предшествовавшіе, было почти совершенное безвѣтріе. Слѣдовательно на пять, или почти на пять футовъ должно было понизиться море и въ не слишкомъ давнее время, потому что нѣкоторые изъ бывшихъ со мною казаковъ хорошо помнятъ, когда море доходило еще до вала. Если оно только на четыре фута было выше теперешняго, то всѣ праны, какъ продольные, такъ и поперечные, должны были быть залиты водою и всѣ бугры казаться обливными островами.

Еще примѣръ обмелѣнія видимъ мы въ Богатомъ Култукѣ и въ бывшемъ съ нимъ въ постоянномъ соединеніи Курхайскомъ морцѣ. Теперь Култукъ этотъ, гдѣ нѣкогда производился большой ловъ рыбы, непроходимъ для мелкихъ лодокъ, а соединеніе его съ Курхайскимъ морцемъ возстанавливается лишь весною, въ годы самыхъ сильныхъ разлитій Урала. Подобнымъ же образомъ обмелѣли Черепной Култукъ и Бѣлый Ильмень.

Всѣ приведенные здѣсь факты, какъ то: необыкновенная отмелость моря у Уральскаго прибрежья, образованіе и постепенное увеличеніе новыхъ островковъ, сростаніе старыхъ съ материкомъ, обсыханіе прановъ и существованіе ракушечнаго вала у Красненькаго бугра, несомнѣнно доказываютъ, что

въ недавнее время вся эта часть моря обмелѣла на нѣсколько футовъ. Какая же могла быть этому причина? Вообще мы можемъ себѣ вообразить ихъ только три: 1) наносъ землистыхъ частицъ впадающею рѣкою, 2) общее пониженіе уровня воды во всемъ морѣ и наконецъ 3) мѣстное поднятіе почвы. Не отвергая, что первая изъ приведенныхъ причинъ могла здѣсь имѣть свою долю вліянія, мы никакимъ образомъ не можемъ объяснить себѣ ею всѣхъ замѣчаемыхъ здѣсь явленій. Не говоря уже объ образованіи Каменнаго острова, который, состоя изъ сплошныхъ каменныхъ породъ, не могъ произойти ни отъ наносовъ, ни отъ натиранія льдами, замѣтимъ, что Уралъ—рѣка слишкомъ незначительная, чтобы произвести обмелѣніе моря на столь значительное пространство и въ столь короткое время. Притомъ же наносъ землистыхъ частицъ рѣкою есть причина постоянно дѣйствующая и должна бы уже давно оказать свое вліяніе, какъ это и дѣйствительно замѣчается, напримѣръ, въ устьяхъ Волги, гдѣ уже старинные путешественники жаловались на мелководье, тогда какъ при устьяхъ Урала явленія обмелѣнія стали оказываться не болѣе, какъ лѣтъ за 50 или 60 тому назадъ.

О существованіи второй причины нельзя составить себѣ понятія на основаніи изслѣдованій одной какой либо мѣстности. Для этого должно быть принято въ соображеніе все море, а такъ какъ это было однимъ изъ тѣхъ предметовъ, на которые наиболѣе было обращено вниманіе начальника экспедиціи, академика Бэра, то я считаю неумѣстнымъ и совершенно излишнимъ распространяться о немъ съ своей стороны. Скажу лишь, что изъ того, что самъ видѣлъ во время нашихъ разъѣздовъ по Каспійскому морю, и еще гораздо болѣе изъ того, что слышалъ отъ академика Бэра, какъ результатъ его наблюденій, едва ли есть возможность принять, что въ послѣдніе 25 или 30 лѣтъ уровень Каспійскаго моря упалъ на 4 или на 5 футовъ, какъ этого, по крайней мѣрѣ, требуютъ явленія обмелѣнія Уральскаго прибрежья. Поэтому остается лишь прибѣгнуть къ третьему предположенію, то есть къ мѣстному поднятію почвы. Одно такое отрицательное объясненіе явленій, принимаемое только по невозможности предложить для нихъ другой причины, было бы, должно сознаться, довольно слабымъ и недостаточнымъ, если нельзя бы было представить въ подтвержденіе его прямыхъ слѣдовъ подземной дѣятельности, такъ или иначе проявляющейся на поверхности въ этой мѣстности. Такіе слѣды или указанія подземной дѣятельности дѣйствительно здѣсь находятся и мнѣ извѣстны изъ нихъ два. Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ихъ, должно замѣтить, что явленія обмелѣнія Уральскаго прибрежья, отъ чего бы они ни происходили, составляютъ явленіе не постоянно увеличивающееся, а представляющее періодическія колебанія; ибо если вышеприведенныя мною показанія мѣстныхъ жителей не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія видимыхъ теперь острововъ еще не существовало, то съ другой стороны путешественники прошедшаго столѣтія, посѣтившіе эти мѣста, упоминаютъ объ этихъ островахъ. Такъ Лепехинъ, бывшій въ Гурьевѣ въ 1769 году, упоминаетъ о Каменномъ островѣ: „одна грудка земли, говоритъ онъ, въ 18 верстахъ отъ берега отстоящая, *Каменной* островъ прозываемая, гурьевскимъ жителямъ служитъ прогулкою“ (*). Палласъ, въ томъ же году посѣтившій Гурьевъ, подробно описываетъ Каменный островъ и между прочимъ говоритъ о немъ, что во время его посѣщенія онъ возвышался не болѣе 2-хъ аршинъ надъ уровнемъ воды (теперь онъ выше этого), но что прежде онъ былъ больше и даже 5 или 6 лѣтъ тому назадъ былъ, какъ увѣряли его, гораздо выше, а съ 1730

(*) Полное собраніе ученыхъ путешествій по Россіи. 1818—1825. Томъ III, стр. 523.

года замѣчались большія измѣненія не только въ Каменномъ островѣ и другихъ островахъ, но и во всѣхъ окрестностяхъ Гурьева,—измѣненія, происшедшія отъ возвышенія морскаго уровня. Одинъ старикъ, безвыѣздно жившій въ Гурьевѣ, разсказывалъ ему, что окрестности Гурьева въ 1730 году были совершенно сухи и берегъ Яика возвышался на двѣ сажени надъ его уровнемъ, между тѣмъ какъ теперь онъ течетъ почти въ ровень съ берегами. Заливовъ, подходящихъ къ Гурьеву, тогда не было (теперь одинъ заливъ также подходитъ къ Гурьеву версты на двѣ или на три) и между берегомъ и Каменнымъ островомъ море было столь мелко, что его переѣзжали въ бродъ при сѣверномъ выгонномъ вѣтрѣ (это и теперь почти можно сдѣлать). Существовало, кромѣ Каменнаго, еще три острова близъ устьевъ Яика, а Каменный былъ въ четверо больше. Острова эти были: *Песчаный*, въ 25 верстахъ за Каменнымъ (теперь этого острова нѣтъ), *Камынинъ* (и теперь существующій) и *Пѣшной* (Пѣшныхъ теперь три). Острова эти пропали со времени возвышенія морскаго уровня, случившагося весною 1730 года. За тѣмъ море снова начало упадать и теперь (т. е. въ 1769 году) вотъ уже три года какъ опять возвышается (*). Изъ этого видно, что съ начала прошлаго столѣтія до настоящаго времени Уральское прибрежье претерпѣло слѣдующія измѣненія: до 1730 года вода была чрезвычайно низка, ниже даже чѣмъ теперь; съ 1730 г. она стала подниматься, потомъ опять упадать и достигла своего втораго минимума въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, послѣ чего опять стала возвышаться и, достигнувъ втораго максимума, въ первыхъ годахъ нашего столѣтія, въ третій разъ стала упадать, что, по видимому, продолжалось до начала пятидесятыхъ годовъ, ибо кажется, что въ послѣдніе годы уровень моря опять началъ возвышаться, такъ что въ $1^1/_2$ столѣтія замѣчено было 3 минимума и 2 максимума. Обратимся теперь къ фактамъ, говорящимъ въ пользу поднятій почвы въ приуральскомъ прибрежьѣ.

Въ степи между Ураломъ и Эмбою есть рѣка, называемая Саргызъ, поверхность которой бываетъ всегда подернута плевою нефти. Г. Карелинъ, который сообщилъ мнѣ этотъ фактъ, говорилъ, что самое названіе Саргызъ въ переводѣ значитъ смола.

Другое указаніе на подземную дѣятельность, и притомъ гораздо яснѣйшее, представляютъ гипсовые бугры вблизи Гурьева. Къ западу, верстахъ въ двухъ отъ этого городка за рукавомъ Урала *Плотовымъ* у самаго истока, уже совершенно пересохшаго, пониже того мѣста, гдѣ я долженъ былъ черезъ него переѣзжать, и раздѣляющагося на двѣ вѣтви, въ которыхъ въ концѣ іюля еще была вода по ступицу колесамъ телѣги, начинаются на глубинѣ аршина залежи гипса, который здѣсь и роютъ. Версты съ двѣ еще за этими гипсовыми ямами идутъ бугры, извѣстные подъ именемъ *слюды*, хотя настоящей слюды я въ нихъ вовсе не видалъ, а лишь листоватаго сложенія прозрачный гипсъ. Всѣхъ бугровъ этихъ 6; они лежатъ въ трехъ группахъ, отличающихся одна отъ другой своими направленіями.

Бугры первой группы, въ числѣ трехъ, идутъ параллельно другъ другу въ направленіи отъ NON къ SWS. Первый изъ бугровъ этой группы—самый высокій и весь разрытъ для добыванія составляющаго его гипсистаго слоистаго известняка сѣровато-бураго цвѣта. Ребра слоевъ этихъ, обнаженныя во многихъ мѣстахъ по вершинѣ бугра, въ точности направлены съ NON къ SWS и стоятъ почти совершенно вертикально, съ легкимъ, едва замѣтнымъ наклономъ отъ NWW

(*) Voyages du professeur Pallas etc. Edition de l'an II de la république Tome II, p. 363—366.

къ SOO. Слои эти, отъ 1 дюйма до ¼ дюйма и меньше толщиною, состоятъ, какъ сказано, главнѣйше изъ сѣровато-бураго известняка. Весьма часто каждый изъ этихъ слоевъ, очень удобно другъ отъ друга отдѣляющихся, въ свою очередь, состоитъ изъ весьма явственныхъ, хотя и тѣсно между собою соединенныхъ и одинъ отъ другаго не отдѣляющихся, различной толщины (отъ ⅕ линіи до 2-хъ линій) прослоекъ того же бураго известняка и гипса. Сверхъ того вся масса этихъ слоевъ проникнута въ разныхъ направленіяхъ другими гипсовыми жилами, какъ бы скрѣпляющими слои между собою.

Второй бугоръ этой группы отстоитъ отъ перваго саженъ на 150 и отдѣленъ отъ него долиною съ горизонтальнымъ дномъ, состоящимъ изъ той же сѣрой глины съ пескомъ, какъ и вся окружающая степь, тогда какъ поверхность самихъ бугровъ состоитъ изъ разрушившихся твердыхъ породъ, ихъ образующихъ и обратившихся въ родъ песка, цвѣта красновато-желтаго. На второмъ бугрѣ не видно каменныхъ слоевъ, какъ на первомъ, ибо онъ не разрытъ. Направленіе его почти параллельно направленію перваго; но такъ какъ на немъ не замѣтно вертикально стоящихъ слоевъ и гребень его довольно закругленъ, то и опредѣлить его компасомъ съ такою же точностію, какъ на первомъ, нельзя было. Мнѣ однакоже казалось, что онъ скорѣе приближается отъ NO къ SW, чѣмъ отъ NON къ SWS.

Третій бугоръ, самый дальній, отдѣленъ отъ втораго долиною версты въ полторы или въ двѣ шириною, впрочемъ совершенно подобною первой долинѣ. На этомъ бугрѣ я не былъ, а видѣлъ его только съ вершины втораго бугра. Онъ ему, сколько можно судить на глазъ, параллеленъ, но гораздо длиннѣе и его и всѣхъ остальныхъ бугровъ. Здѣсь я замѣчу, что два первыхъ бугра почти исключительно поросли Zygophyllum Eichwaldii, тогда какъ въ промежуточныхъ долинахъ и во всей окружающей степи этого растенія вовсе нѣтъ, а растутъ преимущественно солянки и Zygophyllum Fabago.

Почти перпендикулярно къ продолженному направленію этихъ трехъ бугровъ на NNO, верстахъ въ полуторыхъ отъ сѣверо-восточной оконечности перваго изъ нихъ, лежитъ бугоръ, составляющій одинъ вторую группу. Этотъ бугоръ значительно ниже (не выше сажени) и короче бугровъ первой группы и направляется съ OSO½O къ WNW½W (то есть подъ угломъ въ 73 градуса къ направленію перваго бугра первой группы). Чтобы точнѣе опредѣлить его положеніе, я замѣчу, что если продолжить мысленно линію направленія этого бугра, то она, миновавъ первый и вторый бугры первой группы, уткнулась бы въ третій ея бугоръ, и наоборотъ, продолженія линій направленія перваго и втораго бугра первой группы уткнулись бы въ него, а третій ея бугоръ, который самъ по себѣ достаточно длиненъ, чтобы его встрѣтить, минуетъ его. Хотя и на этомъ бугрѣ много мѣстъ разрыто для добыванія камня въ видѣ обломковъ, но самые каменистые слои лежатъ въ немъ гораздо глубже и только въ одномъ мѣстѣ выказываются на поверхности также въ вертикальномъ положеніи, въ длину не болѣе какъ па полъ-аршина. Эти торчмя стоящіе слои и всѣ обломки слоистаго известняка, лежащіе на поверхности этого бугра, не имѣютъ прослоекъ гипса, хотя отдѣльными кусками гипсъ на немъ и попадается, большею частью прозрачный. Казаки, сопровождавшіе меня и прежде сами добывавшіе камень изъ этого бугра, сказывали, что и на глубинѣ алебастра въ немъ не находили. Поверхность этого бугра также состоитъ изъ разрушенной каменной породы, его составляющей, въ видѣ красновато-желтаго песка. Этому недостатку гипса должно, вѣроятно, приписать отсутствіе Zygophyllum Eichwaldii на этомъ бугрѣ.

Въ право, т. е. къ SO отъ продолженнаго направленія къ NO перваго бугра первой группы, лежитъ третья группа бугровъ, въ которой ихъ два. Первый бугоръ ея идетъ съ NW на SO и, слѣдовательно, направленіе его составляетъ съ направленіемъ бугровъ первой группы уголъ почти въ 80 градусовъ, а съ бугромъ второй группы въ 30. Сѣверо-западный конецъ его лежитъ не болѣе, какъ въ 200 саженяхъ отъ перваго бугра первой группы. На немъ не видно вертикальныхъ слоевъ, потому что его не разрываютъ; только у подножія его добываютъ гипсъ и на немъ растетъ Zygophyllum Eichwaldii. Второй бугоръ этой группы лежитъ въ полуверстѣ отъ него къ SW. Онъ весьма низокъ, коротокъ и вообще неясенъ. На этомъ послѣднемъ бугрѣ я не былъ.

Относительное положеніе другъ къ другу всѣхъ этихъ бугровъ представлено шематически на рис. 4 прилагаемаго чертежа.

Всѣ эти бугры шириною отъ 20 до 30 саженъ. Они представляютъ несомнѣнный примѣръ поднятія въ весьма малыхъ и слабыхъ размѣрахъ, могущій однако служить указаніемъ на то, что подземная дѣятельность здѣсь существовала, оставивъ по себѣ ясные слѣды, и намекомъ на то, что она и теперь продолжаетъ обнаруживаться въ постепенномъ поднятіи почвы.

Но если мѣстнымъ поднятіемъ почвы мы можемъ удовлетворительно себѣ объяснить всѣ явленія обмелѣнія моря, образованіе новыхъ острововъ, сростаніе старыхъ съ материкомъ и т. д., то все таки остается затруднительнымъ объяснить, почему изсякло много рукавовъ Урала. Ежели масса воды, приносимая Ураломъ съ верху, не уменьшилась противу прежняго (такому же уменьшенію было бы весьма трудно отыскать достаточную причину), то, съ исчезновеніемъ нѣкоторыхъ устьевъ рѣки, оставшіяся устья должны сдѣлаться или шире, или глубже, или быстрѣе, чтобы доставлять стокъ одинаковой массѣ воды. Но наблюденія старожиловъ, по видимому, этому противурѣчатъ. Кого я ни спрашивалъ, всѣ согласно отвѣчали, что рѣка теперь не шире, но была прежде быстрѣе и полнѣе, такъ что въ Гурьевѣ берега возвышались не болѣе аршина надъ уровнемъ воды въ рѣкѣ, почему тогда и самый Гурьевъ часто заливало. Что относится до ширины, то нѣтъ причины сомнѣваться въ справедливости словъ сторожиловъ, такъ какъ измѣненія въ ней легко замѣтить; что же касается до глубины русла, то едва ли могли они сохранить ясное воспоминаніе о ней, ибо имъ нѣтъ никакой нужды дѣлать надъ нею наблюденій. Говоря, что рѣка обмелѣла, весьма вѣроятно, они распространяютъ на самое русло рѣки то, что собственно лишь относится къ мѣсту впаденія ея въ море, гдѣ дѣйствительно обмелѣніе весьма замѣтно и гдѣ невольно приходится дѣлать наблюденія надъ измѣненіями глубины, при плаваніи на судахъ. Бо̀льшая же полнота рѣки, въ чемъ также сомнѣваться нельзя, вовсе не доказываетъ бо̀льшей глубины. При сравнительно большемъ поднятіи почвы нѣсколько выше устья, чѣмъ самаго дна морскаго, рѣка должна прорыть себѣ болѣе глубокое русло и, слѣдовательно, уровень ея можетъ понизиться безъ дѣйствительнаго уменьшенія въ глубинѣ, но даже съ увеличеніемъ ея. Это сравнительно большее поднятіе почвы въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, чѣмъ самаго дна морскаго, примѣнительно къ Уралу, составляетъ не совершенно лишенное основаній предположеніе, ибо подтверждается однимъ замѣчаніемъ, сообщеннымъ мнѣ двумя, уже выше упомянутыми мною, казаками Щелоковымъ и Сладковымъ. Они сказывали, что прежде моряны возвышали въ Уралѣ воду на гораздо большее разстояніе вверхъ по рѣкѣ, чѣмъ теперь, именно до Тополевской крѣпости, лежащей въ 118 верстахъ отъ моря. Этотъ фактъ, указывающій на увеличеніе склона въ нижней части Урала, неудобосогласимъ съ уменьшеніемъ въ то же время быстроты

ея теченія. Увѣренія же въ этомъ стариковъ я себѣ объясняю такъ, что изъ большей полноты рѣки (то есть изъ меньшаго возвышенія береговъ надъ уровнемъ воды) они заключили и о большей быстротѣ и о большей глубинѣ ея.

Еще одно явленіе даетъ намъ отчетъ въ томъ, какимъ образомъ та же масса воды доходитъ до моря, не смотря на уменьшеніе числа устьевъ, не прибѣгая къ увеличенію глубины русла. Во время весеннихъ разливовъ, начиная отъ Зеленовскаго форпоста, лежащаго въ 134 верстахъ отъ моря, вся степь (преимущественно правая сторона, ибо лѣвая Бухарская нѣсколько болѣе возвышена) далеко внутрь до самаго Курхайскаго морца заливается водою. На этомъ необозримомъ пространствѣ, покрытомъ общею водяною скатертью, стремленіе воды въ ту или другую сторону зависитъ главнѣйше отъ направленія вѣтровъ. Такъ въ 1854 году сильный вѣтеръ, погнавшій воду въ сторону, спасъ Гурьевъ отъ совершеннаго затопленія. Такіе разливы, по словамъ Щелокова, начались лишь съ сороковыхъ годовъ; до того же времени въ нижнихъ частяхъ Урала текла вода по русламъ, немного лишь изъ нихъ выступая, а не разливалась по всему пространству степи. Такимъ образомъ вода, которой, когда она была сперта въ руслахъ, было достаточно, чтобы питать ихъ все лѣто, стекаетъ теперь по всему пространству степи за одну весну. Уралъ, однимъ словомъ, тогда не такъ скоро опоражнивался, какъ теперь.

Причину такихъ разливовъ мы опять таки найдемъ въ томъ же поднятіи почвы, если только прибѣгнемъ къ приведенной уже выше гипотезѣ, что линія наибольшаго поднятія находится не въ морѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, и что оттуда уменьшается оно въ обѣ стороны. Это наглядно объяснитъ рис. 5 прилагаемаго чертежа.

Пусть a b c d e представляетъ наклонъ почвы до поднятія ея; a b f g h наклонъ ея послѣ поднятія; b i воображаемую горизонтальную линію; d и g мѣста, гдѣ начинается морское дно до и послѣ поднятія; c точка наибольшаго поднятія до вышины f; b точка, далѣе которой вверхъ по рѣкѣ поднятія не происходило. Очевидно, что въ слѣдствіе поднятія паденіе между b и f стало меньше, чѣмъ оно было между b и c. Слѣдовательно при половодьи тѣ стоки, которые прежде были достаточны для слива воды, притекающей изъ a черезъ b, уже не могли съ нужною быстротою ее проводить: она должна была разливаться по окружающей мѣстности и уже этимъ путемъ достигать моря. При этомъ однако ширина стока съ излишкомъ вознаграждала за уменьшеніе быстроты, происшедшее отъ уменьшенія паденія, такъ что, въ послѣднемъ результатѣ, вода, притекающая черезъ b, стала скорѣе сливаться и пространство рѣки отъ b до a и выше стало скорѣе опоражниваться; тогда какъ при прежнемъ порядкѣ вещей, этой излишне стекающей воды доставало, чтобы въ остальное время года она выше b стояла на большей высотѣ, чѣмъ теперь, и чтобы ею питались высохшіе теперь рукава Урала. Этому скорѣйшему стоку воды содѣйствуетъ и увеличеніе паденія между f и d противъ c и d. Уменьшеніе паденія и быстроты между b и f причинило также и засореніе истоковъ рукавовъ, выходившихъ на этомъ пространствѣ изъ главнаго русла. И дѣйствительно, теперь нѣтъ и слѣдовъ этихъ рукавовъ при ихъ выходѣ, хотя въ нижней части ихъ теченія сохранились еще ложбины, по которымъ они прежде текли и въ которыхъ даже, какъ въ самыхъ низменныхъ мѣстахъ, среди лѣта держится вода, послѣ того какъ вся степь, гдѣ она разливалась весною, уже совершенно обсохла.

Въ концѣ описанія мѣстности, на которой производится главный Уральскій ловъ, и тѣхъ

перемѣнъ, которымъ она въ послѣднее время подвергалась, прилично будетъ сказать нѣсколько словъ о рѣчкахъ и озерахъ сосѣднихъ Уралу, въ которыхъ казаками также производится ловъ рыбы.

На правомъ, Европейскомъ, или, какъ онъ здѣсь называется, Самарскомъ, берегу Урала производится такой ловъ въ такъ называемыхъ Узеняхъ, въ нѣкоторыхъ другихъ рѣчкахъ, частію впадающихъ въ Уралъ, частію теряющихся въ разливахъ или болотахъ, и въ нѣкоторыхъ озерахъ. Кромѣ двухъ *Узеней*, сюда принадлежатъ: *Кушумъ*, теряющійся въ разливахъ, лежащихъ не много сѣвернѣе Камышъ-Самарскихъ озеръ; *Чаганъ*, впадающій въ Уралъ при Уральскѣ, и принимаемый имъ *Деркулъ*; *рѣчки Чижинскія*, которыхъ три: *первый*, *второй* и *третій Чижъ*, теряющіяся къ Ю. З. отъ Уральска въ такъ называемыхъ *Чижинскихъ разливахъ*. По Чижамъ разсѣяны казацкія станицы и хутора, составляющіе Чижинскую линію. Рѣчки *Гаврилина* и *Ларина*; *Камышъ-Самарскія* и *Сакрыльскія* озера, лежащія между Большимъ и Малымъ Узенями, и наконецъ озеро *Балыхта*. На этихъ озерахъ и рѣчкахъ я самъ не былъ и, кромѣ приведенныхъ названій, ничего особеннаго о нихъ, въ физическомъ отношеніи, сказать не имѣю. Рыболовство во всѣхъ нихъ слыветъ подъ общимъ именемъ Узенскаго. На лѣвой, Азіятской, или по здѣшнему Бухарской, сторонѣ Урала, верстахъ въ 60 или 70 отъ Уральска лежитъ озеро *Черхалъ*, извѣстное у казаковъ подъ именемъ *Черхальскаго морца*. Оно чрезвычайно обильно рыбою и производимый въ немъ ловъ важнѣе Узенскаго. Хотя и на этомъ озерѣ я самъ не былъ, но отъ рыболовствующихъ на немъ ежегодно казаковъ удалось мнѣ собрать довольно подробныя о немъ свѣдѣнія. Въ это озеро вливаются двѣ рѣки: *Большая* и *Малая Анкоты* и выходитъ изъ него одна—*Солянка*, вливающаяся въ Уралъ пониже Уральска. Смотря по сравнительной высотѣ воды въ морцѣ и въ Уралѣ, вода течетъ по Солянкѣ или изъ Урала въ него, или изъ него въ Уралъ; лѣтомъ же она пересыхаетъ. Морце это имѣетъ около 20 верстъ въ длину и до 15 въ ширину, въ окружности же около 60 верстъ. Именно: отъ устья *Большой Анкоты*, впадающей въ морце почти на самомъ крайнемъ его восточномъ пунктѣ, до устья *Малой Анкоты*, лежащаго отъ него почти прямо на сѣверъ, считается 7 верстъ; отъ устья *Малой Анкоты* до *Краснаго Яра*, если идти сначала по сѣверо-западному, а потомъ по юго-западному берегу озера, 30 верстъ; отъ *Краснаго Яра* до истока *Солянки*, который отъ него на юго-востокъ, 10 верстъ; отъ истока *Солянки* до лежащаго отъ него къ востоку *Прѣснаго Ключа* 5 верстъ; наконецъ отъ *Прѣснаго Ключа* въ сѣверо-восточномъ направленіи до устья *Большой Анкоты* 7 верстъ. Я привожу здѣсь названія всѣхъ этихъ урочищъ, потому что о нихъ придется упоминать при описаніи Черхальскихъ лововъ. По серединѣ Черхальское морце имѣетъ до 7 маховыхъ саженъ глубины (слишкомъ 5 печатныхъ). Вытекающая изъ него рѣчка носитъ названіе Солянки, потому что вода въ немъ хотя и не соленая, но однакоже сильно солодковатая, такъ что даже зимою, во время рыболовства, казаки таятъ ледъ или снѣгъ для питья, если не находятся вблизи прѣснаго ключа. Вода озера такъ прозрачна, что на глубинѣ трехъ саженъ еще видно дно. Дно состоитъ большею частію изъ чернаго ила (баткака), издающаго сѣрнисто-водородный запахъ. Берега мѣстами крутые и обрывистые, высотою у Краснаго Яра до 5 саженъ, мѣстами же пологіе, поросшіе сослянками краснаго цвѣта. На восточной сторонѣ озера есть горы, которыя, впрочемъ, ниже Индерскихъ. Вслѣдствіе солености почвы тамъ, гдѣ берегъ низменъ, вокругъ него нѣтъ тростниковъ, а потому на немъ почти не водится птицъ; въ впадающихъ же въ него рѣчкахъ Анкотахъ, имѣющихъ отъ 20 до 50 саженъ ширины, очень много тростниковъ и въ нихъ въ изобиліи водятся водяныя птицы. Весною эти рѣки

имѣютъ теченіе и вода въ нихъ лишь слабо солодковата. Къ осени же онѣ дѣлаются стоячими, вода въ нихъ загниваетъ и получаетъ непріятный запахъ. Весною поднимается изъ озера въ эти рѣчки рыба, чтобы метать икру, и на этомъ, какъ увидимъ, основаны нѣкоторые изъ правилъ, существующихъ для Черхальскаго рыболовства. При сильныхъ вѣтрахъ образуются у береговъ, отъ напора воды въ одну сторону, сильныя теченія, такъ что нельзя бываетъ иногда удерживать неводовъ. Зимою становится ледъ мѣстами не ровно и льдины нагромождаются одна на другую, а отъ этого не только верхняя, но и нижняя поверхность льда бываетъ весьма неровна и употребляемые здѣсь огромные невода рвутся часто объ льдины. Поэтому отъ того, какъ станетъ ледъ, ровно или не ровно, зависитъ главнѣйше успѣхъ зимняго лова.

Въ Черхальскомъ морцѣ водятся сазанъ, судакъ, лещъ, щука, карась, вобла и чехонь. Замѣчаютъ, что въ Анкоты преимущественно идетъ метать икру лещъ; вобла же и чехонь остаются постоянно въ озерѣ. Въ прежнія времена, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, водились въ немъ и сомы и тоже шли въ Анкоты метать икру; теперь же они тамъ совершенно перевелись. Я думаю, что этого нельзя себѣ иначе объяснить, какъ тѣмъ, что Солянка, соединяющая озеро съ Ураломъ, была тогда, весною по крайней мѣрѣ, гораздо глубже и полноводнѣе, нежели теперь, и что ею заходили туда сомы. Впрочемъ и въ недавнее время, именно въ 1848 году, зашелъ въ морце осетръ, который, будучи пойманъ, оказался очень худымъ и дурнаго вкуса; вѣсилъ онъ 19 фунтовъ. О черной рыбѣ (у Уральцевъ слово *черная рыба* замѣняетъ астраханское *частиковая* и имѣетъ значеніе рыбы худшаго сорта въ сравненіи съ красною), ловимой въ Черхальскомъ морцѣ, замѣчаютъ напротивъ, что она особенно жирна и отличается превосходнымъ вкусомъ. По словамъ казаковъ, лещи доходили здѣсь прежде до 7 фунтовъ, а судаки даже до 30; теперь же попадаются рыбы такой величины только какъ рѣдкое исключеніе. Вообще, говорятъ они, стала здѣсь рыба гораздо мельче противу прежняго: воблы и чехони приходится здѣсь кругомъ не менѣе 70 штукъ на пудъ.

II. Метаніе икры и нѣкоторыя особенности въ образѣ жизни рыбъ въ уральскихъ водахъ.

Въ Уралѣ и въ прилежащей къ нему части моря нѣтъ ни одной породы рыбъ, которая бы не водилась и въ Волгѣ. Но нѣкоторыя изъ рыбъ, живущихъ въ этой послѣдней рѣкѣ или заходящихъ въ нее, въ Уралѣ не попадаются вовсе, или по крайней мѣрѣ весьма рѣдко. Такъ въ Уралъ вовсе не поднимается бѣшенка; стерлядь въ немъ весьма рѣдка; бѣлорыбицы прежде вовсе не было и лишь въ недавнее время начала она изрѣдка въ него заходить.

Своею величиною уральская рыба также немногимъ отличается отъ волжской. Столь точныхъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ, какъ для рыбъ, ловимыхъ въ Волгѣ и въ Курѣ, я здѣсь собрать не могъ, потому что тутъ нѣтъ ватагъ, на которыхъ бы въ подробности записывалось какъ число, такъ и вѣсъ пойманныхъ рыбъ, а потому во всѣхъ статистическихъ свѣдѣніяхъ, существующихъ въ Уральскомъ рыболовствѣ, означены или только число, или только вѣсъ пойманной рыбы и притомъ вообще для красной и вообще для черной рыбы, безъ различія ихъ сортовъ. То же относится и къ пропорціи икры и клея къ общему вѣсу рыбы. Поэтому я долженъ былъ довольствоваться въ этомъ отношеніи показаніями опытныхъ рыболововъ. Такимъ образомъ выходитъ, что средній вѣсъ бѣлуги составляетъ 3 пуда, шипа 1½ пуда, осетра отъ 25 до 30 фунтовъ и севрюги 15 фунтовъ.

Это почти тотъ же среднiй вѣсъ, что и для волжскихъ рыбъ, — одинъ осетръ значительно мельче волжскаго и куринскаго.

На 10 икряныхъ бѣлугъ (кругомъ въ 30 пудовъ вѣсомъ) приходится 6¼ пудовъ икры, на осетровъ и шиповъ (отъ 12 до 13 пудовъ вѣсомъ) около 3½ пудъ икры, на 10 севрюгъ (отъ 4½ до 5 пудовъ вѣсомъ) 1½ пуда икры. Слѣдовательно, при томъ же вѣсѣ тѣла, севрюга даетъ всего болѣе икры, именно 9 пудовъ на 30 пудовъ, потомъ осетръ и шипъ около 8 пудовъ и наконецъ бѣлуга 6¼ пудовъ; вообще же можно положить, что въ икряныхъ рыбахъ вѣсъ тѣла относится къ вѣсу икры какъ 4 : 1. Такъ какъ изъ 3-хъ рыбъ приходится кругомъ одна икряная, то вѣсъ икры къ вѣсу ловимой красной рыбы будетъ относиться какъ 1 : 12, иногда же и какъ 1 : 10.

Пудъ клея приходится на 120 бѣлугъ, на 400 осетровъ и на 600 севрюгъ. Шиповъ, не смотря на значительный ихъ вѣсъ, на пудъ клея приходится почти столько же, сколько и севрюгъ, потому что клеина у нихъ весьма тонкая. Кругомъ можно считать, что на 1 фунтъ клея приходится отъ 12 до 15 пудовъ рыбы. Вязигу считаютъ на Уралѣ противъ клею.

Тѣ же казаки, со словъ которыхъ я означилъ среднiй вѣсъ красной рыбы и среднiя пропорцiи клея и икры, утверждаютъ положительно, что противу прежняго рыба стала мельче. Тогда какъ въ двадцатыхъ и въ тридцатыхъ еще годахъ 100 рыбъ, преимущественно севрюгъ, пойманныхъ на Курхайскомъ ловѣ, вѣсили кругомъ 42 и 43 пуда и давали отъ 11 до 12 пудовъ икры, теперь вѣсятъ не болѣе 30—33 пудовъ и даютъ отъ 7 до 8 пудовъ икры.

Примѣры чрезвычайно большихъ рыбъ встрѣчаются и въ Уральскихъ водахъ, но еще рѣже, чѣмъ въ Волжскихъ. Самый замѣчательный изъ этихъ примѣровъ представляетъ бѣлуга, пойманная въ 1847 году на весеннемъ Курхайскомъ ловѣ; она вѣсила 60 пудовъ. Въ 1855 году на осеннемъ неводномъ ловѣ попалась бѣлуга, которая тутъ же на мѣстѣ была продана купцамъ за 200 р. сер., для чего ей нужно было вѣсить отъ 30 до 35 пудовъ. Такъ какъ про этотъ случай разсказываютъ уже, какъ про нѣчто необыкновенное, то бѣлуга въ тридцать пудовъ составляетъ, слѣдовательно, здѣсь уже рѣдкое, исключительное явленiе. Осетры въ 4 и въ 5 пудовъ попадаются и теперь, а если это случится зимою, то обыкновенно отправляются въ презентъ ко Двору; прежде они попадались даже въ 7 и 8 пудовъ, хотя и рѣдко. Чтобы и въ послѣднiе годы былъ пойманъ такой осетръ, мнѣ не приходилось слышать.

Въ естественной исторiи рыбъ Каспiйскаго моря два обстоятельства заслуживаютъ особенно вниманiя, какъ сами по себѣ, такъ и по тому, что на изученiи ихъ основано все здѣшнее рыбное хозяйство, это—метанiе икры, обусловливающее весеннiй ходъ рыбы въ рѣки, и нѣчто въ родѣ зимняго сна, называемаго здѣсь *лежанiемъ на ятовяхъ*, обусловливающее ихъ осеннiй ходъ въ рѣки. Относительно красной рыбы, оба эти явленiя представляютъ въ Уралѣ замѣчательныя особенности, даже сравнительно съ сосѣднею Волгою. Все, что я могу сообщить здѣсь объ этомъ предметѣ, основано на разсказахъ опытныхъ рыболововъ. Мое дѣло состояло лишь въ томъ, чтобы собрать какъ можно болѣе такихъ разсказовъ отъ разныхъ, заслуживающихъ въ этомъ отношенiи довѣрiя, лицъ, сличить ихъ между собою и, сообразивъ съ тѣми свѣдѣнiями, которыя я прiобрѣлъ объ этомъ предметѣ, подъ руководствомъ академика Бэра, во время пребыванiя нашего на Волгѣ и на Курѣ, отдѣлить несомнѣнные факты отъ предразсудочныхъ мнѣнiй, которыя разсказчики могли себѣ составить.

Собранныя мною свѣдѣнія, какъ въ Гурьевѣ, такъ по дорогѣ изъ Гурьева въ Уральскъ и наконецъ въ самомъ Уральскѣ, о времени и мѣстахъ метанія икры, совершенно согласны между собою, не такъ какъ на Волгѣ, гдѣ жители низовьевъ, побуждаемые своими интересами, говорятъ совершенно другое, чѣмъ живущіе около Царицына и выше. Это по тому, что здѣсь, какъ мы увидимъ ниже, интересы всего войска тождественны. Всѣ, съ кѣмъ я только ни говорилъ, утверждали согласно: 1) что красная рыба мечетъ икру какъ въ морѣ у черней (низменныхъ береговъ), такъ и въ рѣкѣ, 2) что время метанія икры начинается съ первыхъ чиселъ мая и даже съ конца апрѣля и продолжается не далѣе какъ до половины іюня и 3) что прежде всѣхъ мечетъ икру бѣлуга, за нею осетръ и шипъ, а уже послѣ всѣхъ севрюга. Такъ какъ метаніе икры въ морѣ и ранній срокъ, въ который оно имѣетъ здѣсь мѣсто, противурѣчало тому, что было мнѣ извѣстно изъ другихъ частей Каспійскаго моря, то я требовалъ на эти два факта самыхъ положительныхъ удостовѣреній и доказательствъ. Слѣдующіе разсказанные мнѣ случаи несомнѣнно подтверждаютъ, что дѣйствительно красная рыба иногда мечетъ икру въ морѣ. Теперешній начальникъ Гурьева городка, войсковой старшина Буренинъ, говорилъ мнѣ, что въ его молодости, когда онъ еще былъ урядникомъ, въ 1828 или 1829 году, во время одного изъ разъѣздовъ по взморью для обереженія его отъ тайныхъ полововъ, бывшіе съ нимъ казаки выдернули колъ, оставшійся отъ установки Курхайскихъ сѣтей (*), и на немъ былъ какъ бы насаженъ клубъ икры, величиною съ голову, если не больше. Тогда онъ не обратилъ вниманія на то, какой именно породѣ красныхъ рыбъ эта икра принадлежала. Другой подобный примѣръ сообщилъ мнѣ совѣтникъ Уральской Войсковой Канцеляріи подполковникъ Марковъ. Также во время разъѣздовъ по взморью, ему случалось вынимать тростникъ (изъ кучъ сухаго тростника, наносимаго въ море теченіемъ во время разливовъ), къ которому были прилѣплены икрянки красной рыбы. Икрянки эти отъ долгаго лежанія въ водѣ разбухли и были величиною съ горошину. Такая же икра попадалась ему на каршахъ, лежащихъ въ морѣ. Вода въ этихъ мѣстахъ моря была уже солодковая, но однакоже такая, которую съ нуждою еще можно было пить. Кромѣ этихъ двухъ уже совершенно опредѣленныхъ и положительныхъ разсказовъ, всѣ рыбаки, ловившіе въ морѣ, утверждаютъ, что въ глухихъ Култукахъ прибрежья часто скопляется весною красная рыба въ большомъ изобиліи, тѣснится тамъ, играетъ и трется, а изъ пойманной въ это время рыбы свободно вытекаютъ икра или молоки. Старикъ Щелоковъ даже говорилъ мнѣ, что ему случалось видѣть какъ самцы поливаютъ молоками выпускаемую самками икру. Г. Карелинъ также сказывалъ мнѣ, что, уже въ послѣднее пребываніе его въ Гурьевѣ, случилось ему видѣть такое скопленіе красной рыбы въ Черепномъ Култукѣ, лежащемъ къ востоку отъ Бѣлаго Ильменя. Въ подтвержденіе того, что красная рыба мечетъ икру и въ морскихъ заливахъ, приводили мнѣ въ примѣръ, что весною 1855 года, т. е. черезъ годъ послѣ сильнаго половодья 1854 года, поймано было въ Курхайскомъ морцѣ много севрюгъ въ 6 вершковъ и въ ½ аршина длиною. По мнѣнію разсказывавшаго мнѣ это казака Сладкова, это были годовики, которые сами туда зайдти не могли, а вывелись тамъ изъ икры, выметанной въ 1854 году рыбою туда зашедшею, когда временно возстановилось соединеніе морца съ Богатымъ Култукомъ. Мнѣ кажется, что это объясненіе, хотя и

(*) Такихъ коловъ, означающихъ мѣста, гдѣ были сѣти, въ морѣ всегда много, хотя ихъ объѣздчики и собираютъ послѣ всякаго лова, ибо въ совершенно безлѣсной странѣ, каковы окрестности Гурьева, они довольно дороги.

не вполнѣ доказательно, однакоже самое вѣроятное, потому что, хотя молодыя рыбки могли бы зайти въ морце и изъ Урала вскорѣ послѣ ихъ выводки, или изъ моря, когда соединенiе Култука съ морцемъ было возстановлено отъ половодья или сильныхъ морянъ, но послѣднее неправдоподобно, ибо никогда и нигдѣ не замѣчено, чтобы столь мелкая красная рыба шла къ берегамъ; для перваго же было бы нужно, чтобы рыбки весьма рано вывелись изъ икры, дабы успѣть до слитiя воды попасть изъ Урала въ Курхайское морце. Вообще, по словамъ опытныхъ рыболововъ, красная рыба въ морѣ идетъ для метанiя икры на тѣ мѣста, гдѣ черезъ степь переливается вода отъ разлитiя Урала. По ихъ мнѣнiю, сюда не столько привлекаетъ ихъ прѣсность воды, сколько ея теплота, ибо, разливаясь по степи, вода при малой глубинѣ весьма скоро тутъ нагрѣвается.

О метанiи икры въ рѣкѣ всѣ утверждаютъ, что для этого красная рыба расходится по разливамъ Урала и идетъ на такъ называемые наборы или выбойныя мѣста, то есть туда, гдѣ дно очень неровно, много каршей и растетъ тальникъ; но никогда не выбиваетъ ея въ главномъ руслѣ. Что дѣйствительно въ этихъ мѣстахъ рыба выметываетъ икру, подтверждаютъ они тѣмъ, что на возвратномъ пути оттуда у ней вся икра бываетъ выбита. Замѣчу здѣсь, что опытные рыболовы изъ казаковъ весьма хорошо отличаютъ яловую рыбу (самцовъ) отъ выбойной тѣмъ, что въ этой последней находятъ мелкiя икрянки,—зародыши будущей икры. Хотя такимъ образомъ казаки сами говорятъ, что рыба поднимается въ Уралъ, чтобы и тамъ метать икру, у нихъ существуетъ однако на этотъ счетъ весьма странное предразсудочное понятiе. Именно они говорятъ, что только изъ той икры, которая выметывается красною рыбою въ морѣ, выводятся молодыя рыбки и что хотя она часто мечетъ ее и въ Уралѣ, или точнѣе въ разливахъ его, но тутъ она, по ихъ выраженiю, не оплодотворяется, то есть не развивается безъ присутствiя соленой воды. (Они весьма хорошо знаютъ, что оплодотворенiе происходитъ отъ политiя икры молоками, но подъ словомъ *не оплодотворяется* разумѣютъ тутъ, что не достаетъ выгодныхъ условiй для дальнѣйшаго развитiя икрянокъ). Такое мнѣнiе ихъ основано на томъ, что будто бы въ Уралѣ никогда не попадается и вообще не бываетъ видно мальковъ красной рыбы. Конечно, нѣтъ никакой надобности опровергать самаго мнѣнiя, что будто бы изъ выметанной и оплодотворенной икры красной рыбы въ рѣкѣ не развивается рыбокъ; но и самое основанiе, на которомъ оно утверждается и которое многими, даже и за предѣлами земли Уральскаго войска, принимается за совершенно достовѣрный и неопровержимый фактъ, совершенно ложно. Именно объ Уралѣ, скорѣе чѣмъ о всякой другой рѣкѣ, вливающейся въ Каспiйское море, можно привести примѣры, что въ ней были находимы мальки красной рыбы и притомъ въ весьма большомъ количествѣ. Еще въ бытность нашу въ Гурьевѣ, осенью 1854 года, академикъ Бэръ самъ слышалъ отъ г. Карелина, что неподалеку отъ Гурьева были усмотрѣны однажды въ одномъ изъ разливовъ Урала, послѣ спаденiя воды, множество севрюжьихъ мальковъ. При проѣздѣ моемъ черезъ Кондауровскiй форпостъ (*) (въ 16 верстахъ выше Гурьева), около котораго это случилось, я собралъ тамошнихъ стариковъ, чтобы отъ нихъ разузнать объ этомъ. Они разсказали

(*) Форпостами называются у Уральскихъ казаковъ ихъ станицы, безъ сомнѣнiя по тому, что прежде онѣ не были мѣстами постояннаго ихъ жительства, а казаки приходили въ нихъ на время для содержанiя сторожевыхъ постовъ противъ Киргизскихъ набѣговъ. Самыя большiя и старинныя изъ станицъ называются крѣпостями, каковыми онѣ дѣйствительно прежде и были, теперь же ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ форпостовъ.

мнѣ, что дѣйствительно, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, было найдено чрезвычайное множество севрюжьихъ мальковъ въ разливахъ Урала, окружающихъ ихъ форпостъ. Они были такъ малы, что ихъ вылавливали бреднемъ, сдѣланнымъ изъ рогожъ, и пускали въ Уралъ. Эти севрюжки, по словамъ ихъ, были загнаны туда вѣтрами вмѣстѣ съ водою изъ Урала, а не вывелись въ этихъ разливахъ. Совершенно подобный фактъ сообщилъ мнѣ совѣтникъ Уральской Войсковой Канцеляріи подполковникъ Макаровъ. Въ своей молодости онъ самъ вылавливалъ рогожными сѣтьми севрюжьихъ мальковъ изъ озера, лежавшаго около Сарайчиковской крѣпости (въ 46½ в. выше Гурьева), теперь уже высохшаго, и пускалъ ихъ въ Уралъ. Наконецъ весьма многимъ попадались, по разливамъ Урала, шиповые мальки, такъ что для этой породы самые упрямые изъ казаковъ-теоретиковъ допускаютъ исключеніе, говоря, что изъ шиповой икры могутъ и въ Уралѣ выводиться мальки.

Что касается до времени метанія икры, то всѣ утверждаютъ, что оно начинается для севрюгъ съ начала мая и продолжается до половины іюня, времени окончанія весенняго рыболовства, такъ что для этой породы главное время метанія икры приходится на конецъ мая. Осетръ же, а особенно бѣлуга, по мнѣнію казаковъ, мечутъ икру еще ранѣе, именно съ конца апрѣля, съ Егорьева дня (23 апрѣля); но это нѣкоторые изъ казаковъ оспариваютъ, говоря, что никогда не случалось имъ видѣть свободно вытекающей икры изъ бѣлугъ и что о раннемъ метаніи икры этою породою заключаютъ лишь по раннему ея ходу въ Уралъ. Въ морѣ, по замѣчанію казаковъ, красная рыба какой бы ни была породы, севрюга ли, шипъ ли, осетръ ли, бѣлуга ли, мечетъ икру ранѣе, чѣмъ въ Уралѣ.

Всѣ эти наблюденія казаковъ надъ временемъ метанія икры основаны на томъ, когда ловится красная рыба съ совершенно свободно вытекающею изъ нея икрою и когда ловится рыба уже выбойная, что напримѣръ всегда уже бываетъ къ концу весенняго севрюжьяго лова. Эти свѣдѣнія о мѣстѣ и времени метанія икры красною рыбою были повторяемы мнѣ столькими лицами, начиная отъ Гурьева до Уральска, и съ такими удостовѣрительными подробностями, что я не могу не признать справедливости этихъ фактовъ тѣмъ болѣе, что ни разу не случилось мнѣ услыхать отъ кого либо что нибудь имъ противорѣчащее. Встрѣчаемую здѣсь разницу съ тѣмъ, что найдено было нами на Волгѣ, должно, по моему мнѣнію, объяснять особенностями здѣшней мѣстности и нѣкоторыми другими обстоятельствами.

Собственно въ Уралѣ, на всемъ его протяженіи отъ моря до Уральска и даже почти на 100 верстъ выше этого города, слѣдовательно на 600 верстъ по прямой линіи, а считая извилины рѣки, болѣе чѣмъ на 1000 верстъ, нѣтъ мѣстъ пригодныхъ для метанія икры красною рыбою. По этому, войдя въ рѣку, она ищетъ мѣстъ, по своимъ свойствамъ всего ближе подходящихъ къ каменистымъ грядамъ, и идетъ по этому на такъ называемые наборы или прибоистыя мѣста, гдѣ грунтъ твердый, гдѣ много каршей и еще на корнѣ стоящихъ деревьевъ и гдѣ она можетъ тереться о шероховатую ихъ кору. Выведшіеся мальки изъ икры, выметанной въ этихъ мѣстахъ, идутъ въ Уралъ и спускаются имъ въ море, на пути въ которое и могутъ заходить или быть заносимы въ заливы, подобные Сарайчиковскому или Кандауровскому, которые сами по себѣ, имѣя или мягкій илистый грунтъ, или будучи поросшими травою, не представляютъ никакихъ удобствъ для метанія икры красною рыбою. Слѣдствіемъ всего этого должно быть однакоже, что красная рыба, которая и избѣгнетъ направленныхъ противъ нея орудій лова, не находя въ Уралѣ того, что ей нужно, чтобы выметывать икру въ благопріятныхъ для этого обстоятельствахъ, выметываетъ ее не въ такомъ числѣ, а главное—изъ выметан-

ной икры не развиваться столько мальковъ, какъ при нормальныхъ условіяхъ. Темное представленіе объ этомъ заключается, можетъ быть, въ вышеприведенномъ мнѣніи казаковъ, что въ рѣчной водѣ не развивается молодыхъ рыбокъ изъ икрянокъ, хотя, конечно, море, вопреки ихъ понятіямъ, еще менѣе тому благопріятствуетъ. Не смотря на отдаленность мѣстъ, удобныхъ для метанія икры красною рыбою, нѣтъ сомнѣнія, что она въ значительныхъ количествахъ поднималась бы до нихъ, если бы тому не препятствовалъ способъ производства весенняго плавнаго рыболовства, какъ увидимъ ниже. Существующій въ Уральскѣ учугъ нисколько не вредитъ ходу рыбы, потому что онъ на зиму совершенно разбирается, а устанавливается вновь лишь тогда, когда Уралъ вступитъ у Уральска совершенно въ свои берега, т. е. не ранѣе половины или конца іюня, когда весеннее плавное рыболовство уже кончено и проходить уже нечему. Онъ устроивается только для того, чтобы не пропустить дальше рыбы осенняго входа. Однако и теперь за учугомъ ловится не мало осетровъ и шиповъ, бѣлугъ же, а особенно севрюгъ, почти вовсе не ловится, такъ что на 100 осетровъ и шиповъ придется не болѣе 3-хъ или 4-хъ севрюгъ. Это должно приписать какъ вообще меньшей склонности севрюгъ высоко подниматься въ рѣки, такъ главнымъ образомъ опять таки характеру весенняго рѣчнаго рыболовства. Обо всемъ этомъ будетъ въ подробности говорено на своемъ мѣстѣ, теперь же упомянуто для того лишь, дабы показать, что отдаленность мѣстъ удобныхъ для метанія икры красною рыбою, при нѣсколько измѣненномъ характерѣ лова, не составило бы неодолимаго препятствія къ тому, чтобы Уралъ въ большей мѣрѣ содѣйствовалъ къ умноженію общаго запаса красной рыбы въ Каспійскомъ морѣ, чему теперь онъ, по моему убѣжденію, содѣйствуетъ не въ примѣръ менѣе всѣхъ прочихъ его значительныхъ притоковъ, далеко не соотвѣтственно той долѣ, въ которой онъ участвуетъ въ общемъ묘 выловѣ, такъ что на Уральскомъ рыболовствѣ пропорціонально болѣе, чѣмъ на всѣхъ прочихъ лежитъ вина уменьшенія красной рыбы въ Каспійскомъ морѣ. Другая особенность Уральскаго прибрежья объясняетъ, почему красная рыба мечетъ здѣсь икру и въ морѣ. Это множество глухихъ култуковъ по всему берегу, какъ напримѣръ тотъ, въ который я въѣхалъ на пути изъ Астрахани въ Гурьевъ. Имъ можно назвать теперь ложными устьями, потому что нѣкогда они были настоящими. Эти ложныя устья заманиваютъ въ себя рыбу, желающую подниматься въ рѣки, тѣмъ болѣе, что въ эти култуки вливается со степи прѣсная вода. Вошедшая въ нихъ рыба, не находя выхода, долгое время въ нихъ остается, ища прохода, и тѣснится сзади безпрестанно вновь прибывающею рыбою; а такъ какъ между тѣмъ наступаетъ для нея время выметывать икру, то она бываетъ принуждена противъ своего обыкновенія выбивать ее въ морѣ на солодковатой водѣ, стараясь находить такіе предметы, о которые могла бы тереться, каковы напримѣръ кучи сухаго тростника. Что и здѣсь она трется, видно изъ того, что и у здѣсь ловимой въ это время рыбы брюхо бываетъ красное.

Болѣе раннее метаніе икры въ Уралѣ и въ прилежащей къ нему части моря объясняется тѣмъ, что вода Урала, разливаясь тонкимъ слоемъ по степи, должна очень скоро нагрѣваться, что также должно происходить и въ морѣ по причинѣ его мелкости на большое разстояніе отъ береговъ. Поэтому рыба весьма рано встрѣчаетъ тутъ ту температуру, которая ей нужна для выметыванія икры. Нельзя даже, кажется, отвергать и чрезвычайно ранняго метанія икры бѣлугою. Полученныя нами свѣдѣнія о метаніи икры красною рыбою въ Волгѣ и Курѣ относятся собственно къ осетрамъ и севрюгамъ, о которыхъ только извѣстно намъ достовѣрно, что для нихъ время это настаетъ

въ означенныхъ рѣкахъ не ранѣе конца іюня. Но что есть породы красной рыбы, для которыхъ это время настаетъ чрезвычайно рано, доказываетъ ловъ, производимый на устьяхъ Сыръ-Дарьи. Въ Аральскомъ морѣ живетъ только одна порода красной рыбы, похожая на каспійскихъ осетра и шипа, но отъ обоихъ отличная. Не разъ уже упомянутый мною, гурьевскій казакъ Павелъ Голубовъ, въ концѣ 1849 года, былъ вытребованъ компаніею Аральскаго рыболовства для устройства тамъ лова, гдѣ и пробылъ до конца 1850 года. Противъ устьевъ Сыръ-Дарьи былъ имъ учрежденъ ловъ крючковою снастію. По взломѣ льда, 11-го марта 1850 года были выложены снасти, въ числѣ 1320 перетягъ. Но почти вся ловившаяся здѣсь рыба была уже выбойная (которую казаки хорошо отличаютъ отъ яловой). Изъ 200 и даже 300 штукъ рыбы, привозимыхъ иногда разомъ на ватагу, не находилась болѣе десятка съ икрою. Въ сентябрѣ рыба попадалась съ жировою, т. е. молодою икрою негодною еще для выдѣлки и только попадавшаяся зимою, до вскрытія льда на Сырѣ, имѣла икру годную для передѣла. Но зимою мало могли ловить по различнымъ неудобствамъ, сопряженнымъ съ производствомъ лова въ это время года, а главное по тому, что ее тогда не много идетъ въ Сыръ-Дарью. Слѣдовательно она мечетъ икру гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, вѣроятно въ Аму, въ очень раннее время года. Изъ этого произошелъ странный и, для знакомаго съ Каспійскомъ рыболовствомъ, едва вѣроятный фактъ, что изъ 7000 штукъ пойманной красной рыбы (среднiй вѣсъ которой въ 33 фунта) въ теченiи года могли выдѣлать не болѣе 20 пудовъ икры, добывъ изъ нея столько же и даже не много болѣе клея, тогда какъ на Сальянскихъ промыслахъ, напримѣръ, икры приходится въ 40 разъ болѣе, чѣмъ клея. О ничтожности количества икры, получаемой съ Аральскаго рыболовства, говорили мнѣ также войсковой старшина Буренинъ и подполковникъ Макаровъ, бывшіе начальниками въ Раимскомъ укрѣпленіи; наконецъ это подтвердилъ мнѣ оренбургскій купецъ Путоловъ, одинъ изъ участниковъ въ компаніи Аральскаго рыболовства. Онъ приписывалъ именно этому обстоятельству маловыгодность всего предпріятія. И такъ, подобно аральскому шипу, можетъ быть, что и бѣлуга мечетъ икру нѣсколько ранѣе, чѣмъ прочія породы красной рыбы.

Въ заключеніе, о метаніи икры красною рыбою въ Уральскихъ водахъ, я сообщу еще два замѣчанія, сдѣланныя здѣшними рыболовами. Первое изъ нихъ то, что въ Уралѣ нѣтъ покатной рыбы. Это покажется намъ нисколько не удивительнымъ, если скажемъ, что вся рыба, входящая въ Уралъ, почти до чиста вылавливается. Объ этомъ въ подробности будетъ говорено въ слѣдующемъ отдѣлѣ, гдѣ мы займемся тѣмъ, какъ производится въ Уралѣ рыболовство. Тѣ же немногія рыбы, которымъ удается ускользнуть отъ плавныхъ сѣтей и ярыгъ, остаются незамѣченными, потому что съ половины іюня всякое рыболовство въ Уралѣ прекращается.

Другое замѣчаніе, сообщенное мнѣ весьма опытнымъ въ рыболовствѣ торговымъ казакомъ Щелоковымъ, не какъ личное его мнѣніе, но какъ господствующее между всѣми казаками-рыболовами, состоитъ въ томъ, что красная рыба не каждый годъ выметываетъ икру. Это основываютъ на слѣдующемъ: 1) Послѣ метанія икры въ іюлѣ, августѣ, сентябрѣ ловятся осетры и севрюги (выше забойки, гдѣ ловъ дозволенъ во всякое время) съ икрою совершенно зрѣлою, но не размякшею и нисколько не испортившеюся, такъ что можно бы ее принять за невыметанную по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Рыбы съ такою икрою вовсе не молодыя, у которыхъ икра еще приготовляется для выметанія въ будущемъ году въ первый разъ, а разнаго возраста и между ними встрѣчаются

осетры въ два пуда и болѣе. Трудно себѣ представить, чтобы съ мая успѣла уже нарости новая икра и притомъ не жировая, а вполнѣ развитыми зернами. 2) Осенью, во время осенней плавни, попадается еще и выбойная рыба, т. е. такая, у которой послѣ выбоя икры новая еще не наросла и видны лишь зародыши икрянокъ,—икра не развитая. Изъ этихъ двухъ замѣчаній заключаютъ, что икра красной рыбы требуетъ болѣе года для своего созрѣванія. Поэтому рыба, ловимая съ икрою осенью и зимою, будетъ та, которая предыдущею весною икры не выметывала, но у которой она уже достаточно выспѣла для выметки на слѣдующую весну. Рыба же, попадающаяся съ жировою икрою осенью и зимою,—та, которая прошедшею весною икру выбила и у которой она еще и не успѣла созрѣть, будетъ рости весь этотъ годъ и лишь на предбудущій будетъ готова къ выметкѣ. Если такой рыбы мало ловится осенью и зимою, то это по тому, что она остается въ морѣ, не идя въ рѣки для зимняго отдыха. Я не беру на себя рѣшить, справедливо ли это мнѣніе, но оно во всякомъ случаѣ заслуживаетъ вниманія, ибо хорошо объясняетъ, почему красная рыба во всякое время года попадается съ икрою годною для приготовленія въ пищу, какъ мы сами имѣли случай въ этомъ удостовѣриться на Волгѣ.

О метаніи икры черною рыбою нечего сказать, что отличалось бы отъ извѣстнаго изъ другихъ мѣстъ. Уральцы замѣчаютъ только, что есть породы черной рыбы, которыя, идя на разливы метать икру, какъ только вода перестаетъ прибывать, спѣшатъ возвратиться въ главное русло Урала, почему ихъ никогда и не находятъ осенью въ старицахъ, запираемыхъ, лишь только вода начнетъ сбывать, чтобы зашедшая туда рыба не могла уйти обратно. Таковъ по преимуществу синецъ, какъ бы сопутствующій красной рыбѣ.

Другое замѣчательное явленіе въ жизни рыбъ есть ихъ зимній отдыхъ или сонъ. Какъ на ходѣ ихъ въ рѣки для метанія икры основаны всѣ виды весенняго рыболовства, такъ точно на ихъ ходѣ для зимняго отдыха основаны всѣ виды рыболовства осенняго и зимняго. Этотъ зимній отдыхъ рыбъ нигдѣ не проявляется съ такою очевидностію, какъ въ Уралѣ, потому что нигдѣ не принято человѣкомъ такихъ мѣръ къ тому, чтобы не мѣшать имъ и охранять ихъ покой. Я сообщу здѣсь все, что извѣстно казакамъ объ этомъ малоизслѣдованномъ предметѣ. Съ конца іюля уже замѣчаютъ, что какъ красная, такъ и черная рыба начинаетъ вторично подниматься въ Уралъ. Въ это время всякій ловъ запрещенъ, чтобы не пугать входящую рыбу. Сначала она гуляетъ, но по мѣрѣ того, какъ вода начинаетъ холодѣть въ августѣ и въ сентябрѣ, она останавливается на извѣстныхъ мѣстахъ, для нея удобныхъ, преимущественно глубокихъ, и держится около такого выбраннаго ею мѣста, далеко не отходя отъ него. Во все это время опытные казаки, особо для этого назначенные, зорко слѣдятъ за ходомъ рыбы и знаютъ каждый, прошедшій мимо нихъ, косякъ, такъ что всегда напередъ могутъ сказать, каковы будутъ осенняя плавня и багренье. Когда рыба останавливается на извѣстныхъ мѣстахъ, сторожевые казаки наблюдаютъ, въ какомъ количествѣ и какая рыба тутъ легла. Для этого смотрятъ они по зарямъ, какъ рыба поднимается, т. е. играетъ, выпрыгивая изъ воды. Опытность ихъ въ этомъ такъ велика, что издали, на разстояніи, на которомъ уже нельзя ясно отличить форму рыбы, во время его быстраго всплеска, они по этому всплеску безошибочно узнаютъ не только породу, но и полъ рыбы. Икряная, говорятъ они, лишь немного и тихо изъ воды приподымается, яловая же вся очень быстро выскакиваетъ. Мѣста, на которыхъ скопляется рыба, называются Уральцами *ятовями*. На ятови, которую избираетъ для себя красная

рыба, черной уже не бываетъ, и на оборотъ; только про одного синца разсказываютъ, что онъ ложится вмѣстѣ съ красною рыбою. Изъ красной рыбы всего болѣе собирается на ятови осетра, севрюги же и бѣлуги несравненно менѣе. Ятови эти извѣстны казакамъ всѣ на перечетъ и имѣютъ опредѣленныя названія. Такъ, напримѣръ, между моремъ и Гурьевымъ находится знаменитая *Славущая ятовь*, на которой однако въ послѣднее время рыба стала собираться противу прежняго въ гораздо меньшемъ изобиліи. Не менѣе ея знаменита, по количеству нѣкогда ловимой въ ней рыбы, ятовь *Старая яма*, въ 7 верстахъ ниже Уральска; около Уральска есть еще извѣстныя ятови: *Печька*, *Нижнеперевозная* и *Упоръ*, на которыхъ въ послѣдніе годы стали обыкновенно производить презентное багренье. Выше забойки рыба также собирается на ятови, конечно не въ большомъ числѣ. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, свободный ловъ на нѣкоторое разстояніе выше забойки былъ запрещенъ, дабы воспользоваться находящеюся тутъ ятовью для презентнаго багренья. Иногда случается, что рыба совершенно бросаетъ какую нибудь ятовь и избираетъ новое мѣсто, гдѣ прежде ятови не было. Обыкновенно ятови суть мѣста глубокія и на Уралѣ нѣтъ почти мѣстъ, имѣющихъ отъ 6 до 7 саженъ глубины, на которыхъ бы не было ятовей; но по концамъ своимъ ятовь продолжается и на болѣе мелкія мѣста, гдѣ не было $1^1/_2$ сажени глубины. Есть даже цѣлыя ятови на мѣстахъ небольшой глубины.

Пока ятовное мѣсто еще не покрылось льдомъ, рыба часто поднимается на поверхность и играетъ, особливо по утрамъ, по замерзаніи же его—опускается въ глубь, но, по замѣчанію казаковъ, не лежитъ на днѣ, а держится въ небольшомъ отъ него разстояніи. Часто казаки, сторожащіе рыбу, послѣ покрытія ятовныхъ мѣстъ льдомъ, когда его еще не занесло снѣгомъ и онъ прозраченъ, подползаютъ къ самой ятови, стараясь разсмотрѣть рыбу. Такъ какъ ее на днѣ не видать, то они сильно ударяютъ палкою по льду, отъ чего она вся поднимается къ верху и какъ бы прислушивается къ потревожившему ее шуму, ибо поднимается, большею частію, бокомъ, какъ бы обращая ухо къ поверхности льда. Если часть ятови замерзла, часть же еще свободна ото льда, то рыба нерѣдко выплываетъ на эту полынью и играетъ. Ятовная рыба выпускаетъ изъ себя слизь, которая одѣваетъ всю ее тонкою оболочкою, называемою *слёномъ* или *шубою*. По мнѣнію казаковъ, рыба чрезвычайно бережетъ во всю зиму этотъ сленъ, который долженъ предохранять ее отъ холода, опасаясь сбить или стереть его съ себя. Этимъ объясняютъ они необыкновенную тихость и медленность движеній ея въ это время, такъ что даже когда зацѣпятъ ее багромъ, она весьма мало бьется. Они не думаютъ, чтобы рыба въ это время спала, и дѣйствительно трудно рѣшить—спитъ ли она или находится только въ состояніи какого-то оцѣпененія. Во всякомъ случаѣ сонъ этотъ или оцѣпененіе это, которые могутъ зависѣть какъ отъ холода, такъ и отъ меньшаго количества воздуха подо льдомъ и, слѣдовательно, отъ слабѣйшаго дыханія, не очень крѣпки, потому что черезъ нѣсколько времени, примѣрно черезъ полъ-часа, послѣ начала багренія, всегда сопровождаемаго большимъ шумомъ, она поднимается со дна и начинаетъ медленно расходиться въ стороны. Что рыба на ятови находится въ нѣкотораго рода оцѣпененіи или снѣ подтверждается тѣмъ, что она въ это время ничего не ѣстъ, ибо у багренной рыбы въ желудкѣ не находятъ ничего, кромѣ слизи. Лишь бѣлуга составляетъ исключеніе, ибо не только яловую (всегда болѣе прожорливую), но и икряную случается ловить въ это время съ желудкомъ, набитымъ черною рыбою. Несмотря на этотъ фактъ, всѣмъ казакамъ извѣстный, они тѣмъ не менѣе говорятъ, что, сбираясь на ятови, рыба ищетъ себѣ питательныхъ мѣстъ, но на то,

въ чемъ же состоитъ эта питательность, они не умѣютъ дать никакого отвѣта. Вся лежащая на ятовяхъ рыба почти совершенно вылавливается въ осеннюю плавню и въ багреніе. Та же, которая остается, становится очень бойкою, старается освободиться отъ покрывающаго ее слоя слизи—слена.

Этотъ рыбій обычай, ложиться зимою на ятови, наблюдаемый во всей полнотѣ только на Уралѣ, потому что только на немъ приняты всѣ мѣры, чтобы дать рыбѣ всѣ средства слѣдовать ея инстинкту, безъ сомнѣнія, долженъ существовать и въ прочихъ рѣкахъ, замерзающихъ зимою. Въ самомъ дѣлѣ, въ тѣхъ мѣстахъ казенныхъ Астраханскихъ водъ, на которыхъ во все лѣто не производится лова, чтобы приберечь ихъ къ осенней плавнѣ и къ зимней громкѣ, рыба также собирается въ большомъ количествѣ въ опредѣленныхъ, напередъ извѣстныхъ мѣстахъ. Только тутъ не ловятъ ее на самыхъ мѣстахъ ея лежанія, а заперевъ ей оба выхода, сначала спугиваютъ съ ея мѣстъ и потомъ уже ловятъ. И тутъ, по словамъ рыболововъ, она спокойно лежитъ на извѣстныхъ ямахъ. Въ другихъ мѣстахъ Волги судоходство, продолжающееся до самаго замерзанія рѣки, и рыболовство, не прекращающееся и зимою, не допускаютъ ее спокойно улечься на зиму въ удобныхъ для этого мѣстахъ.

III. УРАЛЬСКОЕ РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Вся рѣка Уралъ отъ Бородинскаго форпоста, то есть отъ границъ Илецкихъ казаковъ, въ ста верстахъ выше Уральска до моря, а въ настоящее время и часть моря по берегу отъ Пороховинскаго до Граннаго бугра верстъ на 90, въ глубь же до 6 или 7 саженной глубины, съ права на 76, а съ лѣва на 88 верстъ, равно какъ и всѣ рѣки и озера, лежащія въ земляхъ Уральскаго Войска, и внѣ этихъ земель лежащее въ Киргизской степи Черхальское морце, съ впадающими въ него двумя Анкотами, составляютъ общую собственность всего Уральскаго войска. Всѣ эти воды не раздѣлены на участки между отдѣльными лицами или селеніями, а составляютъ нераздѣльную собственность всего войска съобща, такъ что казаки, живущіе въ Гурьевѣ, имѣютъ право отправляться въ Уральскъ для участія въ производимомъ начиная оттуда багреніи и дѣйствительно отчасти пользуются этимъ правомъ, а, наоборотъ, казаки, живущіе въ Уральскѣ и выше, могутъ спускаться до самаго моря, во время весенней плавни, или ловить и въ самомъ морѣ, во время Курхайскихъ или Аханнаго лововъ. Илецкіе казаки, хотя и входящіе въ составъ Уральскаго войска, этого права не имѣютъ, а могутъ лишь ловить въ томъ пространствѣ Урала, которое протекаетъ по ихъ дачамъ, отъ Мурхановскаго до Бородинскаго форпоста. Такого способа пользованія, самаго законнаго и справедливаго по отношенію къ дарамъ природы, которые она предлагаетъ человѣку безъ всякаго со стороны его участія въ ихъ произведеніи или размноженіи, сколько мнѣ извѣстно, нигдѣ не существуетъ кромѣ Урала. Здѣсь въ казацкомъ товариществѣ, распоряжавшемся занятою имъ страною по своему произволу, безъ всякихъ внѣшнихъ ограниченій, проявилось на совершенномъ просторѣ, ничѣмъ не стѣсняемое, общее всѣмъ Славянскимъ племенамъ стремленіе къ общинному пользованію собственностію. Какимъ образомъ проявляется участіе отдѣльныхъ лицъ въ этомъ пользованіи общею собственностію, въ подробности будетъ сказано при описаніи различныхъ видовъ рыболовства. Но прежде, нежели перейдемъ къ этому описанію, разскажемъ вкратцѣ, какимъ образомъ Уральцы получили въ свое владѣніе весь Уралъ, значительный участокъ моря и нѣкоторыя другія преимущества, имѣющія связь съ рыбною промышленностью.

Не входя въ разсмотрѣніе того, какъ и когда появились казаки на берегахъ Урала, что до нашей цѣли вовсе не касается, мы знаемъ, что въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія казаки жили только въ Уральскѣ, тогдашнемъ Яицкомъ городкѣ, и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. Вся нижняя часть теченія Урала тогда еще имъ, да и никому, не принадлежала. Здѣсь кочевали тогда по лѣвой сторонѣ рѣки Киргизы, по правой — Калмыки, которые другъ на друга безпрестанно нападали и другъ друга грабили, переходя для этого разграничивавшую ихъ рѣку (*). При самомъ же устьѣ Урала существовалъ еще за долго до этого времени Гурьевъ городокъ, а въ четырехъ верстахъ ниже теперешняго городка, на мѣстѣ доселѣ называемомъ брандвахтою (**), былъ устроенъ казенный учугъ, отдававшійся на откупъ. Въ учугѣ этомъ первоначально были открыты съ обѣихъ концовъ его ворота, шириною отъ 6 до 8 саженъ, но въ послѣдствіи вороты эти были уничтожены, вѣроятно откупщиками, и рыба могла проходить въ Уралъ лишь побочными его устьями, въ то время многочисленными и глубокими. Къ этому то учугу, а не къ Уральскому, относятся разсказы, показывающіе необыкновенное изобиліе рыбы въ то время. Преданіе говоритъ, что рыба такъ напирала на учугъ, что должны были разгонять ее пушечными выстрѣлами. Въ Гурьевѣ нашелся только одинъ казакъ, именно Зеленцовъ, которому уже болѣе 70 лѣтъ, знакомый съ этимъ преданіемъ. Ему сообщалъ его одинъ, въ глубокой старости и уже довольно давно скончавшійся, священникъ и то не какъ самимъ имъ видѣнное, а какъ слышанное отъ стариковъ, уже очевидцевъ.

Казаковъ, жившихъ тогда въ Яицкомъ городкѣ, было до 3000 способныхъ носить оружіе (теперь число это почти упятерилось). Они охраняли лишь ту часть границы, которая примыкала къ мѣсту ихъ жительства; главнѣйшій доходъ свой, подобно тому какъ и нынѣ, имѣли они отъ рыболовства, которое, вѣроятно, распространяли и нѣсколько ниже своего городка. Астраханскимъ губернаторомъ Татищевымъ поданъ былъ проэктъ поселить по Уралу, для охраненія его ниже жилищъ Уральскихъ казаковъ, Казанскій драгунскій полкъ и, подъ его прикрытіемъ, въ родѣ иррегулярнаго войска Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ. Проэктъ этотъ былъ утвержденъ резолюціею Кабинета отъ 21 января 1839 года, но за нѣкоторыми препятствіями рѣшеніе это нѣсколько лѣтъ не было приводимо въ исполненіе. Казаки, между тѣмъ, опасаясь, что эти новые поселенцы будутъ перелавливать на пути идущую къ нимъ рыбу, а также, вѣроятно, не желая лишиться пользованія рыболовствомъ въ нижнихъ частяхъ Урала, подали просьбу, въ которой обязывались построить у урочищъ Кулагина Яра и Калмыкова Яра двѣ крѣпости и охранять ихъ, равно какъ и всю линію вплоть до Гурьева, своими силами, прося лишь, чтобы на этомъ пространствѣ не дѣлали предполагаемыхъ заселеній, уволили ихъ отъ постороннихъ командировокъ и отворили бы ворота по обоимъ концамъ Гурьевскаго учуга, въ 8 саженъ шириною каждыя. Какъ боялись казаки предполагаемаго поселенія драгунъ и Самарскихъ и Алексѣевскихъ дворянъ, можно видѣть изъ того, что въ своей просьбѣ

(*) Въ грамотѣ Императрицы Елизаветы Петровны Уральскому войску отъ 23-го апрѣля 1743 года, между прочимъ, сказано: „Того ради указали мы, ради всѣхъ тѣхъ предписанныхъ резоновъ, на означенномъ отъ Яицкаго городка внизъ по рѣкѣ Яику къ Гурьеву пустомъ разстояніи, ко отвращенію и конечному Киргизъ-Кайсацкихъ и Калмыцкихъ перебѣговъ пресѣченію“ и проч.

(**) Это названіе показываетъ, что въ началѣ прошедшаго столѣтія море очень близко подходило къ Гурьеву, отъ котораго оно теперь уже въ 16 верстахъ.

они говорятъ: „отъ такого заселенія мы прійдемъ въ крайнюю нищету и разореніе и рыбные наши промыслы, отъ которыхъ все свое содержаніе и пищу имѣемъ и службу отправляемъ, вовсе уничтожатся: ибо за такимъ поселеніемъ *рыба до нашего городка, за тѣмъ что всегда будетъ пужана, приходить уже не можетъ, и отъ одного оружейнаго выстрѣла или огнища, или же кто не во время хотя одну рыбу поймаетъ, вся на низъ уходитъ.*“ Нелѣпость словъ этихъ очевидна: если такое препятствіе, какъ Гурьевскій учугъ, рыбы назадъ не ворочалъ и она доходила въ достаточномъ количествѣ до Яицкаго городка, такъ какъ, по собственнымъ словамъ казаковъ, они отъ рыболовства все свое пропитаніе имѣли, то какъ могла сдѣлать это поимка одной рыбы, или одинъ выстрѣлъ. Все это выдумки, дабы отвратить предполагавшееся поселеніе, и въ нихъ то, вѣроятно, начало той мысли, составляющей до настоящаго времени коренное убѣжденіе Уральцевъ, хранимое какъ завѣтъ старины, которой они во всемъ такъ слѣпо придерживаются, что не только всякое судоходство, но даже всякій малѣйшій шумъ и даже огонь въ домахъ на берегу Урала пугаютъ рыбу.

Тогдашній Оренбургскій губернаторъ Неплюевъ, которому весь этотъ край такъ много обязанъ, вступился съ своей стороны за казаковъ, представляя, что предполагаемое заселеніе по нижнему Уралу совершенно бы разорило ихъ, тогда какъ, по его выраженію: „такой де сильный, легкій и исправный корпусъ разорять весьма неполезно“. Снисходя къ этимъ просьбамъ Императрица отмѣнила резолюцію бывшаго Кабинета и граммотою отъ 23 апрѣля 1743 года, данною на имя Войсковаго Атамана Андрея Бородина и всего Яицкаго войска, пожаловала ихъ отвореніемъ учуга, наложивъ на нихъ за это обязанность построить двѣ означенныя крѣпости: Кулагину и Калмыкову, содержать въ нихъ по 500 человѣкъ гарнизону, сначала ежегодно перемѣняемаго, а потомъ совершенно поселить тутъ означенное число казаковъ, и своими разъѣздами, какъ между обѣими крѣпостями, такъ и начиная отъ нихъ въ одну сторону до Яицкаго городка, а въ другую до Гурьева, охранять границу, не допуская до перебѣговъ кочующихъ по берегамъ рѣки Киргизъ и Калмыковъ.

Такимъ образомъ заселеніе нижняго Урала было для казаковъ не расширеніемъ ихъ владѣній, которое бы они считали своею выгодою, а наложенною обязанностію, которую, правда, они сами предложили на себя принять, но только во избѣжаніе большаго зла, чтобы низовья ихъ кормильца — Яика не достались въ чужія руки. Вслѣдствіе этого долгое время должны были казаки смотрѣть на свои низовыя крѣпости и форпосты, какъ на колоніи, и ревниво надзирали, чтобы отъ этихъ низовыхъ жителей не происходило вреда для ихъ метрополіи, ихъ коренной отчины — Яицкаго городка и, какъ увидимъ ниже, сколько могли противились развитію низоваго рыболовства, особливо же морскаго. На это имѣли они отчасти и благовидные доводы, ибо морское рыболовство, устроившееся въ позднѣйшее время, уже не свободнымъ путемъ обычая и товарищескаго согласія, а уже подъ вліяніемъ Войсковой Канцеляріи, далеко не носитъ на себѣ того характера справедливости и равномѣрности въ распредѣленіи выгодъ, какъ рѣчное. Подобно тому, какъ во времена Неплюева, жители Яицкаго городка лучше желали, чтобы низовья Урала по старому были ничьи, чѣмъ ихніи, такъ точно и теперь большинство верховыхъ жителей лучше бы желало, чтобы принадлежащій войску участокъ моря былъ ничей, чѣмъ ихній, но, конечно, лучше ихній, чѣмъ чужой. Разселеніе ихъ по всему Уралу послужило теперь къ ихъ же пользѣ; конечно и морское рыболовство, давая само по себѣ значительную прибыль, будучи устроено на другихъ началахъ, помирило бы съ собою большинство.

Стараясь объ отвореніи Гурьевскаго учуга въ пользу казаковъ, Неплюевъ писалъ объ этомъ и къ Татищеву, предложившему поселить на Уралѣ драгунъ, Алексѣевскихъ и Самарскихъ дворянъ, желая и его преклонить на свою сторону. Татищевъ не только согласился съ мнѣніемъ Неплюева, но, принимая въ соображеніе ничтожность выгодъ, получаемыхъ казною отъ Гурьевскаго учуга, который въ два года, 1740 и 1741, доставилъ только 5,037 р. 66 к., предложилъ отдать учетъ казакамъ вмѣсто жалованья, предоставивъ на ихъ произволъ сломать его или содержать въ свою пользу. Казаки, понявъ всю выгоду, которую могло бы имъ доставить осуществленіе мысли Татищева, вошли объ этомъ съ новою просьбою въ Военную Коллегію. Неплюевъ поддержалъ ихъ и въ этой просьбѣ, представивъ между прочимъ резоны, что гораздо выгоднѣе будетъ совершенно отчислить Гурьева отъ Астраханскаго вѣдомства къ Оренбургскому. 25 мая 1752 года полученъ былъ сенатскій указъ въ Оренбургскую губернскую канцелярію, удовлетворявшій просьбѣ казаковъ, и 16 сентября того же года былъ заключенъ въ Каммеръ-Коллегіи контрактъ съ Яицкимъ войскомъ, по которому отданъ былъ ему Гурьевскій учугъ для уничтоженія его, а гурьевскіе таможенные и кабацкіе сборы въ содержаніе съ 1 января 1753 года за 5,446 р. $79^1/_3$ коп. Въ томъ числѣ приходилось собственно за учугъ 4,692 р. $69^1/_3$ к. по трехъ-лѣтней сложности доходовъ съ него за 1742, 1743 и 1749 годы. Эту сумму, на серебро 1,340 р. 77 к., Уральскіе казаки и теперь ежегодно вносятъ въ казну. Въ контрактѣ не приведено причинъ, почему положено Гурьевскимъ учугамъ не быть, но можно догадываться, что это было согласнѣе съ желаніемъ войска, чѣмъ непосредственное пользованіе ими. Въ это время былъ, вѣроятно, устроенъ Уральскій учугъ взамѣнъ Гурьевскаго, о точномъ времени устройства котораго я не могъ ничего узнать ни изъ документовъ, ни изъ устныхъ преданій. Въ этомъ же контрактѣ сказано, что по силѣ, присланнаго изъ Сената, указа запрещается казакамъ ловить рыбу при Гурьевѣ городкѣ и близъ него, гдѣ производился ловъ во время казеннаго управленія, равно какъ и посылать рыбу и рыбные продукты въ Астрахань для продажи, дабы не произвести тѣмъ какихъ либо убытковъ Астраханскимъ казеннымъ рыбнымъ промысламъ. Это послѣднее постановленіе и до сихъ поръ строго соблюдается, хотя совершенно изъ другихъ причинъ. Относительно лова рыбы около Гурьева допускалось лишь одно исключеніе въ пользу Калмыковъ, которые бы около Гурьева стали кочевать, конечно, только для ихъ пропитанія, а не на продажу. Это ясно доказываетъ, что въ то время, даже послѣ уничтоженія учуга у Гурьева, тамошняя мѣстность и берега моря, а тѣмъ болѣе само море, казакамъ вовсе не принадлежали. Владѣніе моремъ основываютъ они на указѣ, послѣдовавшемъ отъ Государственной Каммеръ-Коллегіи въ Оренбургскую губернскую канцелярію отъ 24 февраля 1758 года, но владѣніе это окончательно утверждено за ними только указомъ отъ 23 декабря 1803 года. Однако они уже владѣли своимъ участкомъ моря до этого времени, какъ это видно изъ того, что въ 1780 году, по распоряженію Кавказскаго генералъ-губернатора Потемкина, было заключено условіе между Уральскимъ войсковымъ начальствомъ и Астраханскою рыбною конторою о границахъ Уральскихъ и Эмбенскихъ водъ. Воды Уральскія, по этому условію, должны были простираться на востокъ отъ стараго устья Урала на 43 версты 430 саженъ до Граннаго бугра, какъ это и понынѣ существуетъ. Западная граница Уральскаго морскаго участка не была столь точно опредѣлена, почему и возникъ въ послѣдствіи процессъ между Уральскимъ войскомъ и князьями Юсуповыми о владѣніи богатымъ Култукомъ, войскомъ выигранный.

Такъ какъ въ половинѣ прошедшаго столѣтія существовали еще внутреннія пошлины съ провозимыхъ товаровъ, то казаки съ вывозимой ими рыбы должны были отдавать десятую въ казну, въ видѣ пошлины. Такъ какъ этотъ вывозъ значительно долженъ былъ увеличиться отъ уничтоженія Гурьевскаго учуга, то, для удобнѣйшаго сбора этой пошлины, вмѣнено въ непремѣнную обязанность какъ казакамъ, такъ и всякому купившему у нихъ рыбу, провозить ее во внутренность Россіи не иначе, какъ чрезъ слѣдующія мѣста: Самару, Сызрань, Батрацкую ярмарку, Сергіевскъ и Алексѣевскъ, предоставивъ имъ, впрочемъ, право везти, если пожелаютъ, свою рыбу и на другія мѣста, испросивъ на это предварительно разрѣшеніе Каммеръ-Коллегіи. При этомъ же была установлена новая пошлина съ соленой рыбы и икры, также десятая рыба, или десятая часть по вѣсу „вмѣсто соли, которую имъ на то соленіе покупать изъ казны было должно". Изъ этого видно, что около того же времени отдано было Яицкому войску въ вольное и безпошлинное пользованіе Индерское соляное озеро, которымъ и доселѣ они пользуются.

Вскорѣ послѣ этого внутренія пошлины были уничтожены. Казаки стали также просить, чтобы сборъ съ соленой рыбы и икры отдали имъ же въ откупное содержаніе. Сенатъ уважилъ ихъ просьбу и указомъ отъ 18-го февраля 1758 года повелѣно отдать имъ съ 1-го января 1759 года въ откупное содержаніе сборъ, производимый съ соленой рыбы и икры въ Самарѣ, Сызрани, Батрацкой ярмаркѣ, Сергіевскѣ и Алексѣевскѣ, безъ торговъ, по существовавшему тогда откупному окладу, за 4,588 р. 17½ к., приложивъ только къ этой суммѣ цѣнность той соленой рыбы и икры, которыя будутъ собраны въ 1758 году въ Оренбургѣ и Оренбурскихъ крѣпостяхъ, куда казаки также ихъ возили на продажу. Этотъ сборъ составилъ 415 р. 67 к., итого 5,003 р. 84½ к., что по теперешнему курсу на серебро составляетъ 1,429 р. 67 к., сумма, которую до сихъ поръ Уральское войско вноситъ въ государственое казначейство, получая само, въ пользу войсковой казны съ откупа, на который оно отдаетъ, поступившій съ этого времени въ его собственность, сборъ съ соленой рыбы и икры, 46,8000 р. с. въ годъ.

Такимъ образомъ, къ началу второй половины прошедшаго столѣтія, Уральское войско получило въ свое владѣніе всѣ воды и вступило во всѣ права, которыми и теперь пользуется. Чтобы кончить нашъ историческій обзоръ, намъ остается еще сказать какіе изъ видовъ Уральскаго рыболовства должно считать исконными и какіе введены вновь, когда и по какому случаю. О различныхъ перемѣнахъ, происшедшихъ съ течсніемъ времени въ образѣ производства различныхъ видовъ рыболовства, я буду уже говорить при самомъ описаніи ихъ.

Всѣ воды Уральскаго рѣчнаго рыболовства имѣютъ свое начало съ давнихъ временъ и о введеніи ихъ не осталось никакихъ свѣдѣній ни письменныхъ, ни изустныхъ (*); но ежели позволено мнѣ будетъ сдѣлать догадку, то, по моему мнѣнію, рѣчныя неводныя рыболовства новѣе багренія и плавныхъ лововъ, потому что на нихъ дозволено имѣть въ работникахъ иногороднихъ, подобно тому какъ и на морскихъ рыболовствахъ, что уже противурѣчитъ основному правилу Уральцевъ, что въ Уралѣ никто, кромѣ природнаго казака, ловить не можетъ, такъ что и работники должны быть изъ

(*) Должно замѣтить, что кромѣ немногихъ граммотъ, въ Уральскомъ архивѣ нѣтъ никакихъ дѣлъ древнѣе начала нынѣшняго столѣтія, потому что всѣ они сгорѣли во время сильнаго пожара въ 1801 году.

казаковъ же. Сверхъ этого и самая мѣстность, на которой неводные лова производятся, поступила въ собственность казаковъ только со времени уничтоженія Гурьевскихъ учуговъ.

Въ 1801 году увеличеніе народонаселенія принудило завести, для поселенія казаковъ, новый рядъ форпостовъ по Узенямъ, названный внутреннею линіею. Съ самаго поселенія начали, безъ сомнѣнія, казаки ловить въ этихъ рѣчкахъ рыбу, но безъ всякихъ правилъ, какъ и когда хотѣлъ. Только съ начала двадцатыхъ годовъ устроенъ и тутъ правильный ловъ, начинающійся въ опредѣленные сроки, для того, чтобы не одни живущіе на внутренней линіи, но всѣ вообще казаки, буде только пожелаютъ, могли принимать въ немъ участіе.

Подобно этому приведенъ въ систему весенній Черхальскій ловъ въ 1821 году, а зимній въ началѣ сороковыхъ годовъ, преимущественно съ тою цѣлью, чтобы отвлечь часть казаковъ отъ багренья, на которое, по мѣрѣ размноженія народонаселенія, они сходились все въ большемъ и въ большемъ числѣ. Когда вообще начался Черхальскій ловъ, я никакъ узнать не могъ. Вѣроятно первоначально ходили казаки на море самовольно небольшими партіями, тѣмъ болѣе, что Киргизы не умѣли пользоваться богатымъ озеромъ, лежащимъ въ ихъ землѣ. Вообще казаки всегда завладѣвали, если только могли, тѣмъ, что представляло для нихъ выгоды, въ тѣ времена, когда еще была своя рука-владыка. Они и теперь бы охотно это дѣлали, если бы не удерживало ихъ правительство. Такъ еще въ 1854 году просили они дозволить имъ ловъ въ рѣкахъ, называемыхъ Анна-Куль, лежащихъ на зауральской сторонѣ, болѣе чѣмъ въ 40 верстахъ отъ Урала. Но Войсковая Канцелярія отвѣчала, что не имѣетъ права разрѣшить этого лова, и строжайше воспретила казакамъ туда отправляться.

Если подъ именемъ морскаго лова разумѣть ловъ по Култукамъ и вообще по прибрежью, то нѣтъ сомнѣнія, что онъ уже производился въ прошедшемъ столѣтіи преимущественно въ Курхайскомъ морцѣ. До сихъ поръ существуетъ преданіе о началѣ этого лова. Раскольничьи монахи и бѣглые, укрывавшіеся у нихъ и жившіе въ пустынныхъ мѣстахъ по берегу моря, разсказывали какъ весною толпится рыба въ Култукахъ и жмется къ тѣмъ мѣстамъ берега, откуда переливается со степи прѣсная вода. Эти разсказы послужили поводомъ къ начатію тамъ лова на простыхъ бударкахъ, сначала въ *Курхайскомъ морцѣ* и *Богатомъ Култукѣ*, потомъ у *Баксайской косы*, составлявшей, во время тяжбы съ князьями Юсуповыми о Богатомъ Култукѣ, грань уральскихъ владѣній съ правой стороны. Только въ 1816 году просили нѣкоторые чиновники (т. е. офицеры) и казаки Войсковую Канцелярію о дозволеніи имъ производить рыболовство, начиная отъ *Бабинской косы*, въ правую сторону къ *Турыжникову бугру*, *Мартышечей* и *Баксайской косамъ*. Дозволяя это рыболовство, Войсковая Канцелярія приводитъ тому слѣдующую причину: „*Хотя Войско Уральское въ давнія прошедшія времена имѣло главное рыболовство въ рѣкѣ Уралѣ*, но время отъ времени предвидится недостатокъ въ семъ рыболовствѣ, по тѣмъ причинамъ, что прежде въ Войскѣ Уральскомъ комплекту было менѣе, но въ послѣдствіи времени онаго умножилось, отъ чего въ одной рѣкѣ Уралѣ производить рыболовство сдѣлалось стѣсненіе, да и рыбы входу изъ моря въ Уралъ противу прежнихъ лѣтъ гораздо менѣе". Далѣе въ правилахъ, установленныхъ для новаго лова, сказано: „За постановленныя бакены, по лѣвую сторону къ Уральскимъ устьямъ и отъ оныхъ до Эмбинской грани, отнюдь не допущать никого, *дабы не послѣдовало препятствія входу рыбы въ Уральскія устья*". Изъ этого видны уже опасенія Уральцевъ, чтобы морской ловъ не повредилъ рѣчному.

Уже черезъ 20 лѣтъ послѣ этого, въ 1837 году, разрѣшено было производить рыболовство

и съ лѣвой стороны устьевъ Урала и то по тому, что Астраханскіе вольные Эмбенскіе промышленники, пользуясь тѣмъ, что Уральцы сами здѣсь не ловятъ, ставили тутъ свои сѣти въ большомъ количествѣ, такъ что, напримѣръ въ 1832-мъ году, было тутъ выдрано до 8,000 астраханскихъ сѣтей. Трудность прекратить эти облавы заставила казаковъ самихъ учредить здѣсь свой ловъ. Но морской ловъ доставлялъ преимущественно выгоды только богатымъ казакамъ: во первыхъ по тому, что только такіе могутъ справить себѣ хорошія морскія лодки; во вторыхъ же по тому, что богатые скупали, подъ видомъ довѣренностей, права бѣдныхъ казаковъ, не имѣющихъ средствъ участвовать въ этомъ ловѣ, и занимали такимъ образомъ своими сѣтями обширныя пространства моря. Поэтому, когда отъ 6-го іюня 1840 года Войсковая Канцелярія вошла съ представленіемъ къ тогдашнему Оренбургскому военному губернатору, генералъ-адъютанту Перовскому, о введеніи осенняго лова въ морѣ, то онъ, принимая, безъ сомнѣнія, во вниманіе понятія большинства казаковъ о морскомъ ловѣ, его не разрѣшилъ. Но въ 1843 году Войсковая Канцелярія разрѣшила сама этотъ ловъ въ видѣ опыта, положивъ срокомъ начала его 1-го августа, и, найдя его выгоднымъ для Войска, просила новаго Оренбурскаго военнаго губернатора, генерала отъ инфантеріи Обручева объ утвержденіи этого. Но и онъ, основываясь на томъ, „что между казаками существуетъ мнѣніе, что морской ловъ препятствуетъ входу рыбы въ Уралъ, *гдѣ рыболовствуетъ все Войско, въ морѣ же немногіе, и тѣ больше именемъ*, ибо передаютъ свое право богатымъ казакамъ, которые такимъ образомъ овладѣваютъ всѣмъ богатствомъ Войска", сначала не согласился на это и сдѣлалъ Войсковой Канцеляріи вопросные пункты о вредѣ морскаго рыболовства. Войсковая Канцелярія, приведя въ пользу своего мнѣнія умноженіе уральскаго народонаселенія и уменьшеніе входа рыбы въ Уралъ вслѣдствіе обмелѣнія его устьевъ, отвѣчала, „что мнѣніе казаковъ о вредѣ морскаго рыболовства, какъ основанное лишь на желаніи какъ нибудь объяснить себѣ уменьшеніе рыбы въ рѣкѣ и на предубѣжденіи противъ всего новаго, не заслуживаетъ вниманія, тѣмъ болѣе, что за нѣсколько лѣтъ передъ симъ морское рыболовство было отмѣнено, а рыбы въ Уралѣ отнюдь не умножилось, и что теперь отмѣнить морское рыболовство, существующее уже болѣе четверти столѣтія, значило бы добровольно пожертвовать выгодами Войска, которое, вѣроятно, со временемъ должно будетъ искать средства къ обогащенію уже не въ Уралѣ, а въ морѣ". Только послѣ этого отвѣта былъ утвержденъ новый видъ морскаго рыболовства, извѣстный подъ именемъ осенняго Курхайскаго или жаркаго. Но срокомъ начала его было назначено не 1-е, а 15-е августа, вслѣдствіе отношенія Астраханскаго губернатора на запросъ изъ Оренбурга, что указомъ Сената отъ 18-го октября 1827 года запрещенъ ловъ въ Каспійскомъ морѣ съ 15-го мая по 15 августа, какъ вредный.

Однако съ отвѣтомъ Войсковой Канцеляріи генералу отъ инфантеріи Обручеву нельзя безусловно согласиться. Мнѣніе казаковъ о вредѣ, приносимомъ морскимъ рыболовствомъ рѣчному, вовсе не одно предубѣжденіе, не заслуживающее никакого вниманія. Конечно, морское рыболовство значительно увеличиваетъ собою общее количество годичнаго улова, такъ что съ уничтоженіемъ его одно рѣчное доставило бы уловъ меньшій, чѣмъ рѣчное и морское вмѣстѣ; но съ другой стороны неоспоримо также, что рѣчной ловъ значительно бы черезъ это усилился. Цѣль какъ той рыбы, которая идетъ между обѣими линіями бакеновъ, начинающимися отъ косъ Бабинской и Дуванной, и, отклоняясь вправо или влѣво отъ своего пути, попадаетъ въ передніе ряды Курхайскихъ сѣтей, такъ и той, которая,

идя со стороны Эмбенскихъ или Юсуповскихъ водъ, попадаетъ въ задніе ряды этихъ сѣтей,—все таки Уралъ, и если конечно не вся, попадающая въ Курхайскія сѣти, рыба, то по крайней мѣрѣ значительная часть ея достигала бы своей цѣли, входила бы въ Уралъ и увеличивала бы собою добычу съ рѣчныхъ рыболовствъ, преимущественно же весенняго плавнаго. Приведенное же, въ доказательство безвредности морскаго рыболовства, временное отмѣненіе его—не болѣе, какъ одна уловка, или совершенное непониманіе того, чѣмъ морской ловъ можетъ вредить рѣчному. Чтобы удовлетворить голосу большинства казаковъ, возстававшихъ противъ морскаго рыболовства, былъ отмѣненъ, въ видѣ опыта, съ 1831 по 1835 годъ одинъ изъ его видовъ, но какой?—зимній аханный ловъ, который, очевидно, ни какого вліянія на рѣчное рыболовство имѣть не можетъ, такъ какъ въ январѣ и въ февралѣ рано еще рыбѣ подниматься въ рѣку. Итакъ Курхайскія рыболовства, хотя и значительно увеличиваютъ количество годичнаго улова, приносятъ небогатому большинству скорѣе вредъ, чѣмъ пользу, уменьшая рѣчной уловъ, участіе въ которомъ каждому доступно. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы желательно было уничтоженіе весенняго и осенняго морскаго лова,—ихъ нужно только устроить на основаніяхъ болѣе справедливыхъ и болѣе согласныхъ съ характеромъ общаго владѣнія водами, примѣняясь по возможности къ правиламъ, установленнымъ для различныхъ видовъ рѣчнаго рыболовства.

Другой видъ морскаго рыболовства, *аханное*, началось почти одновременно съ весеннимъ Курхайскимъ правой стороны. Въ отвѣтахъ на вопросы генерала отъ инфантеріи Обручева о морскомъ рыболовствѣ сказано, что оно началось съ 1816 года. Но изъ опредѣленія Войсковой Канцеляріи, о началѣ аханнаго лова въ этомъ году, не видно, чтобы онъ разрѣшался въ первый разъ, какъ это напримѣръ видно изъ опредѣленія о началѣ Курхайскаго лова въ этомъ же году, ибо тамъ просто сказано „чиновники и казаки отправляются производить рыболовство въ Уральскихъ дачахъ по морю аханами и другими снастьми". Поэтому я полагаю, что вѣрнѣе основаться на воспоминаніяхъ стараго казака Щелокова, который мнѣ говорилъ, что въ первый разъ поѣхали казаки, по примѣру астраханцевъ, съ аханами въ море въ 1813 или 1814 году, въ чемъ онъ и самъ участвовалъ. Весьма можетъ быть, что года два или три это дѣлалось и безъ формальнаго дозволенія начальства. Съ 1831 по 1835 годъ аханное рыболовство было, какъ мы уже это видѣли, запрещено въ видѣ опыта, въ 1835 же году разрѣшено вновь. Этотъ видъ морскаго рыболовства по времени, въ которое онъ производится, не можетъ имѣть вліянія на рѣчное рыболовство, какъ доказалъ и опытъ, а по роду употребляемыхъ на немъ орудій, будучи несравненно доступнѣе всякому чѣмъ Курхайское, не даетъ большихъ преимуществъ богатому передъ бѣднымъ. Онъ сопряженъ только съ значительнымъ рискомъ и требуетъ для успѣха отважности и находчивости въ опасностяхъ, — качествъ, въ которыхъ Уральцы не терпятъ недостатка. Поэтому аханный ловъ не возбуждаетъ противъ себя неудовольствій большинства, которому оно еще весьма полезно, отвлекая многихъ казаковъ отъ одновременнаго съ нимъ багренья.

Такимъ образомъ не ранѣе 1843 года окончательно учредились всѣ виды рыболовствъ, которыя производятся въ настоящее время въ водахъ, принадлежащихъ Уральскому войску, и къ описанію которыхъ мы теперь приступимъ.

Всѣ правила, существующія для Уральскаго рыболовства, не основаны на какихъ либо положительныхъ узаконеніяхъ: все устанавливалось здѣсь съ древнихъ временъ обычаемъ и передавалось преданіемъ. Такимъ образомъ установившіяся правила находятся теперь подъ наблюденіемъ войсковаго начальства. Для каждаго рыболовства Войсковая Канцелярія составляетъ особое постановленіе, гдѣ назначенъ срокъ начала и окончанія его. Постановленія эти заблаговременно объявляются въ Уральскѣ черезъ полицію на рынкѣ, а по форпостамъ—черезъ форпостныхъ начальниковъ передъ собраніемъ всѣхъ казаковъ. Войсковая Канцелярія же назначаетъ для каждаго рыболовства одного или нѣсколькихъ начальниковъ и даетъ инструкціи, гдѣ означены всѣ правила, которыя должны быть во время нихъ соблюдаемы. Правила эти, коихъ главное основаніе древній обычай, по просьбамъ казаковъ, отъ времени до времени измѣняются; но это бываетъ очень рѣдко, такъ что большею частію повторяется въ инструкціяхъ каждый годъ тоже самое. Времена начала и окончанія лововъ опредѣляются такъ строго и точно, во первыхъ для того, чтобы несвоевременнымъ ловомъ не помѣшать рыбѣ входить въ Уралъ, во вторыхъ для того, чтобы нѣкоторые изъ казаковъ, начавъ ловъ прежде другихъ, не воспользовались лишними выгодами въ ущербъ всѣмъ остальнымъ и, наконецъ, чтобы каждый могъ заблаговременно приготовиться къ предстоящему рыболовству и, записавшись въ одно изъ нихъ, не могъ въ то же время участвовать въ другомъ съ нимъ одновременнымъ посредствомъ своихъ рабочихъ, или передавая свое право другому казаку по довѣренности.

Всѣ рыболовства, производимыя въ водахъ, принадлежащихъ Уральскому войску, а ихъ, считая съ мелкими, очень много, могутъ быть раздѣлены на такія, желающіе участвовать въ которыхъ должны собираться къ опредѣленному времени въ назначенное мѣсто и, подъ наблюденіемъ начальника—рыболовнаго атамана, занимаются своимъ промысломъ, и на такія, во время которыхъ каждый, оставаясь на своемъ мѣстѣ жительства, отдѣльно занимается своимъ ловомъ. На нихъ не назначается особливыхъ начальниковъ и вообще для ихъ производства не существуетъ столь строгихъ правилъ; поэтому можно ихъ назвать *свободными рыболовствами*. Первыя, къ которымъ относятся всѣ сколько нибудь значительныя рыболовства, надо еще подраздѣлить на *главныя* и на *побочныя*. Главными называю я всѣ тѣ, которыя производятся въ Уралѣ или въ морѣ, побочными же — которыя производятся по старицамъ Урала, въ Узеняхъ и другихъ черныхъ рѣчкахъ, въ морскихъ култукахъ и въ Черхальскомъ морцѣ, одновременно съ главными. Доставляя тоже немаловажный доходъ они уменьшаютъ число совмѣстниковъ на главныя рыболовства. Вторыя, т. е. свободныя рыболовства, несравненно менѣе важныя по количеству доставляемой ими добычи, производятся лишь зимою по самому Уралу и старицамъ его.

Главныя рыболовства, а за ними слѣдовательно и одновременныя съ ними побочныя, по времени, а отчасти и по характеру лова, раздѣляются на три группы. Двѣ изъ нихъ соотвѣтствуютъ двукратному ходу рыбы въ Уралъ и на немъ основаны: это рыболовства *весеннія* и *осенне-зимнія*; въ каждой изъ этихъ группъ есть и *рѣчные* и *морскіе лова*. Третья группа заключаетъ въ себѣ лишь одно *зимнее, морское* рыболовство, именно: аханное, которое не имѣетъ никакой связи съ ходомъ рыбы въ рѣку.

Въ слѣдующей таблицѣ представлено систематическое перечисленіе всѣхъ этихъ рыболовствъ,

СИСТЕМАТИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА УРАЛЬСКИХЪ РЫБОЛОВСТВЪ.

A. ГЛАВНЫЯ РЫБОЛОВСТВА.

I. Весенния:

- a) *Морскія:*
  - 1) Весеннее Курхайское.
    - α) Въ первой баконной линіи.
    - β) Во второй баконной линіи.
    - γ) Въ третьей баконной линіи.
    - δ) Сзади баконныхъ линій, въ такъ называемыхъ вольныхъ водахъ.
- b) *Рѣчныя:*
  - 2) Севрюжье плавное. . .
    - α) Растовое или харчевое.
    - β) Собственно севрюжье.

II. Осенне-зимнія:

- a) *Морскія:*
  - 3) Осеннее Курхайское.
    - α) Въ первой баконной линіи.
    - β) Во второй баконной линіи.
    - γ) Въ третьей баконной линіи.
    - δ) Сзади баконныхъ линій, въ такъ называемыхъ вольныхъ водахъ.
- b) *Рѣчныя:*
  - 4) Осеннее плавное.
  - 5) Осеннее неводное.
  - 6) Багренье . . . .
    - α) Презентное.
    - β) Малое.
    - γ) Большое.
  - 7) Зимнее неводное . . .
    - α) На ширинѣ.
    - β) Въ Перетаскѣ.
    - γ) Въ Бухаркѣ.
    - δ) Въ Яицкомъ устьѣ.
    - ε) Выше Гурьева.

III. Зимнія:

- a) *Морскія:*
  - 8) Аханное.

B. ПОБОЧНЫЯ РЫБОЛОВСТВА.

I. Весенния:

- 9) Неводной ловъ черной рыбы по морскимъ ильменямъ въ 3-мъ участкѣ Курхая.
- 10) Ловъ по полуусымъ старицамъ и запорнымъ водамъ во время весенней плавни.
- 11) Весеннее Черхальское.

II. Осенне-зимнія:

- 12) Осеннее Черхальское.
- 13) Осеннее Узенское.
- 14) Зимнее Узенское.
- 15) Осеннее въ морскихъ култукахъ и въ Черной рѣкѣ во время осенняго неводнаго.
- 16) Зимнее Черхальское.

С. Свободныя рыболовства.

17) Зимній ловъ въ запертыхъ старицахъ.

18) Ловъ блесною отъ Калёновскаго форпоста внизъ по Уралу.

19) Ловъ сижами отъ Бородина ввоза вверхъ до Илецкихъ дачъ.

20) Ловъ сижами отъ Уральска внизъ до Старой Ямы.

21) Ловъ блесною, удочками, сижами и баграми по всему Уралу по окончанію большаго багренья.

22) Благовѣщенское багренье.

23) Ловъ у Уральскаго учуга.

Кромѣ этихъ рыболовствъ ежегодно повторяющихся, въ иные годы, вслѣдствіе особливыхъ обстоятельствъ, разрѣшаются казакамъ нѣкоторыя, такъ сказать,

D. 24) Экстраординарныя рыболовства.

Къ этимъ видамъ Уральскаго рыболовства должно еще присоединить въ видѣ прибавленія:

E. 25) Тюленій бой и

F. 26) Ловъ въ дачахъ Илецкихъ казаковъ крючковою (шашковою) снастью.

Чтобы ясно представить себѣ послѣдовательность и синхронизмъ всѣхъ этихъ рыболовствъ, должно имѣть въ виду, что побочныя рыболовства, имѣя, конечно, своею главною цѣлью доставить по возможности большій доходъ войску, установлены между прочимъ и съ тѣмъ, чтобы предотвратить чрезмѣрное скопленіе рыболововъ на главныхъ рыболовствахъ. Поэтому каждое изъ нихъ современно которому нибудь изъ главныхъ; однакоже современность эта, по различнымъ естественнымъ и экономическимъ причинамъ, не совершенная: они начинаются иногда нѣсколько раньше и оканчиваются позже соотвѣтствующихъ имъ главныхъ.

Со вскрытіемъ отъ льда моря и Урала начинаются весеннія рыболовства: Курхайское и севрюжье плавное и современное имъ весеннее Черхальское. Къ половинѣ іюня всякій ловъ во всѣхъ водахъ, принадлежащихъ Уральскому войску, совершенно прекращается до 15 августа, съ единственнымъ исключеніемъ лова выше Уральской забойки, гдѣ онъ круглый годъ дозволенъ. Съ 15 августа начинаются осенне-зимнія рыболовства—осеннимъ Курхаемъ, за нимъ слѣдуетъ осенняя плавня съ одновременными съ нею осеннимъ неводнымъ ловомъ и побочными осенними рыболовствами. Въ ноябрѣ они оканчиваются и тутъ бываетъ въ главныхъ рыболовствахъ перерывъ болѣе или менѣе продолжительный, смотря по тому рано или поздно станетъ Уралъ. Но этого промежутка почти не существуетъ между осеннимъ и зимнимъ Узенскимъ ловомъ. Съ замерзаніемъ Урала начинается багренье съ современными ему зимнимъ неводнымъ и зимнимъ Черхальскимъ ловами. Въ это же время начинается аханное рыболовство. Смотря по тому рано или поздно сталъ Уралъ, багренье и зимнее неводное рыболовство оканчиваются въ первой или во второй половинѣ января; но аханное, зимнее Узенское и зимнее Черхальское продолжаются до 1-го марта, а два послѣднія не рѣдко и того долѣе. Съ окончаніемъ осенней плавни начинаются въ разныхъ частяхъ Урала въ различное время, смотря по ходу главныхъ рыболовствъ, свободные лова, которые оканчиваются уже въ послѣднихъ числахъ марта. Подробнѣе и точнѣе о времени производства этихъ рыболовствъ будетъ сказано при описаніи каждаго изъ нихъ.

Весеннія и осенне-зимнія рѣчныя рыболовства весьма существенно отличаются между собою своимъ характеромъ и это различіе ихъ основывается на различіи въ характерѣ весенняго и лѣтне-осенняго хода рыбы въ Уралъ. Весною рыба массами идетъ въ эту рѣку, чтобы метать икру и, окончивъ это, сейчасъ же возвращается въ море; поэтому весеннее севрюжье рыболовство, не медля, въ одинъ пріемъ вылавливаетъ весь Уралъ, начиная отъ Уральска до самаго моря. Свойства русла въ верхней части этого пространства рѣки, равно какъ и различіе въ породахъ рыбъ, ловимыхъ въ началѣ этого рыболовства и въ остальное время его продолженія, заставляютъ перемѣнять орудія лова у Антоновскаго форпоста (въ 219 верстахъ нижи Уральска); но это дѣлается безъ малѣйшей перемежки, такъ что тутъ собственно два различныя рыболовства сливаются въ одно непрерывное. Лѣтомъ, съ начала іюля и до половины сентября, рыба поднимается въ рѣку не такими массами, какъ весною, а отдѣльными косяками, съ тѣмъ, чтобы лечь на ятови. Найдя для себя удобныя мѣста, она уже отъ нихъ далеко не отходитъ и, съ охлажденіемъ воды, къ началу октября уже остается на ятовяхъ, которыя она не покинула бы раньше начала весны или конца зимы. Поэтому тутъ спѣшить не къ чему и Уралъ вылавливается въ нѣсколько пріемовъ, по частямъ: отъ Антоновскаго форпоста до Кандауровскаго (въ 16 верстахъ выше Гурьева) и отъ Гурьева до моря производится осенняя плавня, въ теченіе октября и начала ноября. Въ то же время, въ оставленномъ промежуткѣ между Кандауровымъ и Гурьевымъ, идетъ осенній неводной ловъ, какъ болѣе удобный по мѣстности. Между тѣмъ вся верхняя часть Урала отъ Антоновскаго форпоста до Уральска остается невыловленною до багренья. Рыба какъ бы бережется тутъ въ садкѣ до того времени, когда зимніе морозы придадутъ ей большую цѣнность. Самое багренье раздѣляется, для своевременной доставки рыбы и икры въ Высочайшему Двору и для удобства ловцовъ, часто довольно большими промежутками, на три части: презентное, малое и большое, хотя всѣ они по способу производства и употребляемымъ орудіямъ составляютъ одинъ и тотъ же видъ рыболовства. Наконецъ, во время зимняго неводнаго рыболовства проходятъ еще разъ участокъ между Гурьевымъ и моремъ, потому что въ осеннюю плавню выловили тамъ только красную рыбу на Славущей ятови, а черную оставили до зимы для увеличенія ея цѣнности. Вотъ причина, по которой я соединилъ въ одну группу осеннія и зимнія рыболовства, хотя болѣе различныя между собою по способамъ производства и орудіямъ лова, чѣмъ собственно осеннія съ весенними; они однородны, потому что основаны на лежаніи рыбы на ятовяхъ и служатъ какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ другъ другу.

Описаніе выше перечисленныхъ видовъ Уральскаго рыболовства, къ которому теперь приступаю и съ которымъ соединю описаніе употребляемыхъ на каждомъ изъ нихъ рыболовныхъ орудій, я начну съ двухъ предварительныхъ мѣръ, которыми Уральцы удерживаютъ, такъ сказать, въ своей власти всякую рыбу, зашедшую въ ихъ воды. Это 1) ***охраненіе Уральскихъ морскихъ водъ и самаго Урала отъ постороннихъ или несвоевременныхъ облововъ***, чѣмъ обезпечивается морской ловъ, входъ рыбы въ Уралъ и спокойное размѣщеніе ея по ятовямъ, и 2) ***Уральскій учугъ***, который, хотя и не имѣетъ никакаго вліянія на весенній ловъ, существенно важенъ для осенняго и зимняго, собирая исключительно въ руки Уральскихъ казаковъ всю рыбу, входящую въ Уралъ лѣтомъ и осенью.

Для охраненія Уральскихъ морскихъ водъ назначаются ежегодно особые смотрители изъ офицеровъ или урядниковъ Уральскаго войска, подъ распоряженіемъ которыхъ находится 4 косныхъ и 5 подрасшивныхъ лодокъ съ необходимымъ числомъ казаковъ. Кромѣ этого на различныхъ пунк-

тахъ берега и на островахъ разставлена береговая стража. Эти пикеты расположены въ слѣдующихъ мѣстахъ: у Пороховинскаго и Граннаго бугровъ, на островахъ Большомъ Пѣшномъ и Камынинѣ; на косахъ Стрѣлецкой, Мокрой, Гогольской, Баксайской, Бабинской и Дуванной; у Ракушечьяго прорана и у Яицкаго устья. Въ 1854 году, для лучшаго надзора, къ этимъ постамъ прибавленъ еще пикетъ на Маячномъ рынкѣ. На всѣхъ этихъ пикетахъ 8 офицеровъ, 5 урядниковъ и 85 рядовыхъ казаковъ. Они должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы никто изъ посторонних не приставалъ къ Уральскому берегу иначе, какъ въ Ракушечьемъ проранѣ или у Стрѣлецкой косы. Разъѣздныя лодки должны наблюдать, чтобы непринадлежащіе къ войсковому сословію не разставляли никакихъ снастей въ Уральскихъ водахъ и чтобы сами уральцы не ловили противу устьевъ Урала, то есть: между косами Бабинскою и Дуванною, даже и въ дозволенное для лововъ время, а въ остальное же время и въ прочихъ мѣстахъ Уральскихъ водъ. Если виновные попадутся на мелкихъ лодкахъ, то они препровождаются къ старшему смотрителю надъ водами вмѣстѣ съ ихъ лодками. Если же будетъ встрѣчена большая Астраханская кусовая, то прежде всего должны удостовѣриться не проѣздомъ ли только она зашла въ Уральскія воды, на пути въ Эмбенскія, или обратно, или за прѣсною водою къ устьямъ Урала; въ такомъ случаѣ приказываетъ лишь ей удалиться, не дѣлая никакихъ притѣсненій. Если же она будетъ обличена въ тайномъ рыболовствѣ, то весь рыбный товаръ описывается и вмѣстѣ съ судномъ отправляется къ начальнику Гурьева городка, для поступленія по законамъ. Если окажется на лодкѣ наловленная рыба, но еще не приготовленная, то хозяина заставляютъ посолить эту рыбу и икры, и убрать клей и вязигу. Въ послѣдствіи всѣ найденные рыбные продукты продаются съ аукціона въ пользу войсковой казны. Сѣти или крючья, найденные безъ хозяина, выдираются и также продаются съ аукціона. Такъ должно все это дѣлаться по закону, но на дѣлѣ бываетъ обыкновенно совершенно иначе. Когда казаки разъѣздные, или и просто ѣздящіе по своей надобности, поймаютъ астраханцевъ въ своихъ водахъ, то начинаютъ съ того, что угрожаютъ имъ доставкою къ начальству и бьютъ до тѣхъ поръ, пока тѣ не дадутъ за себя выкупа. Тогда тотчасъ же мирятся и обѣ враждебныя партіи, казаки и астраханцы, вмѣстѣ пьютъ и гуляютъ. Къ начальству же представляютъ только въ томъ случаѣ, когда въ дракѣ случится какое нибудь несчастье, котораго скрыть нельзя. Случается впрочемъ, что побѣдителями остаются астраханцы; тогда они спокойно удаляются съ наловленною ими рыбою. Часто также случается, что казаки выдираютъ найденныя въ своихъ водахъ снасти только съ тѣмъ, чтобы поставить ихъ для лова въ свою пользу. Объ этомъ я подробнѣе упомяну, когда буду говорить о разнаго рода злоупотребленіяхъ, встрѣчающихся при рыболовствѣ.

При всѣхъ означенныхъ мѣрахъ къ прекращенію облововъ со стороны астраханцевъ, они довольно обыкновенны; такъ, во время моей поѣздки на Гранный бугоръ, астраханскіе ловцы съ кусовой лодки, стоящей въ Эмбенскихъ водахъ на самой границѣ, сказывали, что имъ извѣстно, что въ это самое время 6 астраханскихъ лодокъ занимается тайнымъ ловомъ въ Уральскихъ водахъ. Какъ для совершеннаго прекращенія этихъ облововъ, такъ и для исполненія постановленія о маячныхъ судахъ, были дѣлаемы различныя предположенія. Для разстановки маячныхъ судовъ по всѣмъ гранямъ Уральскихъ водъ, въ такомъ разстояніи одно отъ другаго, чтобы съ середины были видны ихъ мачты, потребовалось бы по расчету 2 расшивы, 6 большихъ кусовыхъ, 16 малыхъ кусовыхъ и 30 подрасшивныхъ лодокъ, постройка которыхъ по смѣтѣ обошлась бы въ 17,292 р. сер.,

да ежегодныхъ расходовъ на ремонтъ и жалованье 14,253 р. 70 к. с. При этомъ лежащія на войскѣ командировки увеличились бы 2 штабъ-офицерами, 14 оберъ-офицерами, 16 урядниками и 292 рядовыми казаками. Конечно, вредъ, приносимый астраханскими обловами, далеко не достигаетъ этой суммы. Поэтому, вмѣсто маячныхъ судовъ, предложена была смѣшанная система, состоящая въ томъ, чтобы имѣть суда на якорѣ лишь на главныхъ пунктахъ и поддерживать связь между ними безпрерывными разъѣздами. Для этого нужно бы имѣть двѣ большихъ кусовыхъ на крайнихъ углахъ Уральскихъ владѣній, двѣ меньшихъ на полуразстояніи между ними и буграми Пороховинскимъ и Граннымъ, при тѣхъ и другихъ по косной и подрасшивной лодкѣ и сверхъ этого 7 подрасшивныхъ лодокъ въ слѣдующихъ мѣстахъ: у острововъ Большаго Пѣшнаго и Камынина, у Стрѣлецкой, Мокрой и Гогольской косъ, при Яицкомъ устьѣ Урала и въ Ракушечьемъ проранѣ, а во время же Курхайскихъ лововъ еще по одной подрасшивной лодкѣ у каждаго изъ трехъ участныхъ начальниковъ. Осуществленіе этого проекта потребовало бы единовременнаго расхода 4,745 рублей и ежегоднаго на ремонтъ и жалованье 5,202 р. 25 к. с. Предложеніе это было сдѣлано еще въ 1848 году, но оставлено до сего времени безъ исполненія, вѣроятно, также по дороговизнѣ; такъ что охраненіе Уральскихъ морскихъ водъ все еще производится по прежнему разъѣздными лодками и береговыми пикетами.

Для охраненія самаго Урала отъ лова въ запрещенное время, то есть: отъ окончанія севрюжьей плавни до начала осенней, а въ верхней части Урала отъ Каленовскаго форпоста до Уральска, до самаго багренья, приняты также своего рода мѣры. Въ запрещенное время дозволяется лишь ловъ простыми удочками; но въ 1852 году подтверждено запрещеніе и этого невиннаго лова отъ Уральска до Каленовскаго форпоста, ибо, какъ сказано въ постановленіи Войсковой Канцеляріи объ этомъ предметѣ: „всякое прикосновеніе къ ятовнымъ мѣстамъ можетъ испугать рыбу, да и по тому, что, подъ предлогомъ лова удочками, могутъ легко употреблять и другіе снаряды“. Для смотрѣнія за этимъ въ каждомъ форпостѣ назначаются, изъ отставныхъ казаковъ, такъ называемые *смотрители за Ураломъ*, которымъ отъ Войсковой Канцеляріи нерѣдко (какъ напримѣръ въ 1851 году) бываютъ подтвержденія строго исполнять свою обязанность. Они же должны наблюдать за входомъ рыбы въ Уралъ лѣтомъ и осенью и за тѣмъ, гдѣ и примѣрно въ какомъ количествѣ она ложится на ятови. Внѣ времени различныхъ лововъ, даже бударки должны стоять въ каждомъ форпостѣ на казенныхъ дворахъ припечатанными.

Уральскій учугъ не составляетъ самъ по себѣ орудія лова, какъ Волжскіе и Куринскіе, передъ нимъ не лежитъ крючковой снасти и онъ служитъ лишь для того, чтобы не пропускать разъ вошедшую въ Уралъ рыбу изъ той его части, которая принадлежитъ Уральскому войску и то собственно только лѣтняго и осенняго входа. Онъ устроенъ у самаго города Уральска, пересѣкаетъ рѣку совершенно перпендикулярно къ ея теченію и сдѣланъ дугою, обращенной вогнутостью къ теченію, что хотя противно правиламъ гидравлики, но удобнѣе для происходящаго выше учуга лова рыбы. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ въ 80 саженъ, самъ же дугообразный учугъ слишкомъ въ 90. Глубина у учуга нигдѣ не превышаетъ 3-хъ печатныхъ саженъ. Устройствомъ своимъ онъ нѣсколько отличается отъ Астраханскихъ и Куринскихъ учуговъ, именно: сваи, вбитыя въ рѣку, стоятъ въ Уралѣ гораздо рѣже, такъ что на 90 слишкомъ саженъ занимаемыхъ учугомъ, отъ 55 до 60 только свай, среднее разстояніе между которыми можно положить въ $1^1/_2$ сажени. Къ

каждой изъ этихъ свай приставлено съ внутренней стороны (то есть отвращеной отъ теченія) по косвенной подпоркѣ, связанной съ сваею ивовыми прутьями, перекладинъ же, лежащихъ въ углахъ, образуемыхъ вертикальными сваями и косвенными къ нимъ подпорками, нѣтъ. Въ замѣнъ этого съ внутренней же стороны почти каждой сваи вбито по столь же толстой, но короткой сваѣ, на концы которыхъ положены горизонтально бревна, привязанныя къ длиннымъ сваямъ ивовыми же прутьями. Такимъ образомъ устроены мостки, по которымъ можно переходить черезъ рѣку вдоль учуга. Къ сваямъ съ наружной стороны прикрѣпленъ такъ называемый *кошакъ*. Онъ состоитъ изъ круглыхъ шестовъ около вершка въ діаметрѣ, а вышиною съ самыя сваи. Эти шесты отстоятъ одинъ отъ другаго среднею мѣрою вершка на три и приклѣплены переплетами изъ ивовыхъ прутьевъ къ привязаннымъ къ сваямъ поперечнымъ перекладинамъ, носящимъ странное названіе *бѣлоноговъ*, которыхъ нѣсколько рядовъ. Воротъ въ учугѣ нѣтъ никакихъ. Но за то съ наступленіемъ морозовъ, въ концѣ октября или въ началѣ ноября, учугъ разбирается. Сначала снимается кошакъ, а потомъ, когда рѣка уже замерзнетъ, выдергиваютъ сваи. По этой причинѣ и не бьютъ ихъ такъ часто, какъ на Волгѣ, гдѣ учуги постоянные. Не ранѣе половины іюня, когда Уралъ у Уральска уже войдетъ въ берега, приступаютъ къ постройкѣ учуга. Такъ, напримѣръ, въ 1854-мъ году устройство его было совершенно окончено только къ 7-му іюля. Прежде всего вбиваютъ сваи съ большихъ лодокъ бабами и дѣлаютъ къ нимъ подпорки. Между тѣмъ вяжутъ на берегу кошакъ, кусками длиною до 5, а иногда и болѣе саженъ. Когда сваи вбиты и кошаки готовы, пускаютъ ихъ выше свай по теченію; они останавливаются у свай и тогда нижними концами опускаютъ ихъ въ воду и цѣлыми кусками втыкаютъ нижними заостренными концами въ дно рѣки; тамъ же, гдѣ находится верхняя бѣлонога, что̀ уже довольно высоко надъ водою, привязываютъ за нее кошакъ къ сваямъ. Подъ водою кошакъ къ сваямъ нигдѣ не привязанъ, а придавливается къ нимъ однимъ напоромъ воды, въ надводной же части прикрѣпленъ кошакъ къ сваямъ, кромѣ верхняго переплета еще разъ или два. При постройкѣ учуга участвуетъ до 300 казаковъ. Чтобы дно не подмывало у подножія учуга, гдѣ, конечно, теченіе очень быстро, загружаютъ его съ наружной стороны камнями, или, по рѣдкости ихъ, битымъ кирпичемъ. Кромѣ этого погружаются въ воду еще такъ называемые *киты*—рогоженные кули, набитые камнемъ или кирпичемъ. Чтобы камни, битый кирпичъ и киты были доставлены къ забойкѣ, Войсковая Канцелярія отдаетъ ежегодно заблаговременныя приказанія, чтобы каждый изъ служащихъ и гражданскихъ казаковъ (*), состоящихъ на лицѣ, доставилъ къ учугу по возу камней и чтобы проживающіе въ отдаленности поручили это своимъ родственникамъ или знакомымъ, находящимся въ Уральскѣ. Кто не доставитъ своего воза, съ того полагается 1 р. с. штрафу. Принятіе этихъ камней и записываніе доставившихъ ихъ поручается особливому уряднику. Доставка этихъ камней бываетъ обыкновенно во время ярмарки въ Уральскѣ, въ концѣ іюня и началѣ іюля. Укладка китовъ по дну и вообще присмотръ за тѣмъ, чтобы вода гдѣ не подрыла учуга, поручается водолазамъ, которыхъ 8 человѣкъ, изъ самыхъ искусныхъ пловцовъ и вырцовъ. На ихъ же обязанности лежитъ очищеніе забойки отъ наносимаго на нее сору, чтобы черезъ засореніе промежутковъ между кольями кошака она не представляла слишкомъ сильнаго упора водѣ. Для того, чтобы

(*) Такъ называются казаки, дослуживающіе свой срокъ. Они не могутъ быть браты ни въ какую командировку съ мѣста своего жительства.

сѣно и другіе предметы, необходимо падающіе на мостъ и сносимые съ него вѣтромъ въ воду, не засоряли учуга, самый мостъ черезъ Уралъ устроенъ ниже забойки, хотя выше ея есть для этого гораздо удобнѣйшее мѣсто. Когда постройка учуга окончена, онъ каждый годъ долженъ быть свидѣтельствуемъ въ присутствіи наказнаго атамана, членовъ Войсковой Канцеляріи, Уральскаго полиціймейстера и почетнѣйшихъ изъ казаковъ. Содержаніе и постройка учуга стоятъ ежегодно 395 р. с., да сверхъ того водолазамъ идетъ жалованья 228 р. 50 к. с.

Сквозь этотъ учугъ красная рыба, за исключеніемъ развѣ стерляди, пройти не можетъ, но весною, когда еще нѣтъ забойки, она проходитъ въ небольшомъ числѣ вверхъ (что успѣетъ ускользнуть отъ севрюжьей плавни) и уже остается за забойкою. Это бываетъ почти исключительно осетръ, потому что рано поднимающаяся въ рѣки бѣлуга можетъ успѣть воротиться назадъ, пока учугъ еще не устроенъ; къ тому же она не любитъ подниматься такъ высоко въ рѣки столь узкія и мелководныя, какъ Уралъ; севрюгѣ же, позже другихъ поднимающейся въ рѣки, уже далеко ниже Уральска преграждается путь всѣмъ войскомъ, выходящимъ въ это время на севрюжью плавню. Поэтому у самаго учуга, гдѣ производится ловъ водолазами, съ разрѣшенія атамана, для его стола, для нѣкоторыхъ общественныхъ потребностей, угощеній и т. п, а также передъ праздниками во время постовъ, когда разрѣшается церковными правилами употребленіе рыбы, для продажи на базарѣ,— ловится въ годъ до сотни и болѣе штукъ осетровъ, нѣсколько десятковъ шиповъ, четыре, пять севрюгъ и не болѣе одной или двухъ бѣлугъ. Выше учуга отъ Бородина ввоза, гдѣ ловъ свободный, и въ дачахъ Илецкихъ казаковъ также почти исключительно ловятся одни осетры и шипы. Позднею осенью, когда учугъ разбирается, рыба уже не проходитъ вверхъ, потому что лежитъ на ятовяхъ.

При описаніи различныхъ видовъ Уральскаго рыболовства, къ которому теперь перехожу, я буду слѣдовать, за однимъ только исключеніемъ, порядку выше приведенной таблицы.

А. ГЛАВНЫЯ РЫБОЛОВСТВА.

1. *Весеннее Курхайское рыболовство*, или сокращенно *весенній Курхай*, начинается съ вскрытіемъ льда у Уральскаго прибрежья и продолжается до 20 мая. Самое раннее, извѣстное мнѣ начало Курхая было въ 1847 году 14 марта, а самое позднее въ 1852 году 12 апрѣля. На этомъ рыболовствѣ ловится всякаго сорта красная рыба, преимущественно же севрюга.

На Курхайскомъ ловѣ употребляются такъ называемыя *Курхайскія сѣти*. Это обыкновенныя ставныя сѣти отъ 10 до 12 саженъ длиною, съ пріухами съ обѣихъ сторонъ въ аршинъ или въ полтора. Въ ширину имѣютъ онѣ отъ 14 до 18 ячей, въ $2\frac{1}{4}$ вершка въ лопаткѣ (то есть въ сторонѣ) съ огнивомъ (*) въ двое противъ ячеи; слѣдовательно, равномѣрно вытянутыя будутъ онѣ отъ 2-хъ до $2\frac{1}{2}$ аршинъ шириною. На нижней подборѣ онѣ *грузилъ* не имѣютъ, на верхней же есть поплавки, называемые *балберами*, если они сдѣланы изъ кожи или дерева, и *кугами*, если это пучки чакана (видъ Турhа). Эти балберы или куги навязываются на разстояніи маховой сажени одна отъ другой. Пріухи каждой стороны привязываются къ кольямъ, которые втыкаются въ дно морское. Сѣти или вяжутся самими казаками, или покупаются дѣлями, а изъ

(*) Огнивомъ называются ряды треугольныхъ ячей, которыми сѣть привязывается къ верхней и къ нижней подборамъ. У нѣкоторыхъ видовъ сѣтей огнивъ не бываетъ и онѣ привязываются къ подборамъ обыкновенными квадратными ячеями.

нихъ уже составляются. Уральцы для своихъ сѣтей выбираютъ, въ противность Астраханцамъ, сколь возможно тонкую нить. Послѣдніе гоняются за крѣпостью сѣти, первые за тѣмъ, чтобы она была уловистѣе, что, по ихъ мнѣнію, достигается болѣе тонкою нитью, вѣроятно, по тому, что черезъ это сѣть становится менѣе примѣтною для рыбы.

Изъ судовъ употребляются на Курхайскомъ ловѣ кусовыя лодки палубныя и полупалубныя и подрасшивныя лодки, для переборки же сѣтей простыя бударки.

На Курхайскомъ рыболовствѣ могутъ участвовать, лично или по довѣренности, всѣ казаки, служащіе и отставные, находящіеся на лицо, то есть проживающіе въ землѣ Уральскаго войска. Не имѣютъ же права участвовать въ немъ всѣ казаки, находящіеся на дѣйствительной службѣ внѣшней или внутренней, и вообще всѣ, не состоящіе на лицо въ войскѣ, а также вдовы и малолѣтки, не несущіе еще повинностей, то есть не имѣющіе еще 12 лѣтъ отъ роду. Такъ какъ случалось однако, что не находящіеся на лицо въ войскѣ передавали свое право по довѣренности другимъ, то за это положено взыскать штрафъ отъ 25 до 50 р. с. Чтобы сказанное было понятно, надо объяснить какимъ образомъ несется служба Уральскими казаками. Всякій казакъ, которому минетъ 18 лѣтъ, считается на службѣ, которую и несетъ 25 лѣтъ; но дѣйствительную службу несутъ конечно не всѣ, а сколько потребуетъ надобность. Въ это число назначаются казаки не по очереди, какъ въ другихъ казацкихъ войскахъ, а сами поступаютъ по добровольному найму. Если, напримѣръ, требуется на дѣйствительную службу четвертая часть всѣхъ считающихся служащими, то трое изъ нихъ нанимаютъ четвертаго по вольнымъ цѣнамъ. Такимъ образомъ одинъ исполняетъ служебную повинность натурой и за то получаетъ деньги съ трехъ остающихся, а эти остающіеся несутъ свою службу деньгами и за это пользуются выгодами отъ рыболовства. Отставными называются тѣ, которые отслужили свои 25 лѣтъ дѣйствительною службою или деньгами, нанимая за себя другихъ. Они уже ни сами служить, ни нанимать за себя не обязаны, но за то на рыболовствахъ пользуются сравнительно съ служащими меньшими преимуществами. До 1856-го года вдовы, имѣющія малолѣтнихъ дѣтей или бездѣтныя и не несущіе повинностей малолѣтки-сироты имѣли право участвовать въ Курхайскомъ ловѣ, для чего, если имѣли на то средства, нанимали вмѣсто себя рабочихъ, или же перепродавали свое право другимъ. Черезъ это богатые казаки пріобрѣтали право выставлять очень большое количество сѣтей и тѣмъ стѣсняли остальныхъ. Въ 1849 году, напримѣръ, въ 1-мъ участкѣ весенняго Курхая на 325 дѣйствительно участвовавшихъ казаковъ было 265 участвовавшихъ по довѣренности и передавшихъ такимъ образомъ по крайней мѣрѣ 1590 сѣтей въ чужія руки,—конечно богатыхъ казаковъ. Съ уничтоженіемъ этого права вдовъ и малолѣтковъ участвовать въ Курхаѣ не преградилась однако для богатыхъ возможность выставлять большое число сѣтей, какъ увидимъ ниже. Въ этомъ ловѣ, какъ и на двухъ прочихъ морскихъ, каждый имѣетъ право держать сколько кому угодно работниковъ, изъ казаковъ ли, или изъ иногороднихъ, то есть непринадлежащихъ къ войсковому сословію, и Киргизъ.

Для надзора за этимъ рыболовствомъ назначаются три начальника, такъ называемые рыболовные атаманы, подъ наблюденіемъ которыхъ устроивается три баконныхъ линіи, посредствомъ кольевъ, вбитыхъ въ дно на разстояніи отъ 25 до 50 саженъ одинъ отъ другаго, собираемыхъ по два кола съ каждой имѣющей участвовать въ рыболовствѣ лодки или бударки. Линіи на большой глубинѣ означаются пловучими знаками, собираемыми съ тѣхъ, которые пожелаютъ тамъ рыболовствовать.

Первая линія бьется отъ большой Бабинской косы на SSW до 3-хъ саженной глубины, *вторая* отъ Пороховинскаго бугра на S до крайней грани Уральскихъ водъ; *третья* отъ Дуванной косы также на S и тоже до крайней грани Уральскихъ водъ. Эти линіи называются: *первымъ*, *вторымъ* и *третьимъ участками баконовъ* и на каждый изъ нихъ назначается по участному начальнику. Отъ Граннаго бугра баконной линіи не бьютъ, потому что не нашлось бы охотниковъ на ней рыболовствовать, и на второй участокъ бываетъ ихъ очень мало, а иной годъ и вовсе не бываетъ.

Всѣ казаки, желающіе участвовать, приписываются, по своему выбору, къ одному изъ трехъ участковъ и каждый изъ нихъ имѣетъ право на выставку извѣстнаго числа сѣтей, соотвѣтственно своему чину, въ той баконной линіи, въ которой онъ приписался. До 1856 года отставной казакъ и малолѣтній, несущій повинности, имѣли право на 6 сѣтей; простой служащій казакъ и урядникъ на 9; оберъ-офицеръ на 12; войсковой старшина (майоръ) на 16; но войсковой старшина, получившій этотъ чинъ только при отставкѣ, пользовался правомъ на выставку сѣтей по чину есаула, то есть какъ оберъ-офицеръ; подполковникъ и полковникъ имѣли право на 18 сѣтей. Вдовы же бездѣтныя, или имѣющія малолѣтнихъ дѣтей, и малолѣтнія круглыя сироты обоего пола выставляли число сѣтей: первыя по чинамъ мужей, а послѣднія отцовъ. Въ 1856 году, по причинамъ уже выше изложеннымъ, у вдовъ и сиротъ право это отнято, прочимъ же увеличено число сѣтей, именно отставнымъ и малолѣтнимъ, несущимъ повинности, дано право на 9 сѣтей, простымъ служащимъ казакамъ и урядникамъ на 15, оберъ-офицерамъ на 21, войсковымъ старшинамъ и подполковникамъ на 27, полковникамъ на 33 и генераламъ, о которыхъ прежде ничего не было сказано, на 48. Первоначальнымъ поводомъ къ этому измѣненію послужила просьба, поданная казаками въ 1852 году, о воспрещеніи лова по довѣренности, дабы, пользуясь ими, богатые казаки не составляли большихъ артелей и не стѣсняли этимъ казаковъ, лично-участвующихъ, ибо послѣднимъ часто доставались черезъ это мѣста на глуби, гдѣ, по малости и плохому состоянію большей части судовъ, они не имѣли средствъ рыбачить; это и было тогда запрещено Войсковою Канцеляріею въ видѣ опыта, а окончательно уже утверждено въ 1856 году.

Казаки, сверхъ распредѣленія своего на три части по участкамъ, въ каждомъ участкѣ соединяются между собою въ артели. Кто, впрочемъ, не пожелалъ бы присоединиться къ какой нибудь артели, можетъ оставаться и самъ по себѣ, но это едва ли когда нибудь случается, по крайней мѣрѣ весьма рѣдко. Число лицъ, составляющихъ одну артель, ограничено такъ, чтобы въ совокупности имѣли право выставить не болѣе 100 сѣтей. Для опредѣленія въ какихъ мѣстахъ баконной линіи каждой артели ставить свои сѣти, мечутъ жеребіи. Это дѣлается такъ: въ одну чашку, или шапку кладутъ билетики съ именами представителей артелей, или палочки съ различными знаками, извѣстными ихъ хозяевамъ, а въ другую билетики съ нумерами. Билетики вынимаются первымъ попавшимся мальчикомъ, сначала съ именами, потомъ съ нумерами. Послѣ этого каждая артель выставляетъ свои сѣти въ порядкѣ доставшихся имъ нумеровъ, такъ что первый есть ближайшій къ берегу, начиная съ глубины $^3/_4$ или аршина. Жеребьи называются полными, если достанутся полнымъ артелямъ, то есть состоящимъ изъ числа казаковъ, имѣющихъ въ совокупности право на выставку ста сѣтей, неполными, если достанутся меньшимъ артелямъ, и одиночными, если ихъ получатъ казаки не приписавшіеся ни къ какой артели.

Начальники каждаго участка имѣютъ право на выставку въ баконныхъ линіяхъ 80 сѣтей, а помощники ихъ 40. (До 1856 года начальники имѣли право на 40, а помощники ихъ на 20 сѣтей).

Мѣста для этихъ сѣтей назначаются не по жеребью, а выбираются ими, гдѣ они пожелаютъ. Лучшими мѣстами считаются ближайшія къ берегу, какъ по тому, что тутъ болѣе ловится рыбы, такъ и по тому, что для лова на малой глубинѣ не нужно имѣть большихъ и очень исправныхъ лодокъ, слѣдовательно меньше издержекъ. Число хорошихъ нумеровъ выходитъ бо̀льшее или мѐньшее, смотря по тому, выпадетъ ли большинство первыхъ нумеровъ на долю полныхъ артелей, неполныхъ или одиночныхъ казаковъ, такъ что напримѣръ тридцатые нумера могутъ считаться иногда принадлежащими еще къ хорошимъ нумерамъ, иногда же къ очень посредственнымъ. Само собою разумѣется, что рыболовные атаманы и ихъ помощники выбираютъ для себя мѣста, признанныя долговременнымъ опытомъ за самыя лучшія; поэтому мѣста эти всегда постоянны и слывутъ между казаками подъ именемъ *Атаманскихъ мѣстъ*, которыхъ два: одно въ первомъ, а другое въ третьемъ участкѣ. Сверхъ этого атаманы и помощники ихъ сохраняютъ право и на то число сѣтей, которое имъ слѣдуетъ по чину, но для нихъ не могутъ уже выбирать мѣстъ, а должны выставлять черезъ своихъ работниковъ тамъ, гдѣ придется по жеребью тѣмъ артелямъ, къ которымъ они приписались.

Должно замѣтить, что одни артели, истинно товарищескія, составляются для взаимной выгоды участниковъ вслѣдствіе различныхъ соображеній, какъ напримѣръ по тому, что нѣсколько казаковъ имѣютъ одну общую кусовую лодку, или по тому, что неимѣющіе своей лодки приписываются къ имѣющимъ, уступая за то лишнюю долю въ предполагаемой добычѣ и т. п. Другія же артели составляются богатыми казаками для того, чтобы подъ видомъ ихъ занять своими сѣтями какъ можно большее пространство. Они нанимаютъ къ себѣ въ работники бѣдныхъ казаковъ, составляя съ ними какъ бы товарищество, въ которомъ однако въ сущности одинъ полновластный хозяинъ, прочіе же лишь работники, получающіе уговорную плату и уже неимѣющіе права на участіе въ уловѣ, или они скупаютъ у казаковъ, могущихъ по праву участвовать въ ловѣ, но не желающихъ этого, или неимѣющихъ на это средствъ, довѣренности, которыми они поручаютъ ловить за себя. Это особенно легко было дѣлать, когда вдовы и сироты-малолѣтки имѣли право на участіе въ ловѣ, но и теперь это лишь немного затруднено. Чтобы такими средствами одинъ не занялъ своими сѣтями слишкомъ большаго пространства, артели, какъ мы видѣли, ограничены 100 сѣтьми. Но это не препятствуетъ одному имѣть въ своихъ рукахъ нѣсколько артелей, назначая лишь въ нихъ номинальныхъ хозяевъ.

Выставка сѣтей производится слѣдующимъ образомъ: каждый выставляетъ свои—въ три линіи, то есть по трети всего числа, на которое имѣетъ право въ линію. Поэтому ни одна артель не можетъ выставить болѣе $33^1/_3$ сѣтей въ линію, или, какъ сказано въ выдаваемой ежегодно рыболовнымъ атаманамъ инструкціи, болѣе 450 саженъ по бакону. ($33^1/_3$ сѣти, по $12^1/_2$ сажень каждая съ пріухами, составляютъ $416^1/_2$ саженъ. Слѣдовательно $33^1/_2$ сажени, или по сажени на сѣть полагается на промежутки между сѣтьми, ибо одна сѣть не должна быть счаливаема съ другою, чтобы не составилось такимъ образомъ непрерывной стѣны, сквозь которую уже никакая рыба не могла бы проскользнуть къ ловящимъ за баконами). Первая линія, называемая лицевою, идетъ вдоль баконовъ и обращена, слѣдовательно, (въ 1-мъ и 3-мъ участкахъ) къ устьямъ Урала, а остальныя двѣ ей параллельны. Разстояніе между линіями не опредѣлено въ точности, но должно быть таково, чтобы въ этихъ промежуткахъ свободно можно было ѣздить и поворачиваться на лодкахъ. Вторая и третья линіи также по возможности выравниваются, чтобы не было въ нихъ уступовъ, то есть ста-

раются, чтобы разстоянія между первою и второю и второю и третьею линіями у всѣхъ ловцовъ было одинаково. Можетъ случиться, и при большомъ числѣ участниковъ въ ловѣ дѣйствительно случается, что нѣсколькимъ артелямъ, получившимъ послѣдніе нумера, не достаетъ уже мѣста въ баконныхъ линіяхъ, тогда они выставляютъ свои сѣти въ такъ называемыхъ вольныхъ водахъ, т. е. въ промежуткахъ между баконными линіями перваго и втораго участковъ, или между баконною линіею третьяго участка и Эмбенскою гранью Уральскихъ водъ. Въ вольныхъ водахъ число сѣтей и разстановка ихъ предоставляются совершенно на произволъ ловцовъ, отъ чего и названіе вольныхъ водъ. Сюда же идутъ и тѣ, которые хотя и получили мѣста въ баконныхъ линіяхъ, но уже на большой глубинѣ, для лова на которой не имѣютъ пригодныхъ лодокъ. Для примѣра приведемъ, что во время осенняго Курхая 1846 года въ баконной линіи 3-го участка 6 артелей съ 390 сѣтьми, не пожелали занять мѣстъ, доставшихся имъ по жеребью. Въ такомъ случаѣ они не могутъ передать кому хотятъ доставшихся имъ по жеребью мѣстъ, а начальниками вызываются изъ неполучившихъ мѣстъ козаки, желающіе занять опроставшіяся, а ежели желающихъ явится болѣе, чѣмъ сколько ихъ тамъ можетъ помѣститься, то между ними мечется жеребій. Такимъ же образомъ поступается во всякомъ случаѣ, если какое нибудь мѣсто остается незанятымъ по какимъ бы то ни было причинамъ. Наконецъ въ вольныхъ водахъ ловятъ еще и тѣ, которые, получивъ хорошія мѣста въ баконныхъ линіяхъ, имѣютъ много лишнихъ сѣтей и желаютъ употребить ихъ въ дѣло. Ежели въ вольныхъ водахъ соберется много охотниковъ ловить, то, во избѣжаніе споровъ, предоставляется имъ право, буде пожелаютъ, провести у себя свою баконную линію въ произвольномъ направленіи; въ такомъ случаѣ одинъ изъ чиновниковъ, участвующихъ въ этомъ ловѣ, назначается начальникомъ новой линіи и ему также дается право на выставку отъ 40 до 80 сѣтей, гдѣ пожелаетъ. Обыкновенно въ вольныхъ водахъ число выставляемыхъ сѣтей далеко превосходитъ число сѣтей стоящихъ въ баконныхъ линіяхъ. Замѣтимъ, что въ вольныхъ водахъ выгодно ловить, когда имѣется возможность выставить длинный рядъ сѣтей. Небольшимъ числомъ ихъ тамъ много не наловишь, ибо рыба тамъ не идетъ такъ густо, какъ у бакеновъ перваго и третьяго участковъ, второй же участокъ обыкновенно причисляется къ вольнымъ водамъ, ибо въ послѣднее время рѣдко находятся охотники ловить въ немъ на основаніи правилъ, утвержденныхъ для двухъ прочихъ баконныхъ линій. Такъ какъ только богатые имѣютъ возможность выставлять большое число сѣтей и такъ какъ они, имѣя большія лодки, могутъ располагать свои порядки на глубинѣ и тѣмъ перехватывать рыбу на пути къ прибрежью, ставя свои сѣти въ направленіи перпедикулярномъ къ баконнымъ линіямъ, то всѣ преимущества тутъ на ихъ сторонѣ; бѣднымъ же приходится ловить по неглубокимъ мѣстамъ въ пространствѣ, съ трехъ сторонъ окруженномъ сѣтными порядками, куда слѣдовательно рыбѣ невозможно ни съ какой стороны пробраться; они поэтому мало и ловятъ въ вольныхъ водахъ. Если окажутся желающіе ловить на глуби, за окончаніемъ баконной линіи перваго участака, то и это дозволяется безъ ограниченія числа выставляемыхъ сѣтей, но съ тѣмъ лишь, чтобы не заходили за продолженіе баконной линіи въ лѣво, то есть въ пространство, лежащее противъ устьевъ Урала между ею и баконною линіею третьяго участка. Пространство это, имѣющее болѣе 80 верстъ въ ширину, такъ строго охраняется, что не позволено даже судамъ, участвующимъ въ рыболовствѣ, стоять впереди, то есть съ лицевой стороны 1-й и 3-й баконныхъ линій, а они должны находиться не иначе, какъ сзади трехъ порядковъ сѣтей.

Хорошій ловъ на весеннемъ Курхаѣ, по замѣчанію казаковъ, продолжается лишь до 25 апрѣля, рѣдко до 1 мая; вообще же успѣхъ его зависитъ отъ господства во время его юго-западныхъ вѣтровъ, которые нагоняютъ рыбу. Этой причинѣ приписываютъ и необыкновенный успѣхъ весенняго Курхая въ 1856 году, напомнившимъ собою лучшіе былые годы. При выгонныхъ вѣтрахъ улововъ не бываетъ почти вовсе. Таковъ преимущественно NW, котораго особливо не жалуютъ и боятся казаки, тѣмъ болѣе, что онъ чаще другихъ вѣтровъ усиливается до степени бурь, которыми не только уносятся сѣти, но срываются самыя лодки съ якорей. Судить объ убыткахъ, причиняемыхъ этими бурями казакамъ, можно по примѣру, который я приведу изъ осенняго Курхая. 16 октября 1846 года въ одномъ первомъ участкѣ было унесено въ море 1800 сѣтей, 1000 кольевъ, 3 кусовыхъ и 2 подрасшивныхъ лодки, на сумму слишкомъ въ 2000 р. с., считая по умѣреннымъ цѣнамъ: сѣть отъ 2 до 3 р. асс., колья, здѣсь очень рѣдкія, по 50 к. асс., кусовую лодку по 600, а подрасшивную по 150 р. асс. Бывали случаи и гораздо большихъ убытковъ, какъ напримѣръ въ упомянутую уже мною при другомъ случаѣ бурю весною 1853 года, когда было унесено въ море 24 лодки; но цѣнности понесенныхъ во время ихъ потерь мнѣ въ точности не извѣстны.

На Курхайскомъ ловѣ солится рыба и приготовляются изъ нея припасы на самыхъ судахъ и время отъ времени свозятся для складу или для продажи на берегъ не иначе, какъ на Ракушечью пристань, куда должны слѣдовать и откуда возвращаться непремѣнно моремъ, а не Ураломъ, чтобы движеніемъ судовъ не мѣшать входу рыбы въ рѣку. Иногда бываетъ это очень стѣснительно для Уральцевъ, именно во время сильныхъ водополей, когда Уралъ, долго не вступающій въ берега свои, препятствуетъ дальнѣйшей отправкѣ рыбы въ Уральскъ, черезъ который должна непремѣнно везтись не только вся рыба, пойманная въ Уральскихъ водахъ, но и купленная Уральцами у Эмбенцевъ. Въ уваженіе затрудненій къ сухопутному провозу рыбы изъ Ракушечей пристани въ Гурьевъ и дальше по случаю сильной воды, было разрѣшено въ 1846 году везти рыбу по Уралу до того мѣста, откуда сухопутный провозъ уже не будетъ затруднительнымъ. Но, вѣроятно, это тогда же возбудило ропотъ рѣчныхъ рыболововъ, ибо когда въ 1850 году Курхайцы еще разъ просили объ этомъ, дабы по случаю хорошихъ заловов не воспослѣдовало остановки въ сбытѣ рыбы, Войсковая Канцелярія этой просьбы не уважила, приводя причиною своего отказа, что въ этомъ году не предвидится большой воды, а ежели случится, что севрюжье рыболовство будетъ дурно, то этимъ дозволеніемъ возбудится ропотъ въ войскѣ, которое не преминетъ приписать неуспѣхъ въ рыболовствѣ плаванію судовъ по Уралу. Однако по причинѣ сильнаго обмелѣнія Ракушечьяго прорана въ послѣдніе годы дозволено было въ 1853 году съ 12-го по 30-е апрѣля имѣть пристань для складки рыбы на Стрѣлецкой косѣ, при строгомъ подтвержденіи не касаться устьевъ Урала. Въ 1854 году дозволеніе это было возобновлено, но все же не какъ постоянное правило, а какъ временное исключеніе.

Вообще отлучки съ Курхайскаго рыболовства на Ракушечью ли пристань, въ Гурьевъ ли, допускаются лишь въ крайней надобности и всегда по билетамъ, въ которыхъ означается количество везомой рыбы, икры, клея и вязиги, для предъявленія на Ракушечьемъ посту. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы промышленники не могли выставлять сѣтей на запрещенномъ пространствѣ противъ устьевъ Урала.

По окончаніи рыболовства строго запрещается вводить суда по Уралу въ Гурьевъ и свозить туда снасти, которыя должны храниться въ нарочно для того устроенныхъ амбарахъ на Ракушечьей пристани и на урочищахъ Солянкѣ, Баксаѣ и Гогольской косѣ.

Всѣ эти правила для производства Курхайскаго рыболовства развились мало по малу. Въ началѣ, то есть въ 1816 году, они были гораздо короче и во многомъ отличались отъ теперешнихъ. Такъ тогда еще не было никакихъ постановленій о невъѣздѣ на судахъ въ Уралъ, ибо тогда при значительномъ еще числѣ судоходныхъ устьевъ и достаточной глубинѣ прибрежья, входъ судамъ въ него не былъ запрещенъ и суда какъ съ рыбою, такъ и съ привозимыми изъ Астрахани товарами подходили къ самому Гурьеву и подымались даже и выше. Тогда проводилась только одна баконная линія отъ Бабинской косы прямо на S, а не на SSW, какъ теперь; вдоль западной же грани Уральскихъ водъ, шедшей въ то время, по причинѣ тяжбы съ князьями Юсуповыми, отъ Баксайской косы, бакеновъ не били. Пространство по баконной линіи, которое можетъ занимать одна артель, или, другими словами, величина артелей тогда не была еще ничѣмъ ограничена. Различія въ правѣ выставлять извѣстное число сѣтей въ баконной линіи, смотря по чинамъ, еще не существовало; каждая изъ лодокъ, число которыхъ для каждаго казака также ни чѣмъ не было ограничено, могла выставлять по 4 сѣти въ лицевой сторонѣ; рядовъ же этихъ сѣтей полагалось не три, какъ теперь, а четыре. Наконецъ начальникъ рыболовства, какъ начальникъ, не имѣлъ никакихъ преимуществъ, а могъ выставлять свои сѣти по числу имѣвшихся у него лодокъ, на основаніи общаго для всѣхъ жеребьеваго порядка (*).

2. *Весеннее севрюжье плавное рыболовство, или севрюжья плавня.* Оно начинается со вскрытіемъ Урала, что среднимъ чиломъ случается, около Уральска, во второй трети апрѣля, обыкновенно отъ самаго города и производится по всему Уралу и въ морѣ противу Уральскихъ устьевъ, гдѣ и оканчивается по большей части въ началѣ іюня, въ иные же годы продолжается до половины этого мѣсяца. Самое раннее начало, изъ извѣстныхъ мнѣ, было въ 1855 году 6-го апрѣля, самое позднее въ 1856 году 24-го апрѣля; въ 1848 году кончилось оно только 19-го іюня.

Рыболовство это собственно состоитъ изъ двухъ или даже изъ трехъ отдѣльныхъ рыболовствъ, соединенныхъ въ одно. Первое производится отъ Уральска до Калёновскаго, или до Антоновскаго форпоста, куда войско прибываетъ между 20-мъ апрѣля и 1-мъ мая, особливаго рода плавными сѣтями, называемыми *ярыгами*, и слыветъ подъ именемъ *растоваго*, *харчеваго* или *ударнаго* рыболовства. Значеніе перваго названія я рѣшительно не могу объяснить; харчевымъ, можетъ быть, называется оно какъ бы въ насмѣшку, потому что, не будучи очень прибыльнымъ, можетъ доставить рыбы не болѣе, какъ себѣ на пропитаніе—на харчь, ударнымъ же—по способу производства, какъ увидимъ ниже. На растовомъ рыболовствѣ ловится преимущественно, такъ называемая, толстая красная рыба, то есть бѣлуги, осетры и шипы. Второе,—*собственно севрюжья плавня*, идетъ отъ Каленовскаго или Антоновскаго форпоста до моря и производится севрюжьими плавными сѣтями. Во время его ловится изъ красной рыбы почти исключительно севрюга, но попадается также много черной рыбы въ невода и разнаго рода плавныя сѣти, которыми ловятъ по мѣстамъ, уже расплаваннымъ войскомъ. Наконецъ третье производится тѣми же севрюжьими плавными сѣтями, но уже въ морѣ, на небольшой глу-

---

(*) Опредѣлить, когда были введены всѣ эти измѣненія и дополненія, я не могъ, потому что это особливой важности не представляло, а требовало тщательнаго пересмотра всѣхъ хранящихся въ архивѣ рыболовныхъ дѣлъ за тридцать лѣтъ съ 1816 по 1846 годъ, начиная съ котораго я уже всѣ дѣла по 1856 годъ пересмотрѣлъ. При томъ же самое дѣло о Курхайскомъ ловѣ въ 1816 году я получилъ уже въ концѣ моего пребыванія въ Уральскѣ.

бинѣ, противъ устьевъ Урала. Оно почти всегда падаетъ на первыя числа іюня и составляетъ единственное въ году исключеніе, когда дозволяется ловъ въ этой такъ тщательно оберегаемой части моря. Исключеніе это дѣлается по тому, что въ это время, то есть въ первой трети іюня, весенній ходъ рыбы въ Уралъ уже кончился, а осенній, или правильнѣе лѣтній, еще не начинался. Замѣчательно, что въ сочиненіи г. Левшина „Историческое и статистическое описаніе Уральскихъ казаковъ" при описаніи севрюжьей плавни, хотя и говорится, что она начинается отъ самаго Уральска, но не только не упоминается о ловѣ ярыгами до Каленовскаго форпоста, преимущественно толстой красной рыбы, а еще прибавляется „осетровъ и бѣлугъ, кои въ сіе время попадаются, по положенію, должно бросать въ воду, ибо во первыхъ они тогда еще малы, во вторыхъ слишкомъ дешевы; преступающихъ сіе положеніе наказываютъ и отнимаютъ у нихъ всю наловленную рыбу". Изъ этого бы слѣдовало, что съ двадцатыхъ годовъ, когда написана была упомянутая книга, произошло совершенное измѣненіе въ правилахъ и способахъ производства весенней плавни, потому что мнѣ не случалось слышать о чемъ либо подобномъ въ настоящее время и положительно извѣстно, даже изъ офиціальныхъ документовъ, что бѣлуги, осетры и шипы, въ время такъ называемаго растоваго рыболовства, ловятся въ бо̀льшемъ количествѣ чѣмъ севрюга, да и на собственно севрюжьей плавнѣ очень не рѣдки. Во всякомъ случаѣ приведенныя причины такого постановленія въ высшей степени странны. Такого времени въ году, когда бы осетры и бѣлуги были преимущественно передъ другимъ, малы, не существуетъ, ибо они вырастаютъ не въ одинъ годъ и, слѣдовательно, во всякое время года бываютъ различныхъ возрастовъ, вновь же народившіеся мальки, по своей малости, вовсе въ сѣти попадать не могутъ. Притомъ же весною идетъ въ рѣки рыба, чтобы метать икру, слѣдовательно уже взрослая. Что же касается до дешевизны большой красной рыбы весною, то все же лучше поймать дешевое, чѣмъ ничего, такъ какъ извѣстно, что вошедшая въ это время въ Уралъ рыба въ немъ не останется, а уплыветъ назадъ въ море, и весьма мало надежды, чтобы ее опять пришлось поймать осенью въ Уральскихъ же водахъ.

Прежде описанія самаго рыболовства съ существующими для него правилами, познакомимся съ употребляемыми на немъ орудіями лова.

1) *Севрюжья плавная сѣть.* Она имѣетъ 32 сажени въ длину съ пріухами, не болѣе какъ въ $^1/_2$ аршина, и состоитъ изъ двухъ полотенъ: передняго, называемаго *рѣжемъ*, имѣющаго въ ширину отъ 8 до 11 ячей по $4^1/_4$ вершка въ лопаткѣ и неимѣющаго огнива, и задняго, имѣющаго въ ширину 25 ячей, слишкомъ въ $1^1/_2$ вершка въ лопаткѣ и съ огнивомъ въ три ячеи. Ежели сѣть равномѣрно растянута, то переднее полотно окажется натянутымъ, заднее же останется на слаби и въ водѣ будетъ отдуваться такъ, что вся сѣть въ вертикальномъ разрѣзѣ представитъ слѣдующую фигуру: (|. Ширина ея отъ 3 до 4 съ небольшимъ аршинъ. Поплавки и грузила расположены на подборахъ черезъ двѣ ячеи на третьей передняго полотна. Первые, называемые въ этой сѣти *верхними гоглями*, шаровидны и сдѣланы изъ дерева; вторыя же,—*нижними гоглями*, глиненыя и имѣютъ видъ удлиненныхъ боченочковъ. Во время лова, обѣ веревки, прикрѣпленныя къ одному концу этой сѣти, находятся въ лодкѣ; къ другому же концу привязанъ поплавокъ (боченокъ или большой пучекъ чакану), поддерживающій его на водѣ, и такимъ образомъ онъ медленно подвигаются внизъ по теченію. Однимъ словомъ и устройство и употребленіе этой сѣти совершенно такія же, какъ и на Волгѣ.

2) *Ярыга.* Она имѣетъ только 7 саженъ въ длину и устроена слѣдующимъ образомъ: весьма широкое полотнище сложено по длинѣ вдвое и, начиная съ перегиба, сшито по краямъ, но не до конца. Такимъ образомъ бо́льшая часть сѣти образуетъ глухой мѣшокъ, свободныя же, несшитыя по краямъ конца ея два крыла: верхнее и нижнее. Это будетъ нѣчто въ родѣ вентеря, только не съ боковыми, а съ верхнимъ и нижнимъ крыльями, и притомъ вентеря движущагося. Ячеи, составляющія эту сѣть, имѣютъ только $1^1/_2$ вершка въ лопаткѣ. Въ свободныхъ крыльяхъ, называемыхъ *воротками*, по 9 ячей съ огнивомъ; они въ 1 аршинъ 6 вершковъ шириною, а въ глухомъ же мѣшкѣ, называемомъ *кутцомъ*, по 28 ячей съ каждой стороны, то есть 56 кругомъ; шириною онъ около 4 аршинъ. Отверстіе между воротками, то есть входъ въ кутецъ, весьма выразительно называется *зѣвомъ*. Гогли на ней такія же, какъ и въ плавной сѣти: верхнія нанизаны на подборѣ верхняго воротка, черезъ двѣ ячеи на третью, нижнія же, то есть грузила, на подборѣ нижняго воротка черезъ 5 на 6-ую; сверхъ этого въ промежуткахъ между ними прикрѣпляются въ случаѣ нужды *свинцы* (т. е. кусочки свинца), такъ что грузила вообще придутся черезъ двѣ на третью ячею. Во время весенней плавни этихъ свинцевъ обыкновенно не надѣваютъ, потому что тогда рыба плаваетъ, а не лежитъ на днѣ, и, слѣдовательно, не нужно глубоко загружать сѣть. Къ четыремъ свободнымъ угламъ воротковъ прикрѣпляются веревки. По способу своего употребленія, ярыги составляютъ нѣчто въ родѣ Астраханской поѣздухи. Концы веревокъ верхней и нижней каждой стороны берутся въ бударки, въ которыхъ одинъ казакъ сильно гребетъ, а другой правитъ и держитъ веревки. Какъ только онъ замѣтитъ, что рыба вошла въ кутецъ, то подбираетъ нижнюю подбору и тѣмъ запираетъ рыбѣ выходъ; послѣ чего вытягиваютъ ярыгу. Такимъ образомъ она тянется двумя лодками, какъ бы разинутая пасть. Эта сѣть, сколько мнѣ извѣстно, исключительная принадлежность Урала. Въ верхней части Урала ловятъ ими по тому, что тутъ много каршей, за которые бы плавныя сѣти, по причинѣ ихъ длины, часто бы зацѣплялись и рвались, чего съ ярыгами, которыя гораздо короче и тянутся двумя бударками, гораздо легче избѣгнуть.

3) *Поповская сѣть.* Она употребляется ловящими уже послѣ прохода войска на томъ пространствѣ, гдѣ оно ловило ярыгами. Это таже севрюжья плавная сѣть и тѣхъ же размѣровъ, но ячеи передняго полотна въ ней больше, почти такой же величины какъ у ахановъ; заднее же полотно сравнительно шире, такъ что оно отъ передняго болѣе отдувается. Этою сѣтью ловится преимущественно толстая красная рыба. Употребленіе ея тамъ, гдѣ главная масса войска ловитъ ярыгами, возможно, потому что рыбачущіе казаки сзади имѣютъ несравненно больше простора и не имѣютъ нужды спѣшить.

На весеннемъ севрюжьемъ рыболовствѣ имѣютъ право участвовать всѣ, принадлежащіе къ войсковому сословію, какъ служащіе, такъ и отставные и малолѣтки, съ единственнымъ исключеніемъ находящихся на дѣйствительной службѣ. Всякое же участіе въ немъ иногородныхъ совершенно запрещено, даже въ рабочихъ нельзя ихъ имѣть. У кого такой иногородный работникъ найдется, тотъ подвергается денежному штрафу. Наблюденіе за этимъ поручается между прочимъ и самимъ казакамъ между собою, что́, конечно, они весьма ревностно исполняютъ. Постановленіе о неимѣніи иногородныхъ рабочихъ относится собственно ко всѣмъ рѣчнымъ рыболовствамъ, кромѣ неводныхъ, но во всей строгости соблюдается лишь на одной севрюжьей плавнѣ, тогда какъ на прочихъ,

вслѣдствіе разныхъ причинъ, изъ этого правила дѣлаются нѣкоторыя исключенія. Число бударокъ, которое каждый можетъ имѣть здѣсь, не ограничено и офицеры не имѣютъ тутъ ни малѣйшаго преимущества передъ простыми казаками.

Ловъ по положенію долженъ начинаться съ Уральска; но иногда случается, что, дожидаясь вскрытія рѣки у этого города, казаки начинаютъ ловъ весьма поздно и поэтому доходятъ до низовьевъ Урала уже во время самаго сильнаго разлива, что̀ бываетъ особенно невыгодно въ годы большой полой воды, ибо тогда рыба вмѣстѣ съ водою расходится по степи и плавня бываетъ самая неудачная. Такъ случилось въ 1845 и 1846 годахъ, почему въ 1847 году было разрѣшено казакамъ, если пожелаютъ, начинать ловъ не съ Уральска, а отправляться внизъ по Уралу до того мѣста, гдѣ найдутъ рѣку вскрывшеюся и оттуда уже начинать ловъ. Разрѣшеніемъ этимъ очень часто пользуются, потому что весенній ловъ въ верхнихъ частяхъ Урала рѣдко бываетъ изобиленъ, а потому не жаль его упустить, въ надеждѣ на лучшій ловъ ниже. Такъ въ 1847 году начато рыболовство ниже Кожехаровскаго форпоста (въ 101 верстѣ отъ Уральска) 8 апрѣля. Подобнымъ же образомъ въ 1854 году войско выступило изъ Уральска 20 апрѣля, съ приказаніемъ спѣшить ловомъ, ибо предвѣщался чрезвычайный разливъ. Въ этомъ году 29 апрѣля ледъ стоялъ еще въ Уральскѣ.

Во время этого рыболовства, какъ и на всѣхъ другихъ, обнимающихъ собою значительную часть Урала, рыболовствующее войско, или такъ называемая *громада*, должно двигаться все вмѣстѣ и правильно. Для этого назначаются границы, называемыя рубежами, докуда можно плавать, но за которыя можно переходить не иначе, какъ уже на другой день. На другой день начинается ловъ уже съ этого рубежа и идетъ до слѣдующаго; такимъ образомъ отъ рубежа къ рубежу проходятъ весь Уралъ. Рубежи эти на такъ называемомъ растовомъ рыболовствѣ, то есть до Антоновскаго форпоста, предоставляется назначать каждый годъ начальнику лова по соглашенію съ промышленниками, сообразно ихъ пользѣ. Отъ Антоновскаго же форпоста до моря они уже назначены разъ навсегда и могутъ быть измѣняемы не иначе, какъ только Войсковою Канцеляріею, вслѣдствіе особыхъ представленій начальниковъ севрюжьей плавни, нашедшихъ какое либо неудобство въ ихъ распредѣленіи. Это случается довольно рѣдко, такъ напримѣръ въ 1847 году вмѣсто Буянъ-Тугая десятымъ рубежемъ назначенъ былъ Котельный форпостъ въ $9^1/_2$ верстахъ ниже его, а между 13-мъ и 14-мъ рубежами: Гребенщиковымъ форпостомъ и Разбойнымъ Яромъ, былъ еще рубежъ у Кулагинской крѣпости въ 14-ти верстахъ ниже Гребенщикова. Въ 1848 году они уничтожены и съ этого года до настоящаго времени не измѣнялись даже и на растовомъ рыболовствѣ. Право назначать рубежи до Антоновскаго форпоста предоставлено начальникамъ рыболовства для того, чтобы въ случаѣ малыхъ улововъ, не теряя по пустому времени, войско могло скорѣе расплавать это пространство. На волю же войска предоставляется производить ловъ ярыгами до Калеповскаго или до Антоновскаго форпоста. Въ послѣдніе годы, впрочемъ, войско всегда избирало Антоновскій форпостъ границею растоваго рыболовства.

Въ слѣдующей таблицѣ означены всѣ рубежи весенняго плавнаго рыболовства, съ показаніемъ разстояній ихъ между собою и отъ Уральска, а для малоизвѣстныхъ урочищъ, не означенныхъ на картахъ, и отъ ближайшаго форпоста.

НАЗВАНІЕ РУБЕЖЕЙ.	Разстояніе отъ Уральска.	Разстояніе отъ предъидущаго рубежа.	РАЗСТОЯНІЕ ОТЪ БЛИЖАЙШАГО ФОРПОСТА.
1. Суеткинъ ерикъ	10 вер.	10 вер.	
2. Владимірскій хуторъ	47 „	37 „	13 вер. ниже Чаганскаго форпоста.
3. Коловертный „	74 „	27 „	6 „ выше Бударинскаго форпоста.
4. Карташовъ яръ	90 „	16 „	10 „ ниже „ „
5. Лбищенскій форпостъ	116 „	26 „	
6. Мергеневскій „	$147^1/_2$ „	$31^1/_2$ „	
7. Каршинскій „	$165^1/_2$ „	18 „	
8. Каленовскій „	$191^1/_2$ „	26 „	
9. Антоновскій „	$217^1/_2$ „	26 „	
Конецъ растоваго рыболовства.			
10. Урочище Буянъ-Тугай	231 „	$13^1/_2$ „	$1^1/_2$ „ ниже Кругловскаго форпоста.
11. Павловъ яръ	$264^1/_2$ „	$33^1/_2$ „	7 „ „ Калмыковской крѣпости.
12. Харькинскій форпостъ	$288^1/_2$ „	24 „	
13. Гребенщиковскій форпостъ	$319^1/_4$ „	$30^3/_4$ „	
14. Разбойный яръ	$356^1/_4$ „	37 „	3 „ выше Зеленовскаго форпоста.
15. Погорѣлая лука	$379^3/_4$ „	$23^1/_2$ „	4 „ ниже Тополинскаго „
16. Мокрый Баксай	$416^1/_4$ „	$36^1/_2$ „	7 „ „ Яманхалинскаго „
17. Сорочинскій форпостъ	$442^1/_4$ „	26 „	
18. Кандауровскій „	$461^3/_4$ „	$19^1/_2$ „	
19. Гурьевъ городокъ	$477^3/_4$ „	16 „	
20. Море	$493^3/_4$ „	16 „	

Разстояніе между рубежами такъ неровно по тому, что оно означено по почтовой дорогѣ, а не по Уралу, который мѣстами дѣлаетъ большія извилины, мѣстами же течетъ прямѣе, а также и потому, что долговременнымъ опытомъ примѣчено, что на нѣкоторыхъ мѣстахъ болѣе собирается рыбы, и такъ какъ для расплаванія такихъ мѣстъ требуется болѣе времени, то разстояніе между рубежами тутъ сокращено.

Ловъ начинается не ранѣе солнечнаго восхода или по крайней мѣрѣ совершеннаго разсвѣта, по выстрѣлу изъ сигнальной пушки, нарочно возимой для этого съ войскомъ. Лодки, вытащенныя съ окончаніемъ вчерашняго лова на берегъ, стоятъ на низменныхъ мѣстахъ по Самарскому берегу въ линію, а казаки попарно сзади своихъ бударокъ въ 10 шагахъ. Съ сигналомъ бударки вталкиваются въ воду и всякій старается съ своею бударкою быть впереди. Разогнавшись и нѣсколько разбредясь по Уралу, казаки начинаютъ выбрасывать свои сѣти. Во всей точности соблюдается это лишь на растовомъ рыболовствѣ, которое поэтому называется рыболовствомъ съ удара. Это дѣлается для того, чтобы никто не могъ съ самаго начала заплыть впередъ, черезъ что, слѣдовательно, шансы улова уравновѣшиваются; если кому и удастся въ послѣдствіи обогнать другихъ, то это уже будетъ зависѣть отъ его силы и искуства грести. Съ особенною строгостью наблюдаются эти правила при ловѣ ярыгами, потому что онѣ тянутся греблею. Въ собственно севрюжьемъ ловѣ плавными сѣтями нельзя сильно грести, ибо конецъ ихъ свободно плаваетъ, поддерживаемый поплавкомъ, а надо только

слѣдовать за теченіемъ. Тутъ перегоняться нельзя и по тому нѣтъ такъ называемаго удара, хотя ловъ все таки начинается по сигналу. У рубежа, при которомъ дневной ловъ долженъ окончиться, ставятся кибитка начальника и пушка и вкапываются въ землю два находящіеся при немъ сотенныхъ значка, прежде нежели плавающее войско успѣетъ его достигнуть. Ловъ оканчивается также повѣсткою изъ пушки: на растовомъ рыболовствѣ передъ солнечнымъ закатомъ, а на собственно севрюжьемъ въ 2 часа по полудни. Послѣ этого всѣ лодки должны быть вытаскиваемы на берегъ, дабы никто не могъ тайно ловить ночью. Раннее окончаніе лова назначается для выгодъ остающихся ловить сзади войска, о чемъ будетъ сказано ниже. Каждый день проходятъ такимъ образомъ по рубежу, начиная отъ Антоновскаго форпоста; на собственной севрюжьей плавнѣ дозволяется плавать и по два дня на томъ же рубежѣ (*), если будетъ выгодный ловъ.

Дневокъ на этомъ рыболовствѣ нѣтъ, ибо спѣшатъ, чтобы не захватило сильными разливами и чтобы не продлить его до того времени, когда рыба вновь начнетъ подниматься въ Уралъ искать себѣ ятовныхъ мѣстъ. Отдыхи бываютъ лишь въ воскресенія и въ двунадесятые праздники. Когда войско приблизится къ Индерскому озеру, то есть будетъ находиться между 12-мъ и 13-мъ рубежемъ, то дается время нужное для добычи изъ него соли. При этомъ отправляется съ казаками всегда офицеръ и они должны быть вооружены во избѣжаніе нападеній со стороны Киргизъ,— правило, существующее, конечно, болѣе по воспоминаніямъ прошлаго, чѣмъ по потребностямъ настоящаго времени, ибо Киргизы, весьма часто тайно отгоняющіе у казаковъ скотъ и лошадей, едва ли рѣшатся на открытое нападеніе. Но если рѣдки отдыхи, положенные правилами, то часто бываютъ отдыхи невольные, во время сильныхъ вѣтровъ и непогодъ. Такъ въ 1854 году простояли севрюжники 7 дней у Павлова яра, по случаю большой воды и бури, а у слѣдующаго рубежа Харькинскаго форпоста простояли еще 3 дня. Во все это время улова не было никакого и многіе казаки, не желая продолжать рыболовства, столь невыгодно начавшагося, возвратились по домамъ.

За переходъ черезъ рубежъ, до назначеннаго времени, въ первый разъ дѣлается напоминовеніе, во второй же разъ, послѣ наказанія виновнаго тѣлесно, лишаютъ его права на продолженіе ловли въ это рыболовство.

Дабы начальникъ могъ за всѣмъ слѣдить и наблюдать, а также для окрауливанія идущихъ съ войскомъ лошадей отъ Киргизъ дается ему команда въ 16 человѣкъ изъ казаковъ городоваго полка, то есть состоящаго на внутренней службѣ въ землѣ Уральскаго войска, а отъ ближайшаго къ рубежу форпоста бударка съ двумя гребцами. Въ вознагражденіе трудовъ полагается начальнику, по окончаніи ежедневнаго лова, 6 плавковъ по расплаванному уже пространству, безъ захвата слѣдующаго рубежа; но они не должны продолжаться болѣе часа. Для этого сплываютъ въ пользу его 6 бударокъ по одному разу. Въ остальное время запрещается начальнику ловить на себя.

Когда войско достигаетъ моря, то имѣетъ право ловить въ теченіи 10 дней въ заповѣдномъ пространствѣ, противъ устьевъ Урала, какъ плавнею, такъ и выставкою тѣхъ же плавныхъ сѣтей. По просьбамъ севрюжниковъ, десятидневный срокъ, при дурныхъ заловахъ, иногда увеличивается до двухъ недѣль. Курхайскіе промышленники, которые, занимаясь своимъ ловомъ, въ плавнѣ участво-

(*) Хотя слово *рубежъ* собственно означаетъ граничную черту, но оно употребляется и для означенія пространства между двумя такими чертами.

вать не могли, на этотъ ловъ противъ устьевъ также имѣютъ право, но не иначе, какъ на такихъ же бударкахъ и такими же сѣтями, какъ и севрюжники, слѣдовательно также только у прибрежья, въ такъ называемыхъ *черняхъ*, ибо если бы имъ дозволить употреблять свои морскія лодки, то, имѣя возможность на нихъ далеко заплывать въ море, они получили бы значительное преимущество передъ прочими.

Съ окончаніемъ севрюжьяго рыболовства, промышленники должны возвращаться уже не водою, а сухимъ путемъ, везя свои бударки на длинныхъ дрогахъ, называемыхъ здѣсь *адрами*, которыя во все время плавни за ними слѣдовали.

Должно замѣтить, что не всегда хорошему улову на весеннемъ Курхаѣ соотвѣтствуетъ и хорошій уловъ на севрюжьей плавнѣ. Такъ напримѣръ въ 1856 году, когда Курхай необыкновеннымъ изобиліемъ рыбы напомнилъ старинные годы, севрюжья плавня была хуже обыкновеннаго. Многіе изъ казаковъ приписываютъ это сильной водѣ, бывшей въ этомъ году и далеко отбившей морскую, такъ что рыбѣ, идущей на прѣсную воду, не нужно было подыматься въ рѣку, чтобы встрѣтить ее. Неосновательность этого мнѣнія бросается въ глаза, если принять въ соображеніе Волгу, которая въ самую межень несравненно дальше отбиваетъ морскую воду, чѣмъ Уралъ въ самые сильные разливы, что однако не мѣшаетъ рыбѣ подниматься въ эту рѣку. Притомъ же говорятъ, что въ 1854 году, когда полая вода была еще сильнѣе, севрюжья плавня была хороша. Весьма жаль, что собранныя мною статистическія свѣдѣнія не позволяютъ мнѣ этого повѣрить за означенный годъ. Въ 1853 году, наоборотъ, чѣмъ въ 1856, хорошему улову на севрюжьей плавнѣ соотвѣтствовалъ дурной уловъ на Курхаѣ. Но есть годы, въ которые оба рыболовства были успѣшны, какъ напримѣръ 1850, а также и такіе какъ 1855, въ которые оба были неуспѣшны. Такъ какъ успѣхъ весенняго Курхая въ 1856 году зависѣлъ главнѣйше отъ нагонныхъ юго-западныхъ вѣтровъ, то ими и нагоняло рыбу въ сѣти курхайщиковъ, безъ которыхъ, слѣдовательно, она входила бы въ Уралъ и доставила бы богатую добычу севрюжникамъ. Основываясь на этомъ примѣрѣ, я думаю, что отношенія успѣха и неуспѣха на этихъ двухъ рыболовствахъ главнѣйше зависятъ отъ господствующаго весною направленія вѣтровъ, именно, что при выгонныхъ вѣтрахъ оба рыболовства бываютъ дурны, при нагонныхъ же, если господствуетъ юго-западный вѣтеръ, бываетъ хорошій Курхай, но дурная плавня, если же южный, то хорошая плавня, но посредственный Курхай, ибо онъ гонитъ рыбу прямо въ устья рѣки, а не въ сѣти курхайщиковъ, какъ юго-западный вѣтеръ; когда оба нагонные вѣтра дуютъ равномѣрно, то должны быть успѣшны оба рыболовства. Конечно это только предположеніе, которое можетъ быть подтверждено не иначе, какъ одновременнымъ наблюденіемъ надъ вѣтрами въ Гурьевѣ и точнымъ записываніемъ уловов.

Во время весенняго севрюжьяго рыболовства, по мѣстамъ, пройденнымъ уже войскомъ, производится неучаствующими въ немъ казаками, какъ идущими непосредственно за войскомъ, такъ остающимися на своихъ мѣстахъ, другой ловъ, который однако, по тѣсной зависимости его отъ главнаго лова, не можетъ быть отдѣльно отъ него разсматриваемъ. Какъ только войско расплаваетъ какой нибудь рубежъ, то оставшіеся сзади его начинаютъ свой ловъ во время растоваго рыболовства, такъ какъ оно оканчивается поздно, съ закатомъ солнца, на другой день послѣ прохода рубежа севрюжниками; во время же собственно севрюжьей плавни—еще въ тотъ же день. Прежде войска, рыболовствующіе сзади, и отъ Антоновскаго форпоста могли начинать свой ловъ не иначе, какъ

на другой день, потому что подобно главной массѣ севрюжниковъ должны были прекращать его въ 2 часа по полудни; но съ 1849 года разрѣшено имъ оканчивать свой ловъ въ пять часовъ по полудни, такъ что имъ остается еще три часа рыбачить послѣ войска, конечно въ такомъ только случаѣ, когда сами севрюжники переходятъ на слѣдующій рубежъ и не остаются еще день на немъ рыбачить. Мы уже говорили, что раннее окончаніе лова севрюжниками установлено для выгодъ промышляющихъ сзади ихъ. Дѣйствительно во время плавни рыба, поднимающаяся по Уралу, боясь шума, не переходитъ нижняго рубежа, пока идетъ ловъ; когда же онъ прекратится, то косяки тронутся и пойдутъ вверхъ. Ежели бы поэтому главный ловъ продолжать до ночи, то эти косяки ускользнули бы за ночь и отъ заднихъ ловцовъ; теперь же, когда въ 2 часа задніе начнутъ свой ловъ съ верхняго рубежа, то у нижняго все еще спокойно, косяки трогаются и случается, что задніе ловятъ успѣшнѣе переднихъ.

Какъ на главномъ ловѣ Антоновскій форпостъ служитъ границею двухъ рыболовствъ, производимыхъ различными орудіями и даже на нѣсколько различныхъ основаніяхъ, такъ точно на второстепенномъ ловѣ сзади войска такою гранью служатъ *Янайскіе хутора*, лежащіе въ 4-хъ верстахъ ниже Кошъ-Уральскаго форпоста и въ 60 отъ Уральска. До этихъ хуторовъ дозволяется ловъ всякаго рода снастями, кромѣ постоянно запрещенныхъ: крючковой снасти и переставовъ, то есть ставныхъ сѣтей, которыя бы перегораживали Уралъ съ берега на берегъ, во все время плавни, пока севрюжники не дойдутъ до Гурьева. Для этого рыболовства, какъ производимаго постоянно въ теченіи цѣлаго мѣсяца, съ 1848 года стали даже назначаться особые начальники. Отъ Янайскихъ же хуторовъ къ низу дозволено лишь употребленіе однихъ плавныхъ сѣтей, а отсюда то ловятъ между прочимъ и поповскою сѣтью. Пока главное войско не дойдетъ до Кулагинской крѣпости (въ $333^1/_4$ в. отъ Уральска), между 13-мъ и 14-мъ рубежами, на всемъ пространствѣ выше ея идетъ не прекращающійся ловъ; но какъ только войско достигло этой крѣпости, то ловъ отъ Янайскихъ хуторовъ до Калмыковской крѣпости (въ $257^1/_2$ в. отъ Уральска) запрещается и, слѣдовательно, во время плавни на шести послѣднихъ рубежахъ можно ловить сзади войска лишь отъ Уральска до Янайскихъ хуторовъ и отъ Калмыковской крѣпости до того мѣста, гдѣ рыбачитъ главное войско. Съ приходомъ войска въ Гурьевъ всякій ловъ выше по Уралу до Уральска уже запрещается, выше же Уральска остается, какъ и всегда, постоянно свободнымъ. Преимущества, предоставляемыя пространству отъ Уральска до Янайскихъ хуторовъ, легко объясняются тѣмъ, что туда доходитъ уже мало рыбы; чтобы ея нѣсколько болѣе туда доходило, запрещается, вѣроятно, ловъ въ промежуткѣ отъ Янайскихъ хуторовъ до Калмыковской крѣпости, когда войско достигнетъ Кулагинской крѣпости; по крайней мѣрѣ я не могъ ни узнать, ни придумать другой причины для этого.

Кромѣ лова сзади войска по Уралу, во время весенняго же севрюжьяго рыболовства, производится всѣми желающими ловъ по разливамъ и полуусымъ старицамъ всякаго рода сѣтями и неводами. Въ этихъ послѣднихъ бываетъ довольно и красной рыбы. Въ это же время, какъ подробнѣе будетъ сказано въ своемъ мѣстѣ, дозволяется всѣмъ желающимъ казакамъ и чиновникамъ дѣлать запоры по старицамъ, ильменямъ и суходоламъ (кромѣ полуусыхъ старицъ), съ тѣмъ однако, чтобы и въ этихъ назначенныхъ для запоровъ мѣстахъ, пока въ нихъ вода еще прибываетъ, до устройства настоящихъ перегородокъ, „по примѣру разрѣшеній Войсковой Канцеляріи съ давнихъ временъ", всѣ желающіе могли безпрепятственно производить рыболовство, которое должно прекращаться,

когда вода пойдетъ на убыль и устроются прочныя загородки. Ловъ по полуусымъ старицамъ и вообще тѣмъ разливамъ, гдѣ есть красная рыба, дозволяется сначала лишь самимъ севрюжникамъ; остальнымъ же не иначе, какъ уже послѣ прохода ихъ. По прочимъ же разливамъ и низменнымъ мѣстамъ степи, куда вмѣстѣ съ водою заходитъ лишь черная рыба, дозволяется начинать ловъ съ самаго открытія весны, какъ только окажется къ тому возможность. Дабы съ убылью воды рыба не уходила обратно въ Уралъ и не уплывала въ море и черезъ это казаки ея не лишались, въ 1853 году дозволено было жителямъ нижней дистанціи (*) и казакамъ, прибывшимъ изъ средней, производить ловъ съ самаго начала весны, даже до прихода севрюжниковъ, въ рѣчкахъ Сорочинкѣ и Баксаѣ, какъ удаленныхъ отъ Урала, съ строгимъ однакоже запрещеніемъ ловить въ самомъ Уралѣ и другихъ разливахъ его, до прихода войска.

Изъ сказаннаго о севрюжьемъ рыболовствѣ можно видѣть, что на немъ установлено такъ, чтобы по возможности уровновѣсить для всѣхъ шансы улововъ. Тутъ приняты во вниманіе и интересы тѣхъ, которымъ по различнымъ обстоятельствамъ нельзя участвовать въ главной плавнѣ, и тѣмъ изъ нихъ, которые ловятъ въ верхнихъ частяхъ рѣки, гдѣ рыба менѣе изобильна, предоставлены большія передъ прочими преимущества. Съ другой же стороны приняты всѣ мѣры, чтобы ни одна рыба не ускользнула отъ ловцовъ и чтобы вымести, такъ сказать, Уралъ до чиста. Въ иной годъ до 2000 и болѣе бударъ, со столькими же сѣтьми, дружно встрѣчаютъ всякій косякъ рыбы, поднимающійся по Уралу, а ежсли уловъ въ какой нибудь части рѣки хорошъ, то проходятъ этотъ рубежъ въ другой разъ. Рыба, ускользнувшая отъ главной массы севрюжниковъ, попадается въ сѣти рыбачущихъ непосредственно вслѣдъ за ними, или къ тѣмъ, которые, оставаясь на своихъ форпостахъ, не прекращаютъ лова: между Янайскими хуторами и Калмыковскою крѣпостью до тѣхъ поръ, пока войско не достигнетъ Кулагинской крѣпости, а ниже Калмыковской крѣпости, пока оно не дойдетъ до Гурьева. Наконецъ отъ Янайскихъ хуторовъ вверхъ до Уральска собираютъ уже неводами то, что могло туда проскользнуть. При этомъ очевидно, что чѣмъ какой косякъ позже поднялся изъ моря въ Уралъ, чѣмъ ниже по этой рѣкѣ онъ въ первый разъ встрѣтился съ севрюжниками, тѣмъ черезъ бо̀льшее число рядовъ своихъ враговъ должно ему проскользнуть, чтобы добраться до дачъ Илецкихъ казако̀въ, откуда только начинаются мѣста удобныя для метанія икры красною рыбою. Поэтому севрюгамъ гораздо труднѣе туда достигнуть, чѣмъ осетрамъ и шипамъ. Въ самомъ дѣлѣ, во время растоваго рыболовства ловится передовая рыба, успѣвшая войти въ Уралъ вмѣстѣ съ таяніемъ льда: преимущественно осетры шипы и бѣлуги, севрюгъ же тутъ еще почти нѣтъ; сколько нибудь значительные косяки ея начинаютъ попадаться севрюжникамъ лишь съ Антоновскаго форпоста (**); поэтому то выше Уральска онѣ почти не встрѣчаются, не смотря на то, что до начала

(*) Нижнею дистанціею называются форпосты, лежащіе по линіи вдоль Урала отъ Кандауровскаго до Красноярскаго форпоста (въ $272^1/_2$ верстахъ отъ Уральска) включительно, среднею дистанціею—пространство отъ Калмыковской крѣпости до Круглозёрнаго форпоста (въ 14 верстахъ отъ Уральска) включительно и верхнею дистанціею—всѣ форпосты вдоль Урала отъ Уральска до дачъ Илецкихъ казаковъ. Уральскъ и Гурьевъ къ дистанціямъ не причисляются, а составляютъ отдѣльные округи управленія.

(**) Въ примѣръ того, какъ мало ловится севрюгъ до Антоновскаго форпоста, приведу 1848 годъ, когда по донесеніямъ начальника севрюжьяго рыболовства изъ 181 воза (около 5400 пудовъ) пойманной во всю плавню севрюги менѣе $^1/_{12}$ части приходится на растовое рыболовство (15 возовъ); между тѣмъ какъ толстой красной рыбы на растовомъ ловѣ

іюля ходъ рыбѣ и не прегражденъ забойкою. Это можетъ служить убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ тому, что только способъ употребленія какого либо орудія, а не оно само по себѣ, бываетъ вреднымъ для рыболовства, препятствуя ходу рыбы. Невинныя плавныя сѣти и ярыги въ Уралѣ гораздо полнѣе достигаютъ своей цѣли—вылавливать все, что есть, чуть не до чиста, чѣмъ, напримѣръ, въ Курѣ самые учуги, съ лежащими передъ ними безчисленными порядками крючьевъ, ибо выше ихъ ловится тамъ ежегодно еще до 80,000 и болѣе штукъ севрюги.

3. *Осеннее курхайское рыболовство.* Осенній курхай начинается постоянно съ 15-го августа, оканчивается же въ концѣ октября, не всегда одновременно въ разныхъ участкахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1848 году кончился ловъ въ первомъ участкѣ 20-го октября, а въ третьемъ только 27-го. Самое позднее окончаніе, изъ извѣстныхъ мнѣ, было въ 1850 году 1-го ноября. Онъ ни по правамъ участвующихъ въ немъ казаковъ, ни по способамъ производства, ни по орудіямъ лова нисколько не отличается отъ курхая весенняго, а потому все сказанное объ этомъ послѣднемъ рыболовствѣ относится и къ нему, но онъ далеко не имѣетъ той важности.

4. *Осеннее плавное рыболовство* или *осенняя плавня.* Этотъ ловъ начинается съ 28-го сентября, иногда же и нѣсколькими днями ранѣе, и продолжается мѣсяцъ, до 28-го или 29-го октября. Оно производится съ Каленовскаго форпоста до верхняго устья Перетаскнаго ерика (*), у реданки (**) между Редутскимъ и Кандауровскимъ форпостами и отъ Гурьева городка до моря. На пространствѣ же между верхнимъ Перетаскнымъ устьемъ и Гурьевымъ плавни не бываетъ, а вмѣсто нея осенній неводной ловъ. Здѣсь не плаваютъ, потому что тутъ нѣтъ ятовей, и ловится почти исключительно черная рыба, которую гораздо удобнѣе тянуть неводами, нежели ловить ярыгами. Въ прежнія времена плавня оканчивалась у верхняго Перетаскнаго устья, отъ Гурьева же до моря рыбы не пугали, ожидая зимы, чтобы ее багрить въ знаменитой тогда своимъ богатствомъ Славущей ятови. Но въ послѣдствіи казаки просили, чтобы имъ было дозволено вылавливать ее осенью плавнею, чтобы изъ одной ятови не ѣздить въ Гурьевъ для багренья.

Осенняя плавня производится *ярыгами*; но какъ въ это время рыба лежитъ уже на ятовяхъ, то онѣ свинцами глубже погружаются, чѣмъ во время растоваго рыболовства, чтобы шли по дну. Въ мѣстахъ очень глубокихъ употребляютъ ярыги еще особеннымъ образомъ. Ихъ съ камнями опускаютъ въ этихъ мѣстахъ на дно и, сильно гребя, волокутъ за собою нѣкоторое пространство, какъ драгу. Рыба въ нее набирается и нерѣдко вытаскиваютъ ярыгу, набитою ею до верху кутца.

поймано (67 возовъ) почти столько же, какъ и во время остальнаго лова (74 воза). Чиселъ этихъ нельзя принимать за выраженіе дѣйствительнаго улова, который былъ, безъ сомнѣнія, гораздо значительнѣе этого, но они могутъ показать отношеніе, существующее между уловами различныхъ сортовъ красной рыбы въ первой и во второй половинѣ севрюжьей плавни.

(*) Это верхнее Перетаскное устье есть мѣсто истока полуусой старицы, называемой Перетаскнымъ ерикомъ; его не должно смѣшивать съ мѣстомъ отдѣленія отъ Урала—рукава Перетаски, что̀ верстахъ въ 5 ниже Гурьева.

(**) Реданками называются небольшія сторожки, иногда обнесенныя рвомъ и валомъ, находящіяся между форпостами, гдѣ должны находиться нѣсколько казаковъ для окараuливанья линіи отъ переходовъ Киргизъ на Самарскій берегъ Урала, для угона скота, въ прежнія же времена и для кражи людей. Въ настоящее время въ этихъ реданкахъ обыкновенно никакого караула не содержится.

Кромѣ ярыгъ употребляютъ на этомъ рыболовствѣ и *невода*, такъ называемые *осенніе*, которые будутъ описаны при осеннемъ неводномъ рыболовствѣ, гдѣ они составляютъ исключительное орудіе лова.

Въ осенней плавнѣ имѣютъ право участвовать тѣ же лица войсковаго сословія, какъ и въ весенней, при чемъ также число бударокъ, на которое каждый имѣетъ право, не ограничено. Но съ 1853 года никто не можетъ имѣть на бударкѣ болѣе одного весельщика, тогда какъ до этого времени богатые имѣли ихъ по два, что давало имъ большое преимущество передъ бѣдными, которыхъ они всегда обгоняли. Прежде, какъ видно изъ инструкціи на это рыболовство въ 1816 году, дозволялось казакамъ имѣть въ весельщикахъ Киргизъ и вообще иногородныхъ, съ платою лишь съ каждаго по 10 р. асс. въ войсковую сумму, для раздѣленія между чиновниками, не могущими, по обязанностямъ своей службы, участвовать въ плавнѣ. Но въ послѣдствіи принятіе иногородныхъ въ весельщики было запрещено для простыхъ казаковъ, а допущено лишь для однихъ чиновниковъ, въ уваженіе необыкновенной трудности работы въ веслахъ на этомъ рыболовствѣ. *Становщиковъ* для охраненія обозовъ и *косячниковъ* для пастьбы табуновъ, сопровождающихъ войско, также позволяется имѣть иногородныхъ; только въ этой послѣдней должности запрещено имѣть Киргизъ, для которыхъ соблазнъ былъ бы слишкомъ великъ, а главное по тому, что было замѣчено, что многіе изъ постороннихъ Киргизъ въѣзжали въ табуны подъ видомъ косячниковъ и уводили изъ нихъ лошадей. Вообще во время этого рыболовства, по причинѣ длинныхъ ночей, принимается гораздо болѣе предосторожностей отъ Киргизъ, чѣмъ во время прочихъ. По этому, кромѣ обыкновеннаго караула, находящагося при начальникѣ рыболовства, выставляются еще съ форпостовъ, близъ котораго находится рыболовствующее войско, пикеты на Зауральскую сторону.

Осенняя плавня также производится по рубежамъ, назначеніе которыхъ предоставляется начальнику его по соглашеніи съ промышленниками, потому что въ это время рыба уже не идетъ, а лежитъ на ятовяхъ, которыя годъ отъ году могутъ измѣняться; измѣненія же эти извѣстны казакамъ изъ наблюденій, дѣлаемыхъ смотрителями Урала. Впрочемъ, измѣненія эти весьма рѣдки и мнѣ извѣстенъ только одинъ примѣръ установки новаго рубежа. Слѣдующая таблица показываетъ порядокъ ихъ въ настоящее время.

НАЗВАНІЕ РУБЕЖЕЙ.	Разстояніе отъ Уральска.	Разстояніе отъ предъидущаго рубежа.	РАЗСТОЯНІЕ ОТЪ БЛИЖАЙШАГО ФОРПОСТА.
1. Антоновскій форпостъ	217½ вер.		
2. Котельный „	239½ „	22 вер.	
3. Красноярскій „	272½ „	33 „	
4. Харькинскій „	288½ „	16 „	
5. Горская крѣпость	302½ „	14 „	
6. Гребенщиковскій форпостъ	319¼ „	16¾ „	
7. Кулагинская крѣпость	333¼ „	14 „	
8. Кулагинъ яръ	—	—	Около Орлиоковскаго форпоста.
9. Зеленовскій форпостъ	359¼ „		
10. Карамановскій „	386¼ „	27 „	
11. Мокрый Баксай	416¼ „	30 „	7 вер. ниже Яманхалинскаго форпоста.
12. Сарайчиковская крѣпость	431¼ „	15 „	
13. Раковая яма, или Коровій яръ	448¼ „	17 „	3 „ выше Редутскаго „
14. Верхнее Перетаскное устье	456¾ „	8½ „	У реданки между Редутскимъ и Кандауровскимъ форпостами въ 5¼ вер. отъ обоихъ.
15. Отъ Гурьева до моря	—	16 „	

Изъ этихъ рубежей Кулагинъ яръ въ первый разъ учрежденъ въ 1848 году, прежде же съ Кулагинской крѣпости безъ остановки плыли до Зеленовскаго форпоста.

Въ концѣ рубежа, который хотятъ расплавать, ставится въ три ряда крючковая снасть, чтобы рыба, уходящая назадъ, на нее попадала. Такимъ образомъ пойманная рыба отдается начальнику рыболовства въ вознагражденіе его трудовъ. Это единственное исключеніе, которымъ дозволяется ставить въ Уралѣ крючья.

Рыболовство это начинаютъ съ солнечнымъ восходомъ, для окончанія же его нѣтъ опредѣленнаго срока, а кончаютъ когда успѣютъ расплавать всѣ ятови, находящіяся на рубежѣ. Оно производится съ удара, причемъ правила порядка уравненія для всѣхъ шансовъ улова, во сколько это возможно, соблюдаются еще гораздо строже, чѣмъ на растовомъ ловѣ. Бударки всегда выравниваются по берегу и по сигналу сталкиваются въ воду. Гдѣ, за неимѣніемъ по близости отлогихъ мѣстъ, онѣ стоятъ на яру, какъ напримѣръ на послѣднемъ рубежѣ отъ Гурьева къ морю, въ торопяхъ никогда ни обходится безъ ломки. Сверхъ этого, когда бударки уже въ водѣ, начальникъ ведетъ ихъ до нѣкотораго разстоянія отъ ятови гурьбою, такъ сказать колонною, не давая никому заходить впередъ своей лодки. Когда начальникъ съ своею лодкою отплываетъ прочь, то начинается перегонка. Всякій гребетъ съ величайшимъ напряженіемъ силъ, часто до совершеннаго изнеможенія. Бывали случаи, что здоровые и сильные козаки догребались до обморока. Здѣсь цѣль каждаго уже не просто обогнать товарищей, какъ на растовомъ рыболовствѣ, въ надеждѣ довольно вѣроятной, но все таки неопредѣленной и нерѣдко ошибочной, что ловъ впереди другихъ будетъ обильнѣе, а достигнуть первымъ, или по крайней мѣрѣ изъ первыхъ, мѣста, гдѣ скопилась рыба,—ятови, съ вѣрнымъ расчетомъ, какъ можно болѣе изъ нея поживиться до прихода прочихъ. Когда одна ятовь выловлена, то на промежуткѣ до слѣдуюшей ятови, которыхъ на пространствѣ рубежа бываетъ иногда по нѣскольку, казаки не ловятъ, а опять гребутъ до нея въ перегонку, то есть дѣлаютъ слѣдующій ударъ.

По причинѣ такой усиленной работы, а также и для большаго удобства въ сбытѣ наловленнаго, назначаются на этомъ рыболовствѣ черезъ день дневки, во время которыхъ бываютъ базары. Но начальникамъ предписывается строго смотрѣть за тѣмъ, чтобы не дѣлалось пустыхъ дневокъ, когда по незаловамъ продавать почти нечего, а спѣшить къ Гурьеву и кончать плавню до замерзанія рѣки. Иногда Войсковою Канцеляріею даже предписывается отъ извѣстнаго рубежа дневокъ болѣе не дѣлать. Такъ, напримѣръ, въ 1848 году, положено было съ 9-го рубежа—Зеленовскаго форпоста идти обыденками. Но ежели, при всемъ спѣхѣ, наступятъ во время рыболовства ранніе холода, такъ что можно будетъ опасаться, что Уралъ ранѣе замерзнетъ, чѣмъ войско дойдетъ до Гурьева, то дозволяется переѣхать берегомъ прямо къ этому мѣсту, дабы успѣть расплавать Славущую ятовь, отъ которой всегда ожидаютъ большой добычи; ятови же, оставшіяся неразбитыми, расплавать на обратномъ пути, если еще можно, то ярыгами, если же опасенія оправдались и Уралъ сталъ, то неводами. Такой случай встрѣтился въ 1852 году. При этомъ рождается вопросъ: почему бы не продолжать лова по порядку, а если бы рѣка замерзла раньше окончанія его, то Славущую ятовь расплавать неводами? Но ятовь неводами выловить трудно, особливо если она глубока, а ее можно только разбагрить; но такъ какъ во время плавни у казаковъ нѣтъ съ собою багровъ, то нужно бы для разбагренія одной ятови нарочно пріѣзжать въ Гурьевъ. Притомъ же легко можетъ случиться, что хотя Уралъ и замерзнетъ, но ледъ достаточно окрѣпнетъ уже поздно, и въ такомъ случаѣ тяга неводами или багренье ниже Гурьева совпали бы съ зимнимъ неводнымъ рыболовствомъ, которое

производится на совершенно другихъ основаніяхъ и въ которомъ изъ участниковъ въ осенней плавнѣ, преимущественно верховыхъ жителей, участвуютъ не многіе, ибо заняты въ это время багреньемъ. Такимъ образомъ рыба нижней ятови досталась бы большею частію въ другія руки, приходить же нарочно для этого въ Гурьевъ было бы затруднительно и убыточно. Правда, то же можетъ случиться и съ вышележащею, нерасплаванною частью Урала; но такъ какъ въ ней не надѣются получить столько добычи, то охотнѣе рискуютъ оставить нерасплаванною ее, чѣмъ Славущую ятовь.

Такъ какъ ярыгами преимущественно ловится ятовная красная рыба, черной же въ нихъ мало попадаетъ, то сзади главной массы плавичей производится ловъ неводами, который, по огромному количеству доставляемой имъ черной рыбы, едва уступаетъ въ важности самой плавнѣ. Съ Антоновскаго форпоста до Кулагинской крѣпости этотъ ловъ неводами дозволенъ только на другой день послѣ разбитія ятовей передовымъ войскомъ; на этомъ пространствѣ онъ производится вольно, то есть гдѣ и какъ кто хочетъ. Съ Кулагинской же крѣпости внизъ неводной ловъ идетъ въ тотъ же день, какъ и плавня, но не ранѣе начинается какъ съ часу по полудни, тогда какъ плавня начинается съ разсвѣтомъ. Здѣсь и неводная тяга производится непремѣнно съ удара, при чемъ строжайше запрещено завозить невода сухимъ путемъ, и тутъ бударки съ неводами должны стоять рядомъ на берегу. Правила для лова неводами сзади войска утверждены въ такомъ видѣ только съ 1853 года, до этого же времени почти ежегодно мѣнялись, то въ уваженіе къ просьбамъ плавичей, то неводчиковъ. Прежде зарубежные ловцы тянули неводами только съ Калмыковской крѣпости, начиная двумя часами послѣ начала лова ярыгами. Выше же этой крѣпости тяги неводами сзади плавающаго войска вовсе не было. При этомъ случалось, что ловъ ярыгами въ иныхъ мѣстахъ еще продолжается, какъ уже невода ихъ нагоняютъ, и красную рыбу, которая попалась бы къ ярыжникамъ, пугаютъ и отгоняютъ съ ятовей; она отчасти идетъ въ затоны, гдѣ невода имѣютъ большое преимущество передъ ярыгами. Поэтому въ 1846 году рубежные ловцы стали просить, чтобы неводнымъ дозволено было начинать ловъ не ранѣе, какъ черезъ сутки послѣ войска, т. е. или послѣ отправленія уже войска на слѣдующій рубежъ, или въ день дневки. Войсковая Канцелярія, полагая однакоже, что рыба, ускользнувшая отъ ярыжниковъ, въ теченіи сутокъ успѣетъ уйти и отъ неводчиковъ, приказала этимъ послѣднимъ начинать свой ловъ не ранѣе солнечнаго заката. Но, по неудобности ночнаго лова, это было отмѣнено и въ 1848 году опять тянули неводами по прежнему, спустя два часа послѣ начала лова ярыгами, только не съ Калмыковской, а съ много ниже лежащей Тополинской крѣпости. Во избѣжаніе того неудобства, что крѣпость эта не составляетъ рубежа, а лежитъ между двумя рубежами: Зеленовскимъ и Карамановскимъ форпостами, неводчики же должны ждать у рубежа, пока имъ не подадутъ сигнала къ начатію лова, они просили о дозволеніи начинать его прямо съ рубежа, то есть съ Зеленовскаго форпоста. Въ 1851 году, по причинѣ появленія множества черной рыбы, которую нельзя было выловить ярыгами, дозволено было тянуть неводами съ Кулагинской крѣпости, такъ что неводчики опять вошли во всѣ свои прежнія права. Наконецъ въ 1853 году временемъ начала неводнаго лова назначенъ былъ часъ по полудни, но за то распространено дозволеніе употреблять невода до самаго Антоновскаго форпоста, на вышеизложенныхъ основаніяхъ.

5. *Осеннее неводное рыболовство.* Рыболовство это начинается обыкновенно 8-го октября, десятью днями послѣ осенней плавни, временемъ, которое нужно отправляющимся на него казакамъ,

чтобы дойти сухопутно отъ Антоновскаго форпоста, докуда они идутъ вмѣстѣ съ плавичами,—до мѣста производства ихъ промысла. Оканчивается оно 7-ю днями послѣ осенняго плавнаго. При худыхъ уловахъ, какъ напримѣръ въ 1852 году, казаки обыкновенно просятъ продлить имъ этотъ срокъ до покрытія Урала льдомъ. Не желая совершенно нарушить разъ установленнаго порядка, а вмѣстѣ желая удовлетворить просьбѣ казаковъ, Войсковая Канцелярія въ этихъ случаяхъ разрѣшаетъ обыкновенно продлить рыболовство еще на три дня. Причина, почему не дозволяется далѣе медлить окончаніемъ этого лова, состоитъ главнѣйше въ томъ, чтобы занимающаяся имъ часть войска успѣла заблаговременно возвратиться и своимъ отсутствіемъ или неготовностію не заставила откладывать начала зимнихъ рыболовствъ.

Ловъ этотъ производится, какъ уже было сказано, отъ верхняго устья Перетаскнаго ерика (*) до креста, стоящаго на берегу Урала немного выше Гурьева городка. На этихъ двухъ границахъ выставляются отъ линейныхъ коммандъ Гурьева городка, Кандауровскаго и Редутскаго форпостовъ, пикеты, которые должны наблюдать, чтобы казаки не переходили этихъ рубежей, въ ущербъ занимающихся осеннею плавнею.

На этомъ рыболовствѣ употребляются такъ называемые *осенніе невода.* Неводъ этотъ, употребляемый и на осенней плавнѣ тянущими сзади войска и на севрюжьей плавнѣ, выше Янайскихъ хуторовъ, и на Узеняхъ, однимъ словомъ на всѣхъ рыболовствахъ, гдѣ тянутъ неводами не подо льдомъ, за исключеніемъ одного весенняго Черхальскаго лова, устроенъ слѣдующимъ образомъ. Длина его такова, чтобы, будучи на слаби, онъ хваталъ черезъ Уралъ, то есть отъ 120 до 200 саженъ. Въ истѣнь, то есть въ ширину, невода отъ 4 до 6 саженъ, одинаковые во всю длину, ибо кроить ихъ, смотря по глубинѣ рѣки, какъ это дѣлается на Волгѣ, нельзя, такъ какъ, по свойству Уральскаго лова и по существующимъ для него правиламъ, приходится употреблять неводъ гдѣ случится, а не на одномъ какомъ либо опредѣленномъ мѣстѣ. Ячеи его въ $1^1/_8$ вершка въ лопаткѣ, съ огнивомъ въ три ячеи. Онъ такъ частъ по тому, что имъ ловится преимущественно черная рыба, нерѣдко довольно мелкая; красная же попадается лишь случайно. Оба крыла его совершенно одинаковы и ровной длины: тамъ не различаютъ ни пятнаго, ни бѣжнаго конца. Мотни въ немъ нѣтъ, а на мѣсто ея вчаливаютъ между обоими крыльями частое полотно—*частикъ*, съ ячеями въ $^3/_4$ вершка въ лопаткѣ, длиною саженъ въ 6 или въ 7 и на сажень шире противу обоихъ крыльевъ, дабы онъ всегда былъ на слаби. Частикъ вставляется для того, чтобы рыба, скопляющаяся преимущественно въ серединѣ невода, не застрѣвала въ ячеяхъ. Мотни же не дѣлаютъ для скорости тяги, требуемой, какъ увидимъ ниже, характеромъ этого рыболовства. Ее нужно бы было загружать, чтобы она не всплывала, а это весьма замедляетъ тягу. На верхней подборѣ прикрѣпляются балберки, разстояніемъ одна отъ другой на крыльяхъ въ маховую сажень, а на частикѣ въ аршинъ; на нижней подборѣ противу балберъ нанизываются тяжелыя глиняныя кокурки вершка въ $2^1/_2$ въ діаметрѣ.

На участіе въ этомъ ловѣ имѣютъ право тѣ же казаки, что̀ и на обѣихъ плавняхъ, но имъ дозволяется во время его имѣть работниковъ изъ иногородних Киргизъ или иныхъ: полковникамъ по 4, прочимъ штабъ-офицерамъ по 3, оберъ-офицерамъ по 2, урядникамъ же и простымъ казакамъ по 1. Кто, по какой либо уважительной причинѣ, не можетъ въ этомъ ловѣ участвовать лично, тому, по предварительномъ объявленіи объ этомъ Войсковой Канцеляріи или дистаночнымъ начальникамъ, предоставляется право поручать своихъ работниковъ кому либо изъ присутствующихъ на немъ казаковъ.

(*) Это устье теперь пересохло и осталось одно нижнее, такъ что Перетаскной ерикъ изъ полуусой старицы обратился въ простую.

Не каждый казакъ имѣетъ собственный неводъ. Нѣкоторые имѣютъ одинъ съ обща имъ принадлежащій, другіе же пристаютъ къ хозяевамъ неводовъ одни или съ нанятыми ими иногородними работниками, изъ за доли въ уловѣ; рѣдко казаки сами нанимаются въ работники за напередъ опредѣленную плату. Такъ какъ и въ этомъ послѣднемъ случаѣ они не лишаются своего права имѣть иногородняго работника, то хозяева на ихъ имя могутъ имѣть большее противъ положеннаго имъ по чину число иногородныхъ работниковъ. Такимъ образомъ составляются неводныя артели, которыя не могутъ состоять меньше чѣмъ изъ 6 человѣкъ. Неводъ съ меньшимъ числомъ находящихся при немъ работниковъ не допускается къ тягѣ. Въ послѣдствіи увидимъ причину этого.

Съ прибытіемъ на мѣсто лова и послѣ распредѣленія казаковъ и ихъ работниковъ по неводамъ, всѣ неводныя артели расписываются по *пескамъ*, то есть по отмелымъ мѣстамъ у берега, на которыя удобно вытягивать невода. Такіе пески находятся и на Самарской и на Бухарской сторонѣ, извѣстны всѣ на перечётъ и имѣютъ свои названія. Извѣстно также, на какихъ пескахъ обыкновенно больше ловится рыбы; на тѣ приписывается и больше неводовъ; на нѣкоторыхъ же пескахъ въ иные годы вовсе не оказывается желающихъ ловить. Для примѣра я перечислю пески, на которыхъ ловили въ 1853 году, когда было занято наибольшее число ихъ изо всѣхъ извѣстныхъ мнѣ годовъ, и приведу также число употребленныхъ на нихъ неводовъ и приписавшихся къ нимъ казаковъ съ ихъ иногородними работниками.

Названіе песковъ по порядку отъ Гурьева вверхъ по Уралу.	На которой сторонѣ Урала.	Число неводовъ.	Число казаковъ при неводахъ.	Число иногороднихъ рабочихъ.	Итого при неводахъ.
1. Песокъ нижній рубежный	Бухарской.	10	28	35	63
2. Горина Пешня	Самарской.	25	86	83	169
3. Дворянска Сарма	„	8	24	24	48
4. Нижній Сомовій	Бухарской.	15	49	45	94
5. Сомовій	Самарской.	14	43	43	86
6. Малый Сомовій	„	24	72	74	146
7. Малый Быковскій	Бухарской.	16	52	49	101
8. Большой Быковскій	Самарской.	18	54	55	109
9. Малые Глушаки	„	9	29	27	56
10. Большіе Глушаки	„	15	48	46	94
11. Ульянова Сарма	Бухарской.	17	53	52	105
12. Малые нижніе бугорки	„	8	24	24	48
13. Малые бугорки	„	10	30	31	61
14. Татарскій песокъ	„	21	51	52	103
15. Нижній Татарскій	„	4	12	12	24
16. Большіе бугорки	Самарской.	7	23	23	46
17. Соколинскій песокъ	Бухарской.	19	62	59	121
18. У Кандауровскаго форпоста	Самарской.	11	33	33	66
19. Верхняя Кандауровская сарма	Бухарской.	9	27	27	54
20. Малая заводь Камышевая	„	6	19	19	38
21. Малый Камышевый	Самарской.	7	29	24	53
22. Верхній рубежъ	Бухарской.	16	15	49	100
Итого		289	899	887	1,786

Изъ этихъ песковъ на №№ 5, 6, 9, 11, 12, 13, 16 и 20 въ 1848 году, напримѣръ, тяги неводовъ не производилось, но за то тянули ихъ тогда на 4 такихъ, которые въ 1853 году оставались не занятыми: на Соколинскомъ (Самарскомъ) на Маломъ Ульяновомъ (Самарскомъ), на Большомъ Ульяновомъ (Самарскомъ) и на Низкомъ станѣ (Самарскомъ). Число неводовъ въ 1853 году, какъ видно изъ таблицы, разнилось отъ 4 (№ 15) до 25 (№ 2), число же тянущихъ казаковъ и работниковъ— отъ 24 до 169. Не всякій годъ отдаютъ предпочтеніе однимъ и тѣмъ же пескамъ, при чемъ главнѣйше руководствуются наблюденіями казаковъ надъ всплесками рыбы по зарямъ въ различныхъ мѣстахъ Урала. Такъ напримѣръ въ 1852 году на Гориной Пешнѣ было только 8 неводовъ, тогда какъ на Сомовомъ пескѣ (Самарскомъ) былъ 21 неводъ. Въ 1851 году на Гориной Пешнѣ опять было 14 неводовъ, тогда какъ наибольшее число ихъ не превышало на одномъ пескѣ 16. Какъ неодинаковы уловы на различныхъ пескахъ, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ 1848 году на Маломъ Быковскомъ пескѣ было поймано, по донесенію начальника осенняго неводнаго рыболовства, 14 пудовъ красной и 4932 пуда черной рыбы, тогда какъ на Дворянской Сармѣ 27 пудовъ красной и только 300 черной.

Расписавшись по пескамъ, каждая партія отправляется на избранное ею мѣсто и мечетъ жеребій о порядкѣ закидыванія неводовъ. Каждый, желая закинуть свой неводъ какъ можно большее число разъ, торопитъ своего предшественника, и когда одинъ неводъ только что еще заворачиваютъ съ берега противуположнаго песку, слѣдующій за нимъ уже закидывается. Начальнику этого рыболовства предписано строго слѣдить за безостановочнымъ ходомъ неводовъ, взыскивая съ тѣхъ, которые будутъ изобличены въ умышленно медленной тягѣ. Вотъ причина, по которой здѣсь нельзя употреблять неводовъ съ мотнями.

Тяга производится слѣдующимъ образомъ, отличнымъ отъ употребительнаго на Волгѣ: перевезя конецъ невода на другой берегъ, тянутъ его по обоимъ берегамъ сухопутьемъ, примѣрно саженъ на сто. Потомъ, протянувъ еще нѣкоторое пространство по берегу противуположному песку, для того, чтобы онъ сталъ въ косвенное положеніе къ направленію русла, завозятъ прикрѣпленную къ этому концу веревку на песокъ и подтягиваютъ къ нему весь неводъ. Тяга неводовъ производится безостановочно, кромѣ ночей, двое сутокъ, послѣ которыхъ назначается дневка для уборки, соленія и дѣлежа рыбы. Послѣ дневки переметываютъ жеребій, чтобы перемѣнить порядокъ тяги и такимъ образомъ уравновѣсить, по возможности, для всѣхъ шансы улова. Что какимъ неводомъ вытянуто, то и принадлежитъ приписанной къ нему артели, тянувшей его и раздѣляется между ея членами по паямъ: хозяинъ получаетъ за свой неводъ 5 паевъ, каждый изъ простыхъ казаковъ за работу по 1 паю, слѣдовательно и хозяинъ, если онъ работалъ, какъ всегда бываетъ. Чиновники же, лично участвующіе, получаютъ: оберъ-офицеры по два, а штабъ-офицеры по три пая. На каждаго изъ нанятыхъ иногороднихъ работниковъ причитается также по паю, которые получаютъ за нихъ казаки, ихъ нанимавшіе. Такъ какъ на этомъ рыболовствѣ никому не запрещается имѣть и по нѣскольку неводовъ, ибо, при ограниченіи числа иногороднихъ работниковъ, ихъ должны тянуть казаки изъ паевъ же, то такому хозяину нѣсколькихъ неводовъ, которые все таки должны тянуться не иначе какъ послѣдовательно, въ порядкѣ доставшихся на неводъ жеребьевъ, а не вдругъ, весьма выгодно имѣть какъ можно меньше, какъ нанятыхъ рабочихъ, такъ и изъ паевъ участвующихъ казаковъ; съ другой стороны и этимъ послѣднимъ выгодно быть товарищами у хозяина, имѣющаго

нѣсколько неводовъ, ибо они черезъ то получали бы паи съ каждой тяги. Это было бы однакоже невыгодно для большинства, ибо многіе вовсе не могли бы участвовать въ ловѣ. Для противудѣйствія этому и установлено правило не допускать къ метанію жеребьевъ тѣхъ неводныхъ артелей, въ которыхъ меньше 6 работниковъ (казаковъ и иногороднихъ вмѣстѣ).

Начальнику этого рыболовства дается, для наблюденія за порядкомъ, 4 казака изъ ближайшихъ форпостовъ, которые, какъ и на прочихъ рыболовствахъ, въ ловѣ участвовать не могутъ. Самому же начальнику, въ вознагражденіе трудовъ его, дозволяется во время каждой дневки закидывать на каждомъ изъ трехъ ближайшихъ къ Гурьеву пескахъ по одному неводу изъ имѣющихся на этихъ пескахъ неводовъ.

Когда войско, промышляющее плавнею, приближается къ мѣсту производства неводнаго рыболовства, то участвующимъ въ этомъ послѣднемъ дозволяется принять учатіе и въ плавнѣ, подъ условіемъ подчиненія всѣмъ установленнымъ для нея правиламъ.

6. *Багренье.* Это рыболовство начинается съ того времени, когда ледъ достаточно окрѣпнетъ, чтобы сдерживать значительную тяжесть. Оно раздѣляется на три части: 1) *Презентное* или *первый кусъ,* произведенія котораго назначаются въ подарокъ Высочайшему Двору, бываетъ обыкновенно въ первыхъ числахъ декабря и продолжаетя всего 1 день. Оно производится на ближайшихъ къ Уральску ятовяхъ. 2) *Малое* начинается обыкновенно въ половинѣ декабря и продолжается 5 дней; такъ въ 1850 началось оно 18-го числа, въ 1851—15-го, въ 1853—19-го и въ 1855—13-го. Производится оно по правилу отъ Уральска до Коловертинскаго ерика, въ 95 верстахъ ниже его. 3) *Большое* начинается дней десять послѣ окончанія малаго и продолжается 8 дней, не считая воскресеній и праздниковъ, слѣдовательно происходитъ съ послѣднихъ чиселъ декабря, или первыхъ чиселъ января до начала или половины этого послѣдняго мѣсяца. Такъ въ 1848 году происходило оно съ 4-го по 13-е января, въ 1849 съ 10-го по 19-е января, въ 1853 съ 2-го по 11-е января, въ 1855 съ 28-го декабря по 5-е января; оно оканчивается у Каленовскаго форпоста, откуда начинается осенняя плавня.

Эти три вида багренья различаются между собою только временемъ и мѣстомъ производства и назначеніемъ получаемыхъ съ нихъ улововъ, образъ же производства остается на всѣхъ одинаковымъ; поэтому я прежде опишу его, а потомъ уже перейду къ тому, что̀ имѣю сказать особеннаго о каждомъ изъ нихъ въ отдѣльности.

Единственное орудіе, употребляемое на этомъ рыболовствѣ, есть *багоръ,* сдѣланный слѣдующимъ образомъ: большой желѣзный пологосогнутый крюкъ, вершка въ два съ половиною въ отгибѣ, съ одного конца заостренный, съ другаго же продолжающійся въ прямой довольно плоскій стержень четверти въ полторы длиною, привязывается этимъ стержнемъ къ вязовой палкѣ въ аршинъ длиною и въ среднiй палецъ толщиною, называемой навязью, крѣпкою бичевою, которая туго обматываетъ навязь и приложенный къ ней стержень крюка во всю длину его. Свободный конецъ навязи продольно срѣзывается подъ весьма острымъ угломъ и накладывается срѣзомъ къ такому же срѣзу шеста, имѣющаго около вершка въ діаметрѣ, и оба связываются, для крѣпости, въ трехъ мѣстахъ, внизу по срединѣ и вверху срѣза, нѣсколько разъ обматываемою около нихъ бичевою. По мѣрѣ надобности, къ этому шесту надвязывается еще шестъ, и такъ далѣе, такъ что иногда весь багоръ бываетъ въ 10 и въ 12 маховыхъ саженъ длиною (отъ 7 до 9 печатныхъ). Ежели нѣтъ нужды въ

такомъ длинномъ багрѣ, то верхнія подвязки отвязываются. При употребленіи багра привязываютъ къ нему немного повыше навязки нѣсколько желѣзныхъ гирь, иногда до пуда и болѣе вѣсомъ, смотря по длинѣ багра и по быстротѣ воды. Это дѣлается для того, чтобы опускаемый въ воду конецъ не относило теченіемъ и чтобы багоръ постоянно находился въ вертикальномъ положеніи. Къ мѣсту, гдѣ крюкъ привязанъ къ навязи, сверхъ бичевъ, прикрѣпляютъ длинную пластинку кожи, чтобы бичева не терлась, когда везутъ багоръ, зацѣпивъ крюкомъ за хомутъ лошади, запряженной въ сани, такъ что другой конецъ багра тащится по снѣгу. Употребляемый еще при багреньи подбагорникъ—ничто иное какъ совершенно такой же багоръ, только короткій въ сажень или въ полторы.

Въ багреніи участвуютъ всѣ желающіе изъ казаковъ, служащихъ, отставныхъ и малолѣтковъ, но не иначе, какъ лично и по билетамъ, называемымъ *печатками*, за которые служащіе казаки ничего не платятъ, отставные же и малолѣтки по 3 руб. серебромъ. Собираемыя такимъ образомъ деньги идутъ частію въ вознагражденіе чиновникамъ, не могущимъ, по ихъ служебнымъ занятіямъ, участвовать въ багреніи, именно: 4,285 р. 71$^{3}/_{7}$ к. сер. (15,000 р. асс.) въ годъ, частію же присоединяются къ войсковой суммѣ. По значительности числа участвующихъ въ багреніи, денегъ этихъ собирается довольно много; такъ напримѣръ въ 1839 году собрано было 7,355 р. 71$^{3}/_{7}$ к. с. (25,745 р. асс.), считая по тогдашнему казенному курсу; въ 1840 — 6,210 р. 2$^{6}/_{7}$ к.; въ 1841—6,704 р. 28$^{5}/_{7}$ к.; въ 1848—6,585 р. с.; въ 1849—3,980; въ 1850—5,923; въ 1855—3,422 р. 17$^{1}/_{4}$ к. Въ прежнія времена собирались со всѣхъ казаковъ такъ называемыя домосѣдныя деньги въ пользу священниковъ съ причтомъ, писарей (то есть, вообще всѣхъ служащихъ по письменной части при войсковомъ управленіи), войсковаго толмача, канонеровъ и кузнецовъ, въ замѣнъ того, что имъ не дозволялось участвовать *„въ первомъ и наилучшемъ промыслѣ багренья“*, хотя въ другихъ рыболовствахъ могли принимать участіе, если только обязанности по службѣ имъ это дозволяли. Такого сбора сходило съ казаковъ: въ 1754 году 1,312 р.; въ 1756—404 р. 50 к.; въ 1757—2,070 р.; въ 1758—1,890; въ 1759—1,984 р. 50 к.; въ 1760—4,593 р. Эти значительныя, по тому времени, суммы могутъ намъ показать, какъ важно было въ то время багреніе и что по всей справедливости называлось оно первымъ и наилучшимъ промысломъ, ибо когда казаки жаловались на тягость этихъ сборовъ, то Военная Коллегія отвѣчала имъ въ 1762 году, между прочимъ, „что участіе въ багреніи доставило бы этимъ лицамъ болѣе пользы, чѣмъ получаемая ими домосѣдная сумма“. Сверхъ того былъ въ то время обычай, весьма старинный у казаковъ, что чиновники и должностныя лица могли имѣть такъ называемыхъ *баграчеевъ*, то есть работниковъ, которые должны были на нихъ багрить. Таковыхъ полагалось: атаману (который въ тѣ времена всегда былъ изъ войсковаго сословія и слѣдовательно могъ участвовать въ рыболовствѣ) 4; войсковому старшинѣ 3; старшинѣ и войсковому дьяку по 2; а прочимъ старшинамъ, войсковымъ есауламъ, толмачу, повѣреннымъ и писарямъ по 1; протопопу по 2; попамъ и дьякамъ по 1; вдовамъ убитыхъ или умершихъ на службѣ противъ мужей въ половину. Эти баграчеи, дававшіеся изъ казаковъ, на дѣйствительной внутренней службѣ находившихся, ловить въ свою пользу не могли. На нихъ выдавались записки за войсковою печатью. Вмѣсто сбора домосѣдныхъ денегъ и назначенія баграчеевъ, введены были въ послѣдствіи для желающихъ участвовать въ багреньи печатки, за которыя съ каждаго не несущаго службу казака положено брать по 3 р. сер.

Работниковъ, въ теперешнее время, имѣть на багреньи никто не можетъ; только для прорубки

прорубей дозволяется чиновникамъ имѣть по одному иногороднему рабочему, такъ какъ работа эта довольно затруднительна. Слѣдить за соблюденіемъ этого правила предоставляется самимъ казакамъ и не только самихъ иногороднихъ, пойманныхъ въ багреніи, судятъ какъ воровъ, но и у всей артели, которая приняла въ свою среду иногородняго, отнимаютъ находящіяся у ея членовъ сани, упряжь, лошадей, багры, запасное продовольствіе и наловленную уже рыбу и отдаютъ въ пользу поимщиковъ.

Это рыболовство также производится по рубежамъ, на каждомъ изъ которыхъ казаки багрятъ въ теченіи одного дня; дневокъ нѣтъ, кромѣ случающихся во время его воскресеній и двунадесятыхъ праздниковъ. Рубежи эти слѣдующіе:

НАЗВАНІЕ РУБЕЖЕЙ.	Разстояніе отъ Уральска.	Разстояніе отъ предъидущаго рубежа.	РАЗСТОЯНІЕ ОТЪ БЛИЖАЙШАГО ФОРПОСТА.
1. Суслины хутора.	14 вер.	14 вер.	Близъ Круглозернаго форпоста.
2. Бывшіе Студенскіе хутора	48	34	8 вер. выше Кошъ-Уральскаго форпоста.
3. Прорвинскіе хутора.	68	20	12 „ ниже Кошъ-Уральскаго и столько же выше Бударинскаго форпоста.
4. Верхній Корсаковъ яръ.	85	17	5 вер. ниже Бударинскаго форпоста.
5. Коловертный ерикъ.	95	10	6 „ выше Кожехаровскаго форпоста.
Конецъ малаго багренія.			
6. Кожехаровскій форпостъ	101	6	
7. Лбищенскій форпостъ.	116	15	
8. Набатовъ яръ верхней изголови	$130^{1}/_{2}$	$14^{1}/_{2}$	1 „ выше Горячинскаго форпоста.
9. Мергеневскій форпостъ.	$147^{1}/_{2}$	17	
10. Платовъ яръ верхней изголови.	$156^{1}/_{2}$	9	9 „ ниже Мергеневскаго и столько же выше Каршинскаго форпоста.
11. Кошевское устье	$165^{1}/_{2}$	9	У самаго Каршинскаго форпоста.
12. Вертячья яма	$175^{1}/_{2}$	10	4 вер. выше Сахаровской крѣпости.
13. Каленовскій форпостъ	$191^{1}/_{2}$	16	

Рубежи эти иногда мѣняются. Такъ въ 1847 году первымъ рубежемъ назначено было Барбашевское устье, замѣненное въ послѣдствіи Суслиными хуторами.

Передъ началомъ багренья, въ концѣ рубежа, ставятъ поперегъ всего Урала такъ называемые переставы, то есть аханы (родъ ставныхъ сѣтей), чтобы рыба, ускользнувшая отъ багровъ, туда попадалась. Такая, въ переставы попавшаяся, рыба идетъ въ вознагражденіе за труды начальнику багреннаго рыболовства, который, какъ и на прочихъ рѣчныхъ рыболовствахъ, въ немъ участвовать не можетъ. Въ эти переставы, впрочемъ, попадается не много.

Для багренія казаки, какъ и на большей части другихъ рыболовствъ, соединяются въ артели отъ 6 до 15 человѣкъ, какъ для взаимной помощи при ловѣ рыбы, такъ и для уравненія шансовъ улова, ибо каждая артель раздѣляетъ свою добычу между членами по паямъ.

На этотъ ловъ казаки въѣзжаютъ на саняхъ, запасая съ собою продовольствіе, какъ для себя, такъ и для лошадей. Самый ловъ производится слѣдующимъ образомъ: въ назначенный день, не ранѣе 10 часовъ утра, чтобы всѣмъ казакамъ, многіе изъ которыхъ, по холодному времени года, ночуютъ на ближайшемъ къ рубежу форпостѣ, или по окрестнымъ хуторамъ, дать время собраться,

пріѣзжаютъ всѣ на саняхъ, къ упряжи которыхъ прицѣплены багры, и становятся въ порядкѣ противъ ближайшей къ рубежу ятови, на пескѣ или, гдѣ такого нѣтъ, у самаго яра, при чемъ всѣ должны наблюдать глубокую тишину, чтобы не испугать преждевременно рыбы. По поданному выстрѣломъ изъ пушки сигналу, всѣ бросаются на ледъ, чтобы какъ можно скорѣе занять свои мѣста, начинаютъ рубить проруби, обыкновенно круглые и не больше полуаршина въ діаметрѣ, и въ нѣсколько минутъ изрѣшетятъ все пространство ятови. Каждый опускаетъ въ свою прорубь багоръ почти до самаго дна, слегка двигая сверху внизъ. Рыба, которая, если еще лежитъ совершенно неподвижно или уже разбуженная шумомъ, начинаетъ медленно двигаться и расходиться, попадаетъ на багры, которыми не колютъ, а подцѣпляютъ рыбу. Почувствовавъ тяжесть на багрѣ его потихоньку вытягиваютъ, что̀ очень легко, пока рыба еще въ водѣ, тѣмъ болѣе, что она зимою очень смирна. Когда же ее вытягиваютъ на ледъ, то, если рыба велика, поймавшій ее зоветъ къ себѣ на помощь, а кто нибудь изъ той же артели подбѣгаетъ и, зацѣпивъ ее подбагорникомъ, помогаетъ вытащить. Очевидно, что этотъ способъ лова возможенъ единственнно потому, что рыба лежитъ на ятови, скопившись въ кучу, такъ что ей почти нельзя не попасть на тотъ или на другой багоръ, которыхъ въ иной годъ до 7,000 слишкомъ на пространствѣ версты въ длину (ятови рѣдко бываютъ длиннѣе этого) и нѣсколькихъ десятковъ саженъ въ ширину. Однако иная счастливая рыба срывается съ багра и потомъ уже не попадается ни на багры, ни въ стоящіе въ концѣ рубежа переставы, ибо во время вольныхъ зимнихъ рыболовствъ и даже весною случается ловить рыбъ съ зажившими язвинками. Казаки полагаютъ, что, сорвавшись съ багра, она успѣваетъ прижаться къ берегу и въ испугѣ стоитъ неподвижно до тѣхъ поръ, пока казаки не разбагрятъ всей ятови. Случается, во время багренья, что гдѣ нибудь рыба сильно ловится, тогда со всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ловъ идетъ худо, казаки туда бросаются, оставляя свои прежнія проруби. Многіе изъ стоящихъ на берегу зрителями, обыкновенно офицеры, неимѣющіе работниковъ, которые могли прорубить для нихъ проруби, занимаютъ оставленныя и часто бываетъ на нихъ весьма изобильный ловъ. Число багрящихъ бываетъ такъ велико, что, не смотря на крѣпость льда, онъ обдавливается, а сквозь проруби выступаетъ вода и стоитъ на нѣсколько вершковъ выше его поверхности; скоро вода эта окрашивается кровью багреныхъ рыбъ.

Когда разбагрятъ одну ятовь, отправляются на слѣдующую, и такъ до конца рубежа, куда достигаютъ обыкновенно уже къ вечеру. Переходить рубежъ до назначеннаго времени, то есть до 10 часовъ утра, равно какъ употреблять какія либо орудія лова, кромѣ багровъ, строго запрещается, почему и не позволяется ставить кошаръ (небольшихъ кибитокъ) для ночлега среди Урала, а всѣ должны выходить на берегъ. Тамъ только, гдѣ нѣтъ подъемовъ на яръ, разрѣшается ставить кошары на льду, вдоль самаго яра. Желающіе могутъ однако выходить на средину Урала, но только съ однимъ багромъ для багренія ночью по старому рубежу.

Въ прежнія времена, еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, изобиліе рыбы на ятовяхъ было изумительно. Она лежала на нихъ нѣсколькими слоями, такъ что изъ одной проруби случалось вытаскивать до 40 рыбъ, постепенно увеличивая глубину, на которую опускали багоръ, вылавливая такимъ образомъ слой за слоемъ. Теперь же часто случается, что изъ нѣсколькихъ прорубей ни одной рыбы не вытащатъ. Со всѣмъ тѣмъ и теперь багренье любимый промыселъ Уральцевъ, какъ по воспоминаніямъ прежняго, такъ и по доступности его даже для самыхъ бѣд-

ныхъ, ибо онъ не требуетъ ничего, кромѣ багра, саней и нѣсколько дневнаго запаса для корма лошади; главнѣйше же—по тому, что тутъ болѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ рыболовствѣ, играютъ роль счастье и случай. Это своего рода лотерея, въ которой счастливому удается иногда въ четверть часа получить до сотни рублей.

По окончаніи багренья, какъ малаго, такъ и большаго, дозволяется на обратномъ пути багрить по разбагреннымъ уже мѣстамъ, для чего также заблаговременно опредѣляются, по взаимному соглашенію промышленниковъ, какъ рубежи, такъ и время начала и окончанія этого лова, и назначается для наблюденія за порядкомъ особливый начальникъ.

Багренье, по цѣнѣ ловимой во время его рыбы и икры, самое выгодное изъ рыболовствъ. Поэтому рождается вопросъ: почему же не замѣняетъ оно собою совершенно осенней плавни, или, по крайней мѣрѣ, почему граница между этими обоими рыболовствами не проведена гдѣ нибудь ниже Каленовскаго форпоста? чему нѣтъ рѣшительно никакихъ физическихъ препятствій, которыя бы происходили отъ измѣненій въ характерѣ рѣки или въ образѣ лежанія рыбы на ятовяхъ. Кромѣ того, что длинный перерывъ рыболовства въ лѣтнее время, продолжающійся отъ $3^1/_2$ до 4 мѣсяцевъ, заставляетъ казаковъ съ нетерпѣніемъ ожидать времени, когда имъ можно будетъ коё что себѣ заработать на рыбѣ, и кромѣ трудности поднимать съ собою на долгое время овса для лошадей, на это должны быть, по моему мнѣнію, еще какія нибудь случайныя, историческія причины. Слѣдующее предположеніе кажется мнѣ весьма вѣроятнымъ. Когда казаки жили лишь въ окрестностяхъ Уральска, то они не могли зимою далеко спускаться внизъ по Уралу, берега котораго были тогда совершенно пустынными; уже одинъ провозъ набагренной рыбы съ нижнихъ частей рѣки былъ бы затруднителенъ. Вѣроятно мѣстность, на которой теперь стоитъ Каленовскій форпостъ, служила границей, докуда заходили Уральцы во время своихъ лововъ. Когда же они разселились внизъ по Уралу, построивъ первоначально Калмыковскую и Кулагинскую крѣпости, то они стали, конечно, распространять свой ловъ на весь Уралъ, что̀ удобнѣе было имъ производить на лодкахъ, чѣмъ сухимъ путемъ зимою, при трудности доставать въ это время года кормъ для лошадей при тогдашней ненаселенности всего Заволжскаго края. Такимъ образомъ, мѣстность Каленовскаго форпоста сдѣлалась гранью между древнѣйшимъ Уральскимъ рыболовствомъ—багреніемъ и новѣйшимъ распространеніемъ его—осеннею плавнею.

Теперъ перейдемъ къ нѣкоторымъ особенностямъ, представляемымъ видами, на которые подраздѣляется багренье.

Между малымъ и большимъ багреньемъ не только нѣтъ, какъ уже сказано выше, никакого существеннаго различія, но даже и постоянныхъ, разъ навсегда опредѣленныхъ границъ. Такъ въ 1816 году производилось малое багренье, въ этотъ годъ поздно начавшееся, только въ три рубежа до Кошъ-Уральскаго форпоста, 28-го, 29-го и 30-го декабря. Напротивъ того въ 1851 году предположено было назначить малое багренье въ 6 рубежей до Кожехаровскаго форпоста, но, по просьбамъ казаковъ, утверждено лишь въ 5 рубежей до Коловертнаго ерика, какъ это обыкновенно бываетъ. Въ этомъ же году имѣли намѣреніе соединить оба багренья въ одно и, также только по настоятельной просьбѣ казаковъ, разрѣшено было имъ производить этотъ ловъ по прежнему въ два пріема, въ уваженіе того, что трудно приготовить и поднять разомъ нужное количество хлѣба и овса на все время багренья, тогда какъ, продавъ заловы малаго багренья, казаки могутъ купить

нужные имъ запасы для большаго, тѣмъ болѣе, что ожидаемые подвозы хлѣба и овса должны понизить на нихъ цѣны. Это бо́льшее удобство къ сбору въ два·пріема и составляетъ единственную причину раздѣленія багренія на малое и большое.

Что касается до багренья презентнаго, то это старинный обычай Уральскаго войска, ведущій свое начало съ первыхъ временъ заселенія казаками Урала, какъ бы въ знакъ ихъ подданства Московскому Царю. Оно производится на одной изъ ближайшихъ къ Уральску ятовей, а если въ одной они не наловятъ достаточнаго количества, то назначается другая. Такъ напримѣръ въ 1847 и 1848 годахъ, по причинѣ оскудѣнія рыбы на ятови у урочища Упоръ, гдѣ уже нѣсколько постоянно производилось презентное багреніе, присоединена была къ ней ятовь у урочища Нижнеперевознаго. Чтобы занимать подъ него менѣе ятовей ниже Уральска, думали, что, съ запрещеніемъ лова на нѣкоторое разстояніе выше учуга, можетъ образоваться и тамъ ятовь, которую можно будетъ разбагривать для презента. Въ этой надеждѣ Войсковая Канцелярія въ 1851 году запретила ловъ отъ Бородина ввоза (между которымъ и учугомъ ловъ всегда производится не иначе, какъ каждый разъ съ разрѣшенія атамана) до Волжскихъ хуторовъ, узнавъ, что на этомъ пространствѣ ловъ красной рыбы довольно значителенъ. Въ 1849 году былъ подобнымъ же образомъ запрещенъ ловъ между Бородинымъ ввозомъ и Лысогорскимъ пикетомъ. Но эти мѣры не произвели желаемаго результата и презентное багренье по прежнему продолжаетъ производиться ниже учуга.

Прежде, какъ напримѣръ еще въ 1816 году, презентное багренье производилось наймомъ казаковъ между собою, такъ что 10 казаковъ нанимали одного; теперь же занимаются имъ казаки изъ Уральска и изъ ближайшихъ форпостовъ, получая за каждаго пойманнаго ими яловаго осетра по 1 р. с., а за икрянаго по 2 р. с.

Изъ пойманной рыбы отправляются ко Двору только лучшіе яловые осетры и зернистая икра; икряные же осетры, бѣлуги и севрюги, по выпоротіи изъ нихъ икры, продаются на покрытіе издержекъ багренья и на покупку недостающаго количества яловыхъ осетровъ во время малаго и большаго багренья, ибо не весь презентъ отсылается разомъ, а въ три срока. Прежде старались посылать самыхъ большихъ осетровъ пудовъ отъ 5 и болѣе, такъ какъ они были въ модѣ и на мѣстѣ стоили до 300 и даже до 500 р. асс. штука. Такихъ осетровъ, конечно, трудно было наловить въ достаточномъ количествѣ въ одно презентное багренье и потому расходы на покупку ихъ были весьма значительны. Обыкновенно поручали эту покупку кому либо изъ извѣстнѣйшихъ рыболововъ, употребляя на это нерѣдко до 18,000 р. асс. Теперь мода на этихъ чудовищъ прошла, ибо осетры въ 2 и 3 пуда гораздо вкуснѣе. Ежели за всѣми расходами будетъ еще остатокъ, то онъ присовокупляется къ войсковой суммѣ. Такъ какъ презентный ловъ довольно значителенъ, доходя среднимъ числомъ до 1,500 штукъ осетровъ въ годъ, а въ иные же годы превышая 3,000 рыбъ, то сумма, выручаемая за продажу не отсылаемой рыбы, довольно значительна. Такимъ образомъ въ 1841 году было продано ея на 4,463 р. 54$^{3}/_{7}$ к. с., въ 1850 на 9,806 р. 77$^{1}/_{4}$ к. с., въ 1855 на 3,458 р. 37$^{1}/_{4}$ к. с. (*). Продажа эта бываетъ всегда нѣсколько времени спустя послѣ отправки презента, чтобы проданная рыба не могла поспѣть въ Петербургъ одновременно съ нимъ. Презентные расходы составляли въ послѣднее время по 3,579 р. с. въ годъ. Кромѣ покупки рыбы, они

(*) Въ 1858 году я слышалъ, что остатковъ этихъ продано было на 26,000 р. с.

главнѣйше состоятъ изъ платы багрящимъ казакамъ и изъ прогонныхъ денегъ, такъ какъ презентъ везется на нѣсколько почтовыхъ тройкахъ. Въ 1839 году этихъ прогоновъ вышло 849 р. 35$^{3}/_{7}$ к. с. и около того же въ другіе годы.

Въ прежнія времена презентъ, отсылаемый къ Высочайшему Двору, давалъ поводъ къ значительнымъ злоупотребленіямъ, такъ что не только рыба и икра посылались разнымъ лицамъ, въ покровительствѣ которыхъ атаманъ и вообще все войско могли имѣть нужду, но отправлялись въ подарокъ лошади, тулупы и даже Калмычата, какъ умоминается объ этомъ въ указѣ Военной Коллегіи 1762 года, которымъ все это строго запрещалось и повелѣвалось отправлять лишь рыбу и икру исключительно ко Двору. Достовѣрно, что теперь ни лошадей, ни тулуповъ, ни Калмычатъ въ подарки разнымъ лицамъ не отправляютъ; отправляется ли рыба и икра исключительно къ Высочайшему Двору съ такою же увѣренностью утверждать не могу.

7. *Аханное рыболовство.* Оно начинается съ того времени, какъ ледъ на морѣ достаточно окрѣпнетъ, для того, чтобы можно было по немъ безопасно ѣздить, почему и предоставляется назначать время отправленія въ море начальнику Гурьева городка. Начало это въ разные годы измѣняется отъ половины декабря до половины января. Самое раннее начало, сколько мнѣ извѣстно, было въ 1853 году 19-го декабря, самое же позднее въ 1855 году 17-го января. Срокомъ окончанія положено разъ на всегда 1-е марта, при чемъ однако внушается казакамъ, чтобы, въ случаѣ раннихъ оттепелей, они, во избѣжаніе опасности, возвращались ранѣе, что однако едва ли когда исполняется.

На этомъ рыболовствѣ употребляются слѣдующія орудія лова, которыя всѣ подводятся подъ разрядъ ставныхъ сѣтей.

1. *Аханъ.* Это особливаго рода ставная сѣть, одинаковой длины съ Курхайскою, т. е. отъ 10 до 11 саженъ, не имѣющая ни балберъ, ни грузилъ. Шириной она отъ 8 до 20 ячей, смотря по глубинѣ, для которой предназначается, и безъ огнива. Такъ какъ аханами ловятся бѣлуги и при томъ большія, то ячеи ихъ имѣютъ отъ 4 до 6 вершковъ въ лопаткѣ, такъ что даже трехъ-пудовыя бѣлуги могли бы проскочить сквозь нихъ, ежели бы сѣть была натянута; но такъ какъ она всегда на слаби, то и гораздо меньшія рыбы въ ней запутываются.

2. *Полуаханъ.* Тотъ же аханъ, только съ болѣе частыми, въ 3$^{1}/_{4}$ вершка въ лопаткѣ, ячеями которыхъ въ ширинѣ сѣти отъ 18 до 22; имъ ловится осетръ и крупная севрюга.

3. *Бѣлорыбичная сѣть.* Она одинаковаго устройства съ обѣими предыдущими, но длиною не болѣе, какъ въ 6 саженъ, а шириною отъ 10 до 13 ячей, имѣющихъ по 2$^{1}/_{2}$ вершка въ лопаткѣ. Ими ловятъ бѣлорыбицу и мелкую севрюгу.

Установка этихъ сѣтей, какъ дѣлаемая подо льдомъ, требуетъ особливыхъ пріемовъ. Сначала всѣ аханы, которые должны составить одинъ порядокъ, разстилаются по льду въ линію вплоть одинъ къ другому. Между каждою парою ахановъ, а также въ началѣ и въ концѣ всего ряда, кладутъ по камню фунта въ 4 или въ 5 вѣсомъ и по палкѣ, длиною около маховой сажени, называемой *наслушкою.* За тѣмъ прорубаютъ проруби круглыя, около полуаршина въ діаметрѣ, вдоль линіи разосланныхъ ахановъ, начиная первую прорубь противъ промежутка между первымъ и вторымъ ахомомъ, разстояніемъ прорубь отъ проруби на половину длины ахана. Послѣдняя прорубь придется въ 10 саженяхъ впереди послѣдняго ахана. Когда нѣсколько прорубей уже готово, пока еще про-

рубаютъ остальныя, начинаютъ просовывать изъ первой проруби длинный шестъ (связанный изъ двухъ шестовъ), называемый *прогономъ*. Передній конецъ его свободенъ, къ заднему же привязана такъ называемая *прогонная веревка*, длиною саженъ въ 20 или въ 30. Просунувъ руками задній конецъ его подъ ледъ, чтобы подо льдомъ двигать его дальше, употребляютъ такъ называемое *сашило*. Это простыя вилы о двухъ рагулькахъ, съ рукояткою въ печатную сажень длиною. Къ наружной сторонѣ одной изъ рагулекъ придѣланъ крючекъ изъ желѣзной полоски въ мизинецъ шириною, обращенный вогнутостью къ верху. Въ мѣстѣ соединенія, обѣ рагульки скрѣплены между собою двумя желѣзными скобками. Обхвативъ рагульками прогонъ и нѣсколько налегая на него, толкаютъ его все далѣе и далѣе, переходя съ сашиломъ отъ проруби къ проруби; при этомъ надо, чтобы прогонъ лежалъ какъ разъ по линіи прорубей; для этого вѣшаютъ черезъ прорубь по такъ называемому костылю (это двѣ палки, соединенныя между собою, въ видѣ прописной буквы Т), такъ чтобы перекладина упиралась на края проруби, а соединенная съ нею палка опускалась концемъ въ воду. Задній конецъ прогона находится между рагульками сашила, которое держатъ въ одной рукѣ, и не можетъ податься ни въ право, ни въ лѣво; чтобы направить куда нужно передній конецъ его, берутъ въ другую руку *прогонный багоръ*, устроенный какъ обыкновенный лодочный багоръ, только съ болѣе длиннымъ остріемъ, для втыканія въ ледъ, и съ большимъ не круто загнутымъ крючкомъ, имѣющемъ до 3-хъ вершковъ въ хордѣ. Этотъ багоръ перекрещиваютъ съ сашиломъ, такъ чтобы мѣсто ихъ соприкосновенія служило для него точкою опоры подхватываютъ снизу прогонъ крючкомъ багра и, вращая багоръ около сашила, поварачиваютъ его въ ту или въ другую сторону, пока онъ не коснется своимъ переднимъ концемъ одного изъ костылей и, зашевеливъ его, покажетъ, что онъ направленъ по линіи прорубей. На заднемъ концѣ прогонной веревки сдѣлана петля; къ этой петлѣ привязанъ веревкою въ сажень или въ двѣ длиною камень; къ этой же петлѣ привязывается верхній, а къ камню нижній пріухи передняго конца перваго ахана. Зацѣпивъ на третьей проруби (лежащей какъ разъ черезъ аханъ отъ первой) крючкомъ сашила прогонную веревку, тянутъ ее до тѣхъ поръ, пока не вытащатъ петли и камня, къ которымъ привязаны передніе пріухи перваго ахана. Тогда весь этотъ аханъ будетъ уже подо льдомъ. Вытащенные пріухи его отвязываютъ отъ петли и отъ камня, и верхній привязываютъ къ *наслушкѣ*, а нижній къ свободному камню, уже загоди тутъ приготовленному, о чемъ было упомянуто выше, и оставляютъ ихъ пока на краю проруби, чтобы не помѣшать проводу подъ ледъ втораго ахана. Къ заднимъ пріухамъ перваго ахана также навязываютъ лежащіе у первой проруби наслушку и камень; камень опускаютъ въ прорубь, а наслушку кладутъ поперегъ проруби, чтобы она поддерживала аханъ въ висячемъ положеніи. Такимъ же образомъ пропускаютъ подъ ледъ и второй аханъ, привязавъ передніе его пріухи къ петлѣ и къ камню прогонной веревки, отъ которыхъ уже отвязаны пріухи перваго ахана. Когда протащатъ передніе пріухи втораго ахана въ пятую прорубь, то задніе пріухи его привязываютъ къ той же наслушкѣ и къ тому же камню, къ которымъ привязаны передніе пріухи перваго ахана, и тогда и этотъ камень опускаютъ въ прорубь (третью), а наслушку кладутъ поперегъ ея. Такъ продолжается прогонъ отъ проруби къ проруби, пока не пропустятъ подъ ледъ всѣхъ ахановъ, которые такимъ образомъ составляютъ рядъ не ставныхъ, а висячихъ сѣтей. Черезъ промежуточныя проруби—четныя, приходящіяся по серединѣ длины каждаго ахана, также кладутся наслушки, къ которымъ привязанъ аханъ особливою веревкою, прикрѣпленною

къ верхней подборѣ его. За эти-то наслушки каждый день пробуютъ, не попалась ли рыба въ аханы, о чемъ судятъ по ихъ тяжести. Ежели въ какомъ аханѣ попалась рыба, тотъ аханъ вытаскиваютъ въ промежуточную прорубь, отвязавъ его верхніе пріухи отъ наслушекъ, и, вынувъ рыбу, снова опускаютъ подъ ледъ выше объясненнымъ способомъ.

Въ Аханномъ рыболовствѣ могутъ участвовать всѣ казаки лично или поручая свое право другимъ, или черезъ своихъ рабочихъ, имѣть которыхъ изъ иногороднихъ на этомъ рыболовствѣ дозволено: полковнику 4, штабъ-офицеру 3, оберъ-офицеру 2, уряднику и простому казаку 1. Малолѣткамъ работниковъ не полагается. На это рыболовство, какъ и на Курхайское, назначаютъ двухъ начальниковъ, подъ наблюденіемъ которыхъ проводятся двѣ баконныхъ линіи, на гораздо ближайшемъ разстояніи одна отъ другой, чѣмъ во время Курхая. Съ правой стороны Урала бьется она отъ Маячнаго бугра, а съ лѣвой отъ Воровскаго прорана (что̀ при большой Мокрой Лопатинѣ) прямо на югъ до безопасной глубины, т. е. до 4-хъ саженъ.

Для аханнаго лова казаки, преимущественно съ цѣлью взаимнаго вспоможенія при ловѣ, также соединяются въ артели, которыя ограничены 10 промышленниками. Между артелями, также какъ и на Курхаѣ, мечутся жеребьи на участки вдоль баконныхъ линій, въ которыхъ каждый казакъ, безъ различія чина, имѣетъ право на выставку 5 аханов въ лицевой сторонѣ; число же параллельныхъ имъ рядовъ здѣсь не ограничено. Мѣста по бакенамъ далеко не имѣютъ здѣсь того значенія, какъ на Курхаяхъ, ибо въ это время,—зимою, рыба не идетъ въ рѣку, а ходитъ по всему пространству моря, держась преимущественно на глубинѣ. За глубиною 4-хъ саженъ въ продолженіи баконныхъ линій и въ пространствѣ сзади ихъ, въ такъ называемыхъ вольныхъ водахъ, выставка аханов не ограничена ни количествомъ сѣтей, ни направленіемъ порядковъ, такъ что каждая артель можетъ выставлять столько, сколько считаетъ себя въ состояніи по числу своихъ членовъ и работниковъ. Въ эти то вольныя воды и преимущественно на глубину 5, 6 и болѣе саженъ, въ правую сторону, гдѣ и число промышленниковъ и уловъ рыбы значительнѣе, чѣмъ въ лѣвой, стараются забраться казаки, не взирая на грозящія имъ тамъ опасности. Опасности эти увеличиваются съ приближеніемъ весны и состоятъ главнѣйше въ томъ, что огромныя льдины откалываются отъ сплошной поверхности льда и носятъ съ собою аханщиковъ иногда по нѣскольку недѣль, такъ что у нихъ выходитъ весь провіантъ для себя и для лошадей, которыхъ они принуждены бываютъ рѣзать, чтобы, по крайней мѣрѣ, прокормить ихъ мясомъ Киргизъ, ибо сами, считая его нечистымъ и запрещеннымъ, рѣшаются имъ питаться лишь въ послѣдней крайности. Замѣчая, что льдина, носящая ихъ, подтаивая все болѣе и болѣе, грозитъ распасться, они надуваютъ лошадиныя шкуры, снятыя черезъ шею, по отрѣзаніи головы, и дѣлаютъ изъ нихъ бурдюки, къ которымъ прикрѣпляютъ свои сани, изъ оглобель дѣлаютъ весла и на этихъ особливаго рода судахъ предоставляютъ судьбу свою морю. Такому средству спасать себя научили казаковъ ихъ работники изъ Киргизъ, у которыхъ бурдюки составляютъ обыкновенный способъ переправы черезъ рѣки. Такимъ образомъ бѣдствующихъ аханщиковъ прибиваетъ обыкновенно къ какому нибудь берегу, или ихъ принимаютъ встрѣчающіеся Астраханцы, идущіе на Эмбенскій ловъ. Кромѣ личной опасности, которымъ подвергаются казаки черезъ эти относы, они теряютъ черезъ нихъ много аханов. Такъ напримѣръ во время зимы съ 1855 на 1856 годъ они потеряли до 10,000 аханов, понеся убытку отъ 5,000 до 6,000 р. с. Замѣчательно однако, что съ самаго начала аханнаго лова, въ теченіи 40 лѣтъ, былъ только одинъ смертный случай

вслѣдствіе этихъ относовъ. Среди зимы относы оканчиваются обыкновенно лишь тѣмъ, что льдину, оторванную отъ одного мѣста, приноситъ къ другому, такъ что она снова соединяется съ сплошнымъ льдомъ, и о такомъ относѣ казаки не рѣдко узнаютъ только по перемѣнѣ своего положенія относительно солнца и звѣздъ. Ежели ихъ занесетъ въ междубаконное пространство, то они обязаны выдрать свои аханы и при первой возможности удалиться изъ заповѣдной части моря. И безъ этихъ опасностей жизнь аханщиковъ исполнена трудовъ и лишеній, ибо въ теченіи двухъ мѣсяцевъ живутъ они артелями въ нѣсколькихъ десяткахъ верстахъ отъ берега на льду въ кибиткахъ, имѣя съ собою лошадей съ нужнымъ для себя и для нихъ запасомъ продовольствія. Только отъ времени до времени ѣздятъ нѣкоторые изъ нихъ въ Гурьевъ для продажи или склада рыбы и для возобновленія своихъ запасовъ. За все это вознаграждаютъ ихъ большія бѣлуги, составляющія главную добычу аханнаго лова (*).

И на Аханномъ ловѣ богатые казаки имѣютъ возможность составлять большія артели, нанимая бѣдныхъ въ работники или скупая у нихъ довѣренности. Но здѣсь это рѣшительно не имѣетъ тѣхъ послѣдствій неблагопріятныхъ для прочихъ, какъ на Курхаѣ; ибо, во первыхъ, жеребьевыя мѣста тутъ не имѣютъ никакого значенія и, слѣдовательно, они не могутъ занимать лучшихъ мѣстъ, которыя даются здѣсь отважностью и готовностью переносить труды и опасности; во вторыхъ, составленіе самихъ артелей наймомъ бѣдныхъ казаковъ затруднительно, такъ какъ всякій, имѣющій лошадь, сани и нѣсколько десятковъ недорогихъ ахановъ, можетъ отправляться на ловъ самъ для себя. Овесъ для лошадей большаго расчета составить также не можетъ, ибо онъ въ Гурьевѣ обыкновенно не дорогъ, ибо доставляется моремъ изъ Астрахани, и нѣтъ надобности запасать его на все время разомъ, а можно возобновлять запасъ въ нѣсколько сроковъ, продавъ для этого часть улова. Наконецъ и довѣренностей скупать почти не у кого, ибо всѣ участвуютъ въ это время или въ багреньи, или въ зимнемъ неводномъ ловѣ, или въ зимнемъ Черхальскомъ, а послѣ въ свободныхъ ловахъ по Уралу, и, слѣдовательно, не могутъ уже по довѣренности участвовать въ аханномъ промыслѣ, который составляетъ почти исключительную принадлежность Гурьевцевъ, какъ свыкшихся съ моремъ и его опасностями.

Въ выставленные аханы попадаются иногда тюлени; въ такомъ случаѣ дозволяется, конечно, ихъ брать, равно какъ и убивать, если они встрѣтятся на льду, но строго запрещено употреблять какія либо особливыя средства, придуманныя собственно для лова тюленя, а равно и бить тюленя молодаго. Само собою разумѣется, что при продажѣ тюленя внѣ Астрахани продавецъ долженъ внести положенную пошлину 30 к. с. съ пуда.

Такъ какъ во время аханнаго лова казаки разсѣяны по всему принадлежащему имъ участку моря и легко могли бы подвергнуться внезапнымъ нападеніямъ со стороны Киргизъ, то противъ этого принимаются особливыя мѣры. Кромѣ того, что промышленники должны быть вооружены, выставляется отъ Гурьевской команды къ Эмбенской грани отрядъ изъ 20 человѣкъ казаковъ, отъ

(*) Жизнь аханщиковъ на льду и опасности, которымъ они подвергаются отъ относовъ, какъ это въ особенности было въ 1843 и 1846 годахъ, живо и вѣрно описаны г. Желѣзновымъ, который самъ Гурьевскій уроженецъ, въ статьѣ: „Картины Аханнаго рыболовства", помѣщенной въ 9 № Москвитянина за 1854 годъ (смѣсь, стр. 17). Я слышалъ изъ устъ самихъ бѣдствовавшихъ подтвержденіе всего описаннаго г. Желѣзновымъ.

которыхъ отдѣляются передовые пикеты и дѣлаются разъѣзды. Съ правой же стороны охраненіе промышленниковъ возлагается на офицера, начальствующаго на Пороховинскомъ пограничномъ постѣ. Охраненіе Уральскихъ морскихъ водъ отъ облововъ Астраханцевъ въ зимнее время, когда нѣтъ для этого особливаго смотрителя возлагается на начальниковъ Аханнаго рыболовства. Начальникамъ этимъ особливаго вознагражденія не полагается, потому что баконная линія, какъ уже сказано, никакихъ преимуществъ на этомъ рыболовствѣ не представляетъ, въ прочихъ же мѣстахъ для нихъ, какъ и для прочихъ, число сѣтей, которыя они имѣютъ право выставить, не ограничено.

Въ самомъ началѣ Аханнаго рыболовства было нѣсколько отличій въ способахъ его производства, сравнительно съ настоящимъ временемъ. Правая баконная линія проводилась тогда не отъ маячнаго бугра, а отъ устья Черной рѣчки (одного изъ рукавовъ Урала), такъ что разстояніе между баконными линіями было меньше теперешняго. Порядки ахановъ на баконной линіи выставлялись не въ произвольномъ числѣ рядовъ, какъ теперь, а только въ 4 ряда. Главное же отличіе состояло въ томъ, что тогда дозволялось употребленіе кусовой снасти, т. е. крючковъ, на способъ выставки которой, впрочемъ, не полагалось никакихъ правилъ; ибо въ инструкціи, данной начальнику Аханнаго лова въ 1816 году, сказано, что Войсковой Канцеляріи не извѣстно, какъ ее располагать. Это объясняется тѣмъ, что не только кусовая снасть, въ послѣдствіи запрещенная, но и самые аханы взяты съ примѣра Астраханцевъ, у которыхъ подледный ловъ въ морѣ производился уже съ давнихъ временъ.

8. *Зимнее неводное рыболовство.* Рыболовство это составляетъ какъ бы переходъ отъ главныхъ Уральскихъ ловов къ названнымъ мною побочными, потому что производится по мѣстамъ, уже отчасти выловленнымъ въ осеннія плавню и неводное рыболовство, послѣ которыхъ новаго входа рыбы въ Уралъ уже не было. Но по тому, что оно производится въ самомъ Уралѣ, по большому числу занимающихся имъ казаковъ (въ иные годы до 5,000 казаковъ, до 300 работниковъ и болѣе 400 неводовъ) и по значительности получаемаго съ него улова черной рыбы, его все же правильнѣе отнести къ числу главныхъ Уральскихъ рыболовствъ. Можно сказать, что имъ оканчивается и довершается второй,—осенне-зимній выловъ Урала, начавшійся осеннею плавнею, ибо хотя на пространствѣ, гдѣ оно производится, были уже осенняя плавня и осенній неводной ловъ, но только отчасти, ибо они производились лишь по главному руслу; рукава же, на которые Уралъ раздѣляется ниже Гурьева, оставались невыловленными. По совокупности всѣхъ этихъ причинъ я помѣстилъ его въ концѣ главныхъ рыболовствъ.

Оно начинается съ половины или съ конца декабря, чаще всего съ двадцатыхъ чиселъ этого мѣсяца, не всегда въ одно время въ разныхъ его участкахъ, и продолжается по прежнимъ правиламъ отъ 15 до 18 дней; въ настоящее же время срокъ этотъ увеличивается и до 20 дней, а иногда сокращается до 10 дней. Самое раннее производство его было въ 1850 году: съ 11 декабря по 1 января, самое же позднее въ 1847 году: въ 1-мъ и въ 4-мъ участкѣ съ 29 декабря, въ прочихъ же съ 13 января и производилось въ теченіе 20 дней.

Рыболовство это производится на пространствѣ отъ нижняго устья рѣчки Сорочинки, что въ 2-хъ верстахъ выше Сорочинскаго форпоста и въ 37 в. выше Гурьева, до взморья по всѣмъ рукавамъ Урала, почему и раздѣляется на нѣсколько участковъ, которыхъ въ настоящее время пять, именно: 1) отъ Гурьева сначала по главной трубѣ Урала, а потомъ по Золотинкѣ до самаго впа-

денія ея и называется *на Ширинѣ;* 2) *по Перетаскѣ* (на Алексашкиномъ проранѣ по его узкости лова не производятъ); 3) *по Бухаркѣ;* 4) *по Яицкому устью,* начиная отъ того мѣста, гдѣ отъ общей трубы Урала отдѣляется Золотинка; 5) отъ нижняго устья р. Сорочинки до Гурьева. Въ послѣдніе годы не стало являться охотниковъ на ловъ въ этомъ пятомъ участкѣ, а потому въ 1847 году казаки просили дозволить имъ, по окончаніи лова въ остальныхъ четырехъ участкахъ, вылавливать пятый уже всѣмъ желающимъ съобща, что съ того времени почти каждый годъ и дѣлается, и начальникъ 4 участка, какъ самаго скуднаго, назначается тогда въ этотъ участокъ. Прежде, при большемъ числѣ устьевъ, было участковъ болѣе нынѣшняго, такъ въ 1846 году было ихъ еще 7. Въ десятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія зимнее неводное рыболовство производилось отъ Баксайской крѣпости (въ 81 верстѣ выше Гурьева), начинаясь 44 верстами выше нынѣшняго, отъ того именно мѣста, откуда Уралъ начиналъ дѣлиться на рукава. Тогда производилось оно не иначе, какъ уже по окончаніи багренья, и служило какъ бы продолженіемъ дозволеннаго послѣ багренья неводнаго лова по всему Уралу и разрѣшалось Войсковою Канцеляріею вмѣстѣ съ нимъ, съ тою лишь разницею, что на ловъ ниже Баксайской крѣпости назначался особливый начальникъ, тогда какъ ловъ выше ея относился, какъ и теперь, къ числу свободныхъ рыболовствъ. Иногда, впрочемъ, случается и теперь, что зимній неводной ловъ начинается выше обыкновенной своей границы. Если, по причинѣ раннихъ морозовъ, осенняя плавня не доводится до Нижнеперетаскнаго устья и войско, какъ было сказано выше, переходитъ прямо на Славущую ятовь, и на возвратномъ пути недоплавленныхъ мѣстъ расплавать не можетъ, потому что они уже замерзли, то они оставляются подъ зимнее неводное рыболовство. Такой случай былъ въ 1846 году, когда ловъ этотъ начался отъ Сарайчиковской крѣпости, докуда лишь успѣли дойти въ осеннюю плавню.

На зимнемъ неводномъ рыболовствѣ употребляются такъ называемые *зимніе невода,* отличающіеся отъ осеннихъ единственно вчаливаніемъ на мѣсто частика—*мотни* или *кутца,* длиною сажени въ 4 и сдѣланной изъ сѣти болѣе частой, чѣмъ крылья. Тяга этихъ неводовъ подо льдомъ производится слѣдующимъ образомъ:

Посреди рѣки дѣлаютъ большую прорубь квадратной формы въ сажень слишкомъ въ сторонѣ, называемую *запускомъ.* Отъ нея начинаютъ прорубать маленькія круглыя проруби не болѣе полуаршина въ діаметрѣ, на большемъ или меньшемъ разстояніи одна отъ другой, смотря по длинѣ прогона. Эти проруби идутъ отъ запуска къ тому и къ другому берегу въ нѣсколько косвенномъ направленіи. Дойдя до береговъ, продолжаютъ линіи ихъ вдоль каждаго берега внизъ по рѣкѣ саженъ на сто. Послѣдняя изъ этихъ прорубей того берега, на который намѣреваются вытаскивать неводъ, дѣлается побольше и въ формѣ трапеціи, у которой одна изъ параллельныхъ сторонъ, именно обращенная къ берегу, значительно короче трехъ остальныхъ. Ее называютъ *возьмою* и предназначаютъ для вытягиванія невода. Форму трапеціи даютъ ей для того, чтобы при вытягиваніи оба крыла невода сходились все ближе и ближе одно къ другому. Начиная отъ крайней, изъ идущихъ вдоль противуположнаго берега, проруби, которая лежитъ нѣсколько выше возьмы, прорубаютъ къ этой послѣдней вкось черезъ рѣку еще рядъ маленькихъ прорубей. Расположеніе всѣхъ этихъ прорубей показываетъ на рис. 6 прилагаемаго чертежа.

Въ запускѣ запускаютъ неводъ въ воду. Къ обоимъ клячамъ его привязано по длинной веревкѣ, — такой, чтобы можно было конецъ ея вытащить на берегъ у d и f, прежде чѣмъ

неводъ, опущенный въ запускъ, начнетъ растягиваться. Эти веревки пропускаютъ подо льдомъ по линіямъ прорубей ad и af посредствомъ прогоновъ, къ которымъ они привязаны своими свободными концами, точно такимъ же способомъ какъ и при выставкѣ ахановъ, съ тою лишь разницею, что здѣсь, дабы дать прогону желаемое направленіе, не вѣшаютъ на проруби костылей, а вмѣсто этого, по мѣрѣ подвиганія прогона впередъ, идетъ человѣкъ отъ проруби къ проруби и, опуская въ нихъ палку, даетъ знать, толкается ли объ нее прогонъ при поворачиваніи его вправо или влѣво посредствомъ сашила и прогоннаго багра. Такъ дѣлается потому, что при неводномъ ловѣ нѣтъ недостатка въ рабочихъ, какъ при аханномъ. Когда такимъ образомъ конецъ прогона окажется у послѣднихъ къ берегу прорубей d и f, то зацѣпляютъ привязанную къ нему прогонную веревку крючкомъ сашила и уже руками вытягиваютъ ее на берегъ, а съ нею вмѣстѣ вытягиваютъ и крыло невода, доводя конецъ его до самаго берега. Послѣ этого начинаютъ гнать прогоны по рядамъ прорубей, идущимъ вдоль береговъ. Дойдя по одному берегу до проруби g, отъ которой начинается поперечный рядъ прорубей къ возьмѣ, а по другому до проруби, находящейся съ g на одной высотѣ, если же разстояніе это слишкомъ велико, то до соотвѣтствующихъ между собою, изъ числа промежуточныхъ прорубей, опять тянутъ прогонныя веревки руками. Потомъ по одному берегу гонятъ прогонъ въ прежнемъ направленіи до g; на другомъ же гонятъ его по поперечной линіи прорубей, идущей къ возьмѣ. Когда концы обѣихъ веревокъ будутъ въ возьмѣ, то тянутъ ту и другую руками равномѣрно. Для этой равномѣрности, т. е. для того, чтобы одно крыло не забѣгало впередъ другаго, навязываютъ предварительно на извѣстныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, по всей верхней подборѣ различные значки: лоскутки, пучки мочалъ, сѣна и т. п., называемые *жеребками*. По появленію въ возьмѣ этихъ жеребковъ съ того и съ другаго крыла, смотрятъ, равномѣрно ли тянется неводъ, а ежели которое крыло забѣгаетъ впередъ, то пріостанавливаютъ на время его тягу. Такимъ образомъ вытягиваютъ весь неводъ въ возьму.

Въ зимнемъ неводномъ рыболовствѣ могутъ участвовать всѣ чины Уральскаго войска, разумѣется кромѣ находящихся на дѣйствительной службѣ казаковъ и малолѣтковъ до 12 лѣтняго возраста, лично, а отсутствующіе и состоящіе при должностяхъ чиновники и урядники (какъ не получающіе денегъ по найму отъ не несущихъ дѣйствительной службы казаковъ), равно и семейства умершихъ, черезъ своихъ работниковъ, имѣть которыхъ въ этомъ рыболовствѣ могутъ и лично присутствующіе, по слѣдующему положенію: штабъ-офицеры по 4, оберъ-офицеры по 3, урядники и простые казаки по 1.

Передъ началомъ лова всѣ записываются по желанію въ одинъ изъ участковъ, для каждаго изъ которыхъ назначается особливый начальникъ; въ каждомъ же участкѣ всѣ приписываются къ какому нибудь неводу, составляя такимъ образомъ артели, не могущія состоять меньше, какъ изъ 14 человѣкъ. Это установлено для того, чтобы хозяева неводовъ, изъ желанія получить паи побольше, не ограничивались наименьше возможнымъ числомъ работниковъ изъ казаковъ, пристающихъ къ неводу изъ за паевъ, и тѣмъ не лишали бѣдныхъ казаковъ участія въ этомъ ловѣ. Ежели у какого неводчика найдется меньшее противу назначеннаго число работниковъ, или будутъ приписаны такіе, которыхъ нѣтъ на лицо, или наконецъ найдутся въ числѣ приписанныхъ къ его неводу работники, неимѣющіе права участвовать въ ловѣ, какъ-то линей-

ные казаки, или иногородніе въ лишнемъ противу положеннаго числѣ, то онъ лишается слѣдующихъ ему за неводъ паевъ и самъ неводъ у него отбирается и продается въ пользу бѣдныхъ. Запрещается также употребленіе осеннихъ неводовъ, какъ не соотвѣтствующихъ этому лову, а также взятыхъ на прокатъ у Астраханцевъ, чтобы черезъ это часть выгодъ отъ улова не переходила въ ихъ руки и чтобы побудить Уральцевъ заводить свои невода. Передъ началомъ лова осматриваются всѣ невода—крѣпки ли они, чтобы потомъ изъ за починки ихъ не было проволочки въ тягѣ.

Когда всѣ расписаны по участкамъ, то дѣлаютъ на верхней и нижней грани каждаго изъ нихъ и при истокахъ побочныхъ рукавовъ, въ которыхъ не производится лова, переставы: прорубивъ во всю ширину рѣки прорубь въ видѣ узкой полосы, растягиваютъ въ ней на кольяхъ большіе невода, совершенно перегораживающіе рѣку какъ въ ширину, такъ и въ глубину. Послѣ этого приступаютъ къ самому лову. Въ каждомъ участкѣ ловятъ какъ въ прудѣ, откуда уже рыбѣ выхода нѣтъ и она вся бы вылавливалась, если бы не могла частію, конечно въ небольшомъ количествѣ, прижиматься къ ярамъ, гдѣ нельзя захватить ее неводами. Поэтому въ 1852 году просили казаки дозволить имъ багрить по ярамъ, куда особенно много скопилось сазановъ; но Войсковая Канцелярія не разрѣшила имъ этого на томъ лишь основаніи, что настоящій порядокъ зимняго неводнаго рыболовства существуетъ уже нѣсколько лѣтъ безъ всякаго измѣненія. Рыбы ловится на неводномъ рыболовствѣ очень много, такъ что часто саженъ на 15 нельзя бываетъ дотащить мотни до возьмы, не выбравъ прежде рыбы изъ самихъ крыльевъ.

Неводной зимній ловъ производится съобща, т. е. каждый неводъ ловитъ не на себя, а складываетъ весь уловъ въ общія кучи, называемыя *урсами*. Такой ловъ продолжается непрерывно трое сутокъ, что называется *тягою*, послѣ чего бываетъ дневка, во время которой производится дѣлежъ рыбы. Всю рыбу дѣлятъ на паи, полагая на каждаго хозяина невода по 6 паевъ, на чиновника (офицера), лично участвующаго въ ловѣ, по 2 пая, а на урядника, простаго казака и на иногородняго работника по паю. За работника получаетъ, полагаемый на него пай, нанявшій его. Сверхъ того участному начальнику, въ вознагражденіе его трудовъ, полагается 10 паевъ, при чемъ само собою разумѣется, что если онъ имѣетъ и свой неводъ, то за него получаетъ наравнѣ съ другими хозяевами слѣдующіе ему 6 паевъ. При этомъ строго запрещается начальнику, прежде общаго раздѣла, брать себѣ лучшую рыбу изъ урсовъ.

По окончаніи дѣлежа, начинается вторая тяга, продолжающаяся также три дня, и такъ далѣе до окончанія всего лова.

Прежде запрещалось наловленную во время зимняго неводнаго рыболовства рыбу везти въ Уральскъ кому либо, кромѣ самихъ казаковъ, хотя бы уже купленную у нихъ иногородними купцами, дабы казакамъ же доставлять выгоду отъ провоза; теперь же дозволяется это и иногороднимъ.

На это рыболовство также командируется отъ начальника Гурьева городка нѣсколько линейныхъ казаковъ для охраненія промышленниковъ.

В. ПОБОЧНЫЯ РЫБОЛОВСТВА.

9. *Неводной ловъ въ 3-мъ участкѣ весенняго Курхая.* Одновременно съ весеннимъ Курхаемъ въ третьемъ участкѣ, т. е. сзади баконной линіи, идущей отъ Дуванной косы, дозволяется желающимъ тянуть волокушами (маленькими неводами) черную рыбу въ проранахъ Елисѣевомъ, Солономъ и

Култушномъ, соединенныхъ еще между собою въ вершинахъ лиманами. Ловъ этотъ въ настоящее время совершенно ничтоженъ и по большой части никто и не пользуется этимъ дозволеніемъ, участвуя въ болѣе прибыльныхъ рыболовствахъ курхайскомъ или весеннемъ севрюжьемъ.

10. *Ловъ по полоусымъ старицамъ и запорнымъ водамъ весною.* По неразрывной связи этого рыболовства съ севрюжьей плавнею, о немъ было уже сказано при описаніи этой плавни.

11. *Весеннее Черхальское рыболовство.* Въ правильномъ и опредѣленномъ видѣ рыболовство это учреждено лишь съ 1821 года; но казаки гораздо ранѣе этого отправлялись туда на ловъ, который принадлежалъ тогда къ числу свободныхъ рыболовствъ. Такъ изъ дѣлъ 1816 года видно, что вслѣдствіе поданнаго казаками прошенія дозволено было запирать рѣчку Анкоту, послѣ входа въ нее весною рыбы, всякому, кто пожелаетъ это сдѣлать на свое иждивеніе, за что при тягѣ рыбы осенью ему полагалось въ вознагражденіе его издержекъ по 3 воза сазановъ (полагая возъ въ 100 штукъ), сомовъ (по 15 большихъ, 20 среднихъ и 30 малыхъ), судаковъ (по 250 штукъ) и лещей (по 800 штукъ), за недостаткомъ же другихъ рыбъ 8 возовъ сазановъ, которые всегда уже ловились и, какъ видно, были цѣннѣе прочей рыбы, вмѣстѣ взятой, въ пропорціи 9: 5.

Теперь ловъ этотъ начинается, смотря по ранней или поздней веснѣ, съ первыхъ или съ послѣднихъ чиселъ апрѣля. Такъ въ 1847 году начался онъ съ 1-го апрѣля, а въ 1856 только съ 23-го. Продолжается онъ, смотря по уловамъ и желанію казаковъ, отъ 20 дней до мѣсяца и въ половинѣ мая бываетъ уже обыкновенно оконченъ. На немъ употребляютъ слѣдующія орудія:

1) *Невода* саженъ въ двѣсти или въ триста длиною и въ 6 маховыхъ саженъ въ истѣнь. Такъ какъ число тянущихъ эти невода всегда значительно, то невода всегда бываютъ съ мотнями.

2) *Лещевая сѣть* — ставная сѣть въ родѣ Курхайской съ ячеями въ 6 пальцевъ въ лопаткѣ.

3) *Чабышная сѣть* — также ставная сѣть, но болѣе частая, съ ячеями въ 4 пальца въ лопаткѣ. Употребляется она для лова мелкой черной рыбы: воблы, чехони и тарани, называемой Уральцами общимъ именемъ чабака.

Въ способѣ установки этихъ сѣтей и въ тягѣ неводовъ ничего нѣтъ особеннаго.

Въ этомъ ловѣ могутъ участвовать всѣ желающіе казаки (кромѣ линейныхъ) лично или по довѣренности черезъ рабочихъ, которыхъ дозволяется здѣсь имѣть изъ всякаго сословія: штабъ-офицерамъ по 3, оберъ-офицерамъ по 2, урядникамъ же и простымъ казакамъ по 1. Запрещается только нанимать Киргизъ поденно, въ предупрежденіе съ ихъ стороны кражи и оказанія помощи въ грабежѣ собратьямъ своимъ, кочующимъ около озера.

Въ день предварительно объявленный Войсковою Канцеляріею, всѣ, желающіе участвовать въ этомъ ловѣ, должны переправиться одновременно черезъ Уралъ: живущіе въ Уральскѣ у этого города, а живущіе по линіи у форпостовъ: Чеганскаго (34 верстъ ниже Уральска), Бударинскаго (80 верстъ), Лбищенскаго (116 верстъ) или Мергеневскаго (147½ верстъ), кому гдѣ удобнѣе, и послѣ таможеннаго осмотра слѣдовать партіями не менѣе какъ въ 20 человѣкъ въ порядкѣ и при оружіи, подъ распоряженіемъ старшаго между ними. Они имѣютъ съ собою телѣги съ провіантомъ и неводами и везутъ на одрахъ бударки. На обратномъ пути все происходитъ совершенно въ такомъ же порядкѣ.

Прійдя на мѣсто, промышленники раздѣляются на тянущихъ неводами и на выставляющихъ сѣти. Первые распредѣляются по неводамъ, составляя такимъ образомъ артели; вторые же выставляютъ свои сѣти каждый для себя. Тяга неводовъ производится только отъ *Краснаго яра* до истока

рѣчки Солянки и отъ отмелей, такъ называемыхъ *шалыгъ*, лежащихъ противъ этого истока, до *Прѣснаго ключа*, т. е. на пространствѣ не болѣе какъ 15 верстъ. На всемъ остальномъ пространствѣ ловъ запрещенъ, дабы не препятствовать входу рыбы въ большую Анкоту; притомъ же и берега озера отъ Краснаго яра до малой Анкоты, по большей части, неудобны для тяги неводовъ. Ставныя сѣти ставятся въ р. большой Анкотѣ отъ устья на 7 верстъ вверхъ по ней, для чего это пространство раздѣляется по числу промышленниковъ на участки, которые занимаются по жеребью.

Рыбачущіе сѣтьми берутъ себѣ каждый то, что въ его сѣти попало; добыча же неводнаго лова раздѣляется слѣдующимъ образомъ. Рыба, пойманная неводами, сейчасъ же солится и черезъ нѣсколько дней тяги свозится въ одно мѣсто и раздѣляется на равныя кучи по числу тянувшихъ неводовъ. Одинъ изъ казаковъ отбираетъ у хозяевъ неводовъ шапки и, перемѣшавъ ихъ, кладетъ на каждую кучу по шапкѣ: чья шапка того и куча. Каждая изъ этихъ кучъ раздѣляется уже по паямъ между членами той артели, которой она досталась. На каждые 100 саженъ невода получаетъ хозяинъ по 5 паевъ, офицеры, лично участвующіе въ ловѣ, по 2, а урядники, простые казаки и работники по 1 паю. За работниковъ берутъ паи казаки, нанимавшіе ихъ. При этомъ надо замѣтить, что невода принадлежатъ обыкновенно нѣсколькимъ хозяевамъ и приходящіеся имъ на долю паи распредѣляются между ними по мѣрѣ ихъ участія въ постройкѣ невода въ пропорціи 5 паевъ на 100 саженъ. Начальникъ, надзирающій за ловомъ, имѣетъ право получить по одному паю съ каждыхъ 100 саженъ каждаго невода. Отъ времени до времени отправляютъ накопившуюся рыбу въ Уральскъ и привозятъ оттуда нужное продовольствіе. Для этого отряжаютъ не менѣе какъ по одному съ пяти казаковъ.

Рыболовствующимъ на Черхальскомъ морцѣ казакамъ строго запрещается продавать Киргизамъ бударки и сѣти, чтобы они послѣ ухода промышленниковъ не могли ловить рыбы и тѣмъ дѣлать убытка войску. Въ предохраненіе отъ нападеній и грабежей со стороны ихъ отдѣляется 16 человѣкъ отъ городоваго полка, которыхъ начальникъ лова раздѣляетъ на три пикета, разставляемые у ставки начальника, у Краснаго яра и у Прѣснаго ключа.

Рыболовство это все болѣе и болѣе упадаетъ, вѣроятно вслѣдствіе развитія зимняго лова и прегражденія устья большой Анкоты ставными сѣтьми. Еще въ 1846 году участвовало въ немъ болѣе 400 казаковъ, а въ пятидесятыхъ же годахъ ни разу болѣе 70 человѣкъ съ 7 неводами. На немъ, какъ и на прочихъ Черхальскихъ ловахъ, ловятся главнѣйше сазаны, судаки, лещи и значительное количество разной мелкой рыбы, преимущественно воблы и чехони, которую въ иные годы, по причинѣ ея малоцѣнности, раздаютъ Киргизамъ даромъ, какъ напримѣръ въ 1849 году.

12. *Осенній Черхальскій ловъ*. Онъ производился совершенно тѣмъ же порядкомъ, какъ и весенній, и тѣми же снастьми, но, по его незначительности и при трудностяхъ, сопряженныхъ съ отправленіемъ на озеро, лежащее въ Киргизской степи, теперь совершенно оставленъ. Въ послѣдній разъ производился онъ въ 1846 году всего 8 казаками, добывшими не болѣе 316 пудовъ рыбы, въ томъ числѣ 156 пудовъ воблы и чехони. Съ 1849 года перестала уже Войсковая Канцелярія вызывать желающихъ на него отправляться. Я помѣстилъ его въ числѣ Уральскихъ рыболовствъ только по тому, что если бы явились охотники, то они всегда могли бы на него отправиться безъ всякаго новаго разрѣшенія.

13 и 14. *Осеннее и зимнее Узенскія рыболовства*. Этихъ двухъ рыболовствъ нельзя отдѣлить одно отъ другаго, потому что между ними почти нѣтъ перерыва: какъ только оканчивается первое

съ замерзаніемъ рѣки, то начинается второе. На оба рыболовства даются и одна общая инструкція и одинъ начальникъ.

Осеннее начинается въ первой половинѣ октября. Такъ, напримѣръ, въ 1849 и 1855 году съ 3 октября, а въ 1852—съ 15-го. Оканчивается оно съ замерзаніемъ рѣки обыкновенно около половины декабря (въ 1846 году напримѣръ 22 ноября, а въ 1854 г. 15 декабря). Съ этого времени по 1 января идетъ зимній ловъ, который важнѣе осенняго.

Осенній ловъ производится неводами и ставными частыми сѣтями, зимній же исключительно неводами. Они бываютъ въ рѣчкахъ: Узеняхъ, Чижинскихъ, Кушумѣ, Деркулѣ, Балыхтѣ, Гаврилиной съ Лариной и въ озерахъ Камышъ-Самарскихъ и Сокрыльскомъ. Промышленники раздѣляются по нимъ, смотря по тому, которая изъ этихъ рѣчекъ или озеръ ближе къ ихъ жительству, ибо въ этихъ ловахъ участвуютъ исключительно почти казаки съ расположенныхъ по этимъ рѣчкамъ Внутренней и Чижинской линій, хотя, конечно, не запрещено и прочимъ въ нихъ участвовать. Окончивъ ловъ въ одномъ мѣстѣ, казаки переходятъ въ другое, если оно еще не занято.

На этихъ рыболовствахъ дозволяется имѣть иногороднихъ работниковъ: штабъ-офицерамъ по 3, оберъ-офицерамъ по 2, а урядникамъ и простымъ казакамъ по 1.

Дѣлежъ добычи опредѣляется по взаимному соглашенію между хозяевами неводовъ и пристающими къ нимъ казаками до начатія лова. Обыкновенно полагается хозяевамъ по 5 паевъ съ каждыхъ ста саженъ невода. Послѣ осенняго лова въ 1854 году казаки подавали черезъ рыболовнаго начальника прошеніе въ Войсковую Канцелярію, въ которомъ просили для себя инструкціи для дѣлежа уловъ по паямъ, считая существующій обычай для себя стѣснительнымъ. Но Войсковая Канцелярія приказала все устроивать по старому, взаимнымъ соглашеніемъ, поставляя на видъ, что въ большей части прочихъ рыболовствъ хозяева получаютъ за неводъ по 6, а не по 5 паевъ, какъ у нихъ.

Начальникъ этихъ лововъ находится обыкновенно на Узеняхъ и Камышъ-Самарскихъ озерахъ, гдѣ наибольшій ловъ. Въ вознагражденіе его трудовъ полагается ему при дѣлежѣ по одному паю съ каждаго невода безъ различія размѣровъ и качества. Ежели на какой либо изъ прочихъ рѣчекъ окажется значительный ловъ и на нее соберется много промышленниковъ, то туда назначается отъ Войсковой Канцеляріи особый начальникъ; если же такого назначенія не послѣдуетъ, то главный надзоръ принадлежитъ старшему по чину, а въ случаѣ равенства чиновъ это будетъ зависѣть отъ общаго выбора. Такъ напримѣръ, когда въ 1846 году открылся довольно значительный ловъ на рѣчкѣ Балыхтѣ, то въ 1848 году, когда собралось на нее до 80 казаковъ съ 14 рабочими, назначенъ былъ туда и особый начальникъ, которому положено получать по одному паю съ каждой тяги.

Осенній и зимній уловъ въ этихъ рѣчкахъ въ иные годы достигаетъ до 30,000 пудовъ черной рыбы, между которою особенно много весьма большаго карася. Красной рыбы, какъ само собою разумѣется, тутъ вовсе нѣтъ.

На Узеняхъ есть и весенній ловъ, но онъ незначителенъ; ни начальниковъ, ни особыхъ разрѣшеній на него не дается и сроковъ не полагается; поэтому онъ долженъ быть причисленъ къ числу свободныхъ рыболовствъ; но такъ какъ о немъ ничего особеннаго сказать нельзя, то я уже о немъ болѣе упоминать не буду. Впрочемъ, надо замѣтить, что, съ прекращеніемъ всякаго рыболовства въ Уралѣ на лѣтнее время, оно прекращается и здѣсь.

15. *Осенній ловъ въ морскихъ култукахъ и проранахъ по правую и лѣвую сторону устьевъ*

Урала и въ Черной рѣчкѣ. Этотъ ловъ производился по морскому прибрежью, въ заливахъ, култукахъ и проранахъ, которые по большей части остатки устьевъ прежнихъ рукавовъ Урала, одновременно съ осенними плавнымъ и неводнымъ рыболовствами, обыкновенно съ половины октября до покрытія прибрежья льдомъ. Ловъ этотъ раздѣлялся на три участка, изъ коихъ теперь только въ двухъ можно рыбачить: 1) въ проранахъ и ильменяхъ, лежащихъ на право отъ Урала, начиная отъ наблюдательнаго рынка (мыса) Подстепнаго пикета, такъ что Подстепный заливъ и Плотовой ерикъ (устья рукавовъ Подстепнаго и Плотоваго) были включены въ число мѣстъ, назначенныхъ для этого рыболовства, 2) въ проранахъ и ильменяхъ по лѣвую сторону Урала и 3) въ Черной рѣчкѣ (въ ней лова уже не можетъ быть по тому, что она пересохла).

На этомъ рыболовствѣ употребляютъ изъ орудій лова: 1) *волокуши*, т. е. обыкновенные небольшіе осенніе невода, которыми загоняютъ рыбу изъ моря въ прораны и култуки, и 2) *запоры* или *переставы* (*), которые дѣлаютъ въ верховьяхъ ильменей и прорановъ, дабы препятствовать рыбѣ уходить изъ нихъ вверхъ.

Участвовать могутъ въ этомъ рыболовствѣ казаки лично и посредствомъ рабочихъ, которыхъ полагается: штабъ-офицерамъ по 3, оберъ-офицерамъ по 2, урядникамъ и рядовымъ по 1. Казаки, участвующіе въ осеннемъ неводномъ ловѣ, могутъ, по желанію, переходить на это рыболовство, равно какъ и занимающіеся осеннею плавнею; но эти послѣдніе могутъ сюда записываться лишь пока войско не перешло еще Красноярскаго форпоста ($272\frac{1}{2}$ вер. отъ Уральска и $205\frac{1}{4}$ отъ Гурьева).

Записавшіеся на это рыболовство казаки расписываются по участкамъ и въ каждомъ участкѣ пристаютъ къ хозяевамъ неводовъ, образуя такимъ образомъ артели. Прежде начала лова запираютъ вверху ильмени и прораны досчатыми переставами и, начиная отъ наблюдательнаго рынка Подстепнаго пикета, выставляютъ противъ каждаго култука или прорана вѣхи въ морѣ, не далѣе какъ на версту отъ берега, для означенія границы откуда можно начинать ловъ. Прежде, именно въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда еще не было собственно морскихъ лововъ, границъ въ морѣ для этого рыболовства не полагалось. Тогда, кромѣ Черной рѣчки, простиралось оно и на другія изъ болѣе удаленныхъ рукавовъ Урала, какъ то: на Солянку и Баксай.

Для производства лова ожидаютъ нагонныхъ вѣтровъ и, когда вѣтромъ привалитъ рыбу къ берегу, ее загоняютъ съ начала волокушами въ култуки и прораны, гдѣ уже и вылавливаютъ также волокушами. Загонъ рыбы дѣлается всѣми, ловящими въ извѣстномъ култукѣ или проранѣ, разомъ; въ култукахъ же и проранахъ тянутъ по очереди, назначаемой жеребьемъ. Пойманную рыбу, дабы она имѣла болѣе цѣнности, сажаютъ въ отгороженные досками садки или, оставляя пока въ водѣ въ мотняхъ, пересаживаютъ потомъ въ садки и оставляютъ тамъ до заморозковъ. Во время нагоняющихъ рыбу вѣтровъ, дневокъ для дѣлежа улововъ не дѣлаютъ, ибо и безъ того при выгонныхъ вѣтрахъ пропадаетъ много времени.

Дѣлежъ дѣлается такъ, что каждая артель дѣлитъ пойманную ею рыбу особо между своими членами, предоставляя хозяину волокуши 3 пая за мотню, въ которой сохраняется временно рыба, смотря по длинѣ его: если въ 13 футъ, то $1\frac{1}{2}$ пая, если въ 10, то 1 пай, если въ 6, то $\frac{1}{2}$ пая; за бударку, саки (сѣтка на обручѣ съ рукояткою, которою черпаютъ пойманную рыбу) и прочія мелкія

(*) О всѣхъ различнаго вида запорахъ будетъ подробно сказано при описаніи запорнаго лова по старицамъ Урала.

принадлежности лова $1/2$ пая. Бударки, впрочемъ, нанимаютъ тоже на общій счетъ и тогда уже саки и прочее каждый долженъ имѣть свое. За досчатые садки полагается 6 паевъ. За тѣмъ чиновники, лично участвующіе въ рыболовствѣ, получаютъ по 2 пая, а урядники и простые казаки по 1. Хозяева, какъ и всегда, получаютъ паи за нанятыхъ ими работниковъ. Во время этого рыболовства дозволяется желающимъ переходить изъ одного участка въ другой. Тюленя дозволено на немъ бить и загонять, не переходя однако назначенныхъ для него границъ.

Прежде рыболовство это было значительно, въ послѣдніе же годы оно совершенно прекратилось, такъ что въ теченіи послѣднихъ 10 лѣтъ производилось только два раза и то въ одномъ первомъ, т. е. правомъ участкѣ. Въ 1848 году 35-ю казаками и 10-ю работниками 9-ю неводами было поймано до 2350 пудовъ мелкой рыбы, а въ 1853 г. 36-ю казаками и 3-мя работниками 8-ю неводами было поймано 3550 штукъ судака и 104,300 штукъ воблы.

16. *Зимнее Черхальское рыболовство.* Это, безъ всякаго сомнѣнія, важнѣйшее изъ всѣхъ побочныхъ рыболовствъ начинается съ первой половины декабря (напримѣръ въ 1847 году 5-го декабря, въ 1855—15-го) и по правилу должно оканчиваться къ 1-му марта, но, по просьбѣ казаковъ, вслѣдствіе незаловов, булановъ и тому подобнаго, продолжается обыкновенно дальше этого срока—до 20-го и даже до 25-го марта.

На немъ употребляются такъ называемые *Черхальскіе* невода, отличающіеся своею необыкновенною длиною, доходящею до $2^1/_2$ верстъ. Такъ напримѣръ въ 1852 году было употреблено на этомъ рыболовствѣ 12 неводовъ слѣдующихъ размѣровъ: 1) въ 1,280 маховыхъ саженъ, 2) 1,350, 3) 1,385, 4) 1,256, 5) 1,300, 6) 1,600, 7) 1,200, 8) 1,400, 9) 1,200, 10) 1,425, 11) 1,450, и 12) 1,000. Ширина ихъ 5 саженъ. Во всемъ прочемъ они устроены какъ обыкновенные зимніе невода.

Въ рыболовствѣ этомъ казаки участвуютъ лично и по довѣренности и имѣютъ право нанимать рабочихъ изъ инородцевъ: штабъ-офицеры по 3, оберъ-офицеры по 2, урядники же и простые казаки по 1.

Запасшись провіантомъ и переправившись черезъ Уралъ, точно также какъ и при весеннемъ ловѣ, казаки осматриваютъ, по приходѣ на озеро, какъ сталъ ледъ, выбирая для тяги неводовъ лишь тѣ мѣста, гдѣ онъ ровенъ, и измѣряютъ веревками вокругъ всего озера тѣ мѣста берега, противъ которыхъ ледъ гладокъ. Всѣ эти удобныя мѣста дѣлятъ такъ, чтобы на каждые 100 саженъ совокупной длины всѣхъ неводовъ пришлось по участку ровной длины, и мечутъ жребій о мѣстахъ для каждаго невода. Обыкновенно приходится отъ 30 до 50 саженъ берега на 100 саженъ невода. Казаки съ работниками всѣ расписываются по неводамъ такъ, чтобы приблизительно пришлось по ровну на одинаковую длину невода.

Ежели ледъ сталъ гладко, то главное условіе хорошихъ уловов—запускать невода съ самой середины морца, верстахъ въ 7 отъ берега, и тянуть ихъ во всѣ стороны, что̀ и дѣлается каждою артелью къ доставшемуся ей участку берега. Прорубь, въ которую опускаютъ неводъ, неноситъ здѣсь названія *запуска*, а также называется *возьмою*, какъ и та, въ которую неводъ вытягиваютъ. Тяга этихъ неводовъ производится точно также, какъ на Уралѣ, во время зимняго неводнаго лова, съ тою лишь разницею, что здѣсь, когда прогонятъ саженъ на двѣсти прикрѣпленныя къ ихъ концамъ веревки и укрѣпляютъ на льду съ каждой стороны невода по вороту, которыми и тянутъ неводъ, вертя воротъ

лошадьми. Между тѣмъ свободный конецъ прогонной веревки разматываютъ съ ворота и продолжаютъ гнать далѣе, а когда дотянутъ неводъ до первыхъ воротовъ, то начинаютъ тянуть другими и такъ далѣе, перенося вороты съ мѣста на мѣсто, доводятъ невода до берега. Тяга одного невода продолжается такимъ образомъ день и ночь по двое и по трое сутокъ. При этомъ случается, что неводъ, зацѣпляясь за неровности внутренней поверхности льда, или уходя нижнею подборою въ топкій илъ дна (баткакъ), рвется и нерѣдко теряютъ этимъ промышленники по нѣскольку сотъ саженъ невода, вытаскивая однѣ лишь подборы. Въ недѣлю, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, нельзя сдѣлать больше двухъ тягъ.

Дѣлежъ улова происходитъ отдѣльно въ каждой неводной артели, такъ какъ по обширности пространства, занимаемаго промышленниками вокругъ всего озера, неудобно соединить весь уловъ въ общую кучу; но кажется, что въ сороковыхъ годахъ это дѣлалось еще такимъ образомъ. Хозяинъ, или правильнѣе хозяева, невода, ибо онъ составляетъ обыкновенно собственность нѣсколькихъ казаковъ, такъ что каждому принадлежитъ извѣстная часть его, получаютъ по 6 паевъ съ каждыхъ ста саженъ длины и 5 ширины, на доли же меньшія 100 саженъ въ длину и 5 въ ширину—соотвѣтственно этому по разсчету. Чиновники, лично участвующіе въ тягѣ, и тутъ получаютъ по два пая, урядники же и простые казаки по одному. Начальнику рыболовства полагается при каждомъ дѣлежѣ по паю съ каждаго невода, какой бы онъ ни былъ длины. Наловивъ нѣкоторое количество рыбы, везутъ ее въ Уральскъ на продажу и привозятъ новые запасы продовольствія для людей и для лошадей. Въ хорошіе заловы случается казаку получить на пай, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, рублей 30 ассигнаціями въ зиму; но такъ какъ каждый почти имѣетъ участіе въ извѣстной доли невода, то рѣдкій не получаетъ нѣсколькихъ паевъ.

Рыболовство, производимое огромными неводами въ со всѣхъ сторонъ закрытомъ небольшомъ водовмѣстилищѣ, которое даже не всегда имѣетъ сообщеніе съ Ураломъ, должно бы, казалось, вскорѣ истощить въ немъ запасъ рыбы. Я не сомнѣваюсь, что дѣйствительно такъ бы и было, если бы по счастью въ неровномъ замерзаніи этого озера не заключалось весьма дѣйствительной охранительной мѣры. Всякій годъ, какъ мы видѣли, замерзаетъ большее или меньшее пространство его столь неровно, что на немъ невозможно производить тяги. Сюда, слѣдовательно, имѣетъ возможность укрываться рыба отъ своихъ преслѣдователей. Со всѣмъ тѣмъ я полагаю однакоже, что долго такъ продолжиться не можетъ и что источникъ доходовъ, доставляемыхъ морцомъ, долженъ изсякнуть, если къ мѣрамъ, принимаемымъ природою для сохраненія въ немъ рыбы, не присоединится такихъ мѣръ и со стороны человѣка. Въ своемъ мѣстѣ я предложу такую мѣру и надѣюсь, что, не будучи стѣснительною для казаковъ, она обезпечитъ однакоже на будущее время Черхальское рыболовство, составляющее не маловажное подспорье для Уральскаго Войска.

Предосторожности отъ Киргизъ зимою должны быть еще сильнѣе, чѣмъ весною, ибо невода расположены вокругъ всего озера, часто на нѣсколько верстъ одинъ отъ другаго. Не смотря на нихъ случается однакоже, что Киргизы грабятъ рыбу и снасти, такъ напримѣръ еще въ 1854 году жаловался на это начальникъ зимняго Черхальскаго лова.

C. СВОБОДНЫЯ РЫБОЛОВСТВА.

17. *Ловъ въ запорныхъ старицахъ.* Запирать можно лишь тѣ старицы, которыя имѣютъ только одно сообщеніе съ Ураломъ, такъ называемыя же *полоусыя*, имѣющія и истокъ и устье, должны всегда

оставаться свободными и вылавливаются войскомъ въ опредѣленные сроки, какъ на примѣръ при севрюжьей плавнѣ, или зимою въ одно изъ свободныхъ рыболовствъ. Само собою понятно, что эти послѣднія никому въ частности принадлежать не могутъ; изъ старицъ же съ однимъ устьемъ, которыя могутъ быть запираемы, нѣкоторыя принадлежатъ одному или нѣсколькимъ форпостамъ, въ дачахъ которыхъ они находятся, другія же свободны, не составляя ничьей частной собственности; это, по большей части, недавно перешедшія изъ полоусыхъ въ запорныя, черезъ пересыханіе одного изъ соединеній ихъ съ Ураломъ. Примѣръ такого измѣненія составляетъ *Перетаскная старица*, лежащая близъ Редутскаго и Кандауровскаго форпостовъ на Бухарской сторонѣ. У ней съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе заростало и пересыхало нижнее ея устье, именно то, отъ котораго начинается осеннее неводное рыболовство. По этому, по просьбѣ казаковъ, въ 1850 году дозволено было ее запереть. Эти свободныя старицы могутъ запирать, а слѣдовательно и ловить въ нихъ всѣ желающіе; старицы, принадлежащія же нѣкоторымъ форпостамъ, могутъ запирать лишь казаки этихъ форпостовъ. Ежели только казаки одного изъ форпостовъ, которымъ съобща принадлежитъ старица, запрутъ ее, то они одни и могутъ ловить въ ней. Весною, пока старицы не заперты, въ нихъ могутъ ловить всѣ, въ дозволенное для рыболовства время, какъ мы это видѣли при севрюжьей плавнѣ. Зимою въ старицахъ, составляющихъ собственность одного или нѣсколькихъ форпостовъ, если они не заперты, ловятъ только эти форпосты, каждый въ участкѣ, лежащемъ въ его дачахъ.

Весною, казаки, желающіе запирать старицы, подаютъ объ этомъ прошеніе въ Войсковую Канцелярію и получаютъ отъ нея на это письменное разрѣшеніе. Объ этомъ извѣщаются начальники тѣхъ форпостовъ, въ дачахъ которыхъ находятся эти старицы, для объявленія всѣмъ жителямъ ихъ, чтобы казаки, желающіе изъ нихъ участвовать въ ловѣ, записывались, что̀ должно быть сдѣлано не позже окончанія севрюжьей плавни. Всѣ расходы на устройство запоровъ, какъ то: сѣти, наемъ работниковъ и краульщиковъ и прочее, должны быть дѣлаемы съ вѣдома форпостныхъ начальниковъ, дабы казаки, устроивающіе все это, не могли потомъ объявить дороже стоящимъ, чѣмъ въ дѣйствительности.

Какъ только полая вода начнется немного сбывать, приступаютъ къ дѣланію запоровъ. Чтобы яснѣе показать какъ это дѣлается, я опишу ту старицу съ ея запоромъ, которую я видѣлъ. Черезъ это будутъ понятнѣе и различія въ устройствѣ запоровъ, встрѣчаемыя въ другихъ старицахъ. Между Каршинскимъ и Мергеневскимъ форпостами ($165\frac{1}{2}$ и $147\frac{1}{2}$ верстъ отъ Уральска) на Самарской сторонѣ находится старица Ѳедулиха. Это довольно широкій ильмень лунообразнаго вида, обращенный рогами къ Уралу, отъ котораго отдѣляется не широкимъ, но довольно возвышеннымъ пространствомъ; черезъ это пространство вода въ старицу изъ рѣки никогда не переливается. Вода же входитъ въ нее изъ Сахарнаго ерика, вытекающаго изъ Урала выше и въ него же впадающаго, ниже Ѳедулихи, т. е. составляющаго полоусую старицу. Изъ этого ерика, маленькій ерічекъ идетъ въ Ѳедулиху и весною наполняетъ ее. Все это имѣетъ видъ, представленный на рис. 7 прилагаемаго чертежа.

Когда вода начнетъ спадать и покатится обратно изъ Ѳедулихи въ Сахарный ерикъ, то начинаютъ устроивать запоръ въ самомъ узкомъ мѣстѣ маленькаго соединительнаго ерічка, имѣющаго въ этомъ мѣстѣ не болѣе $2\frac{1}{2}$ или 3-хъ саженъ ширины въ самую большую воду; когда же я посѣщалъ его (въ концѣ іюля), то воды и на сажень въ ширину не было. Прежде всего ставятъ у каждаго берега по сохѣ, т. е. по толстому колу съ рагулькою на верху, и

кладутъ на нихъ перекладину. Съ внутренней стороны перекладины, т. е. обращенной къ Ѳедулихѣ, вбиваютъ, прислонивъ къ ней, нѣсколько довольно толстыхъ кольевъ, съ наружной же— двѣ подборы, т. е. двѣ косвенно упирающіяся въ нее сохи. Къ внутреннимъ коламъ приставляютъ 3 или 4 ряда плетней, состоящихъ изъ тонкихъ кольевъ, переплетенныхъ хворостомъ, совершенно такъ, какъ это дѣлается для заборовъ. Съ внутренней стороны ихъ вбиваютъ для поддержки по колу по концамъ. По дну кладутъ киты, но не камнями набитые, какъ при Уральской забойкѣ, а просто землею, для того, чтобы рыба не подрывалась подъ запоръ, что̀ преимущественно дѣлаютъ сазаны.

Для большей ясности представляется видъ этого запора на рис. 8 прилагаемаго чертежа.

Въ 1856 году, когда я посѣтилъ этотъ запоръ, онъ былъ устроенъ одними Каршинскими казаками, желающіе изъ которыхъ, слѣдовательно, одни и могли тянуть рыбу въ Ѳедулихѣ. Ежели бы же запора не было, то Каршинскіе и Мергеневскіе, границу между дачами которыхъ составляетъ соединительный ерикъ, гдѣ устроенъ запоръ, тянули бы каждые въ свои части ильменя.

Въ другихъ мѣстахъ дѣлаютъ запоры еще проще. Раскалываютъ на нѣсколько толстыхъ досокъ ракиту, тополь или осокорь,—единственныя растущія здѣсь деревья, заостриваютъ эти доски съ одного конца и вбиваютъ въ дно плотно одну къ другой, подкрѣпивъ все это съ наружной стороны перекладиною съ подпорами. Такимъ же точно образомъ дѣлаютъ и досчатые садки, о которыхъ было упомянуто выше, при ловѣ запорами въ проранахъ и култукахъ по обѣимъ сторонамъ устьевъ Урала.

Но не вездѣ можно запереть старицу въ узкомъ мѣстѣ и тогда устройство запора будетъ нѣсколько сложнѣе. Сдѣлавъ перекладину на нѣсколькихъ сохахъ и изъ нѣсколькихъ бревенъ, а также подпоры къ ней, плетутъ на берегу *кошаки* особливаго рода. Пригоняютъ довольно толстые и длинные колья (смотря по глубинѣ старицы въ запираемомъ мѣстѣ) плотно другъ къ другу, для чего всегда выбираютъ колья самые прямые и кладутъ ихъ одинъ тонкимъ, другой толстымъ концомъ къ низу, которые и заостриваютъ. Оставивъ на аршинъ или болѣе пространства для вбитія въ землю, переплетаютъ ихъ мочальными веревками, которыя не такъ скоро гніютъ, какъ пеньковыя. Отступя нѣсколько, переплетаютъ еще разъ и немного повыше еще въ третьемъ мѣстѣ. Колья переплетаютъ такимъ образомъ въ трехъ мѣстахъ, единственно для прочности кошака, а не для того, чтобы рыба не могла между ними проскочить; этому уже достаточно препятствуютъ въ плотную пригнанные колья. Когда кошаки готовы, то, притянувъ ихъ верхними концами къ перекладинѣ съ внутренней стороны, погружаютъ другой конецъ въ воду и вбиваютъ въ дно *чекмарями*, т. е. деревянными колотушками. Бьютъ чекмарями, а не другимъ чѣмъ, дабы не расколоть или не размочалить кольевъ, которые, за неимѣніемъ другаго, дѣлаются изъ мягкаго дерева. Съ внутренней стороны дно у подножья кошаковъ укладывается китами, къ которымъ привязываютъ нижними подборами старыя сѣти, верхнія же подборы ихъ прикрѣпляются къ верху кошаковъ. Изъ однихъ сѣтей безъ кольевъ никогда запоровъ не дѣлаютъ,—такъ дѣлаютъ лишь переставы при зимнемъ неводномъ рыболовствѣ. Впрочемъ, ставятъ одни сѣти и въ старицахъ, но только чтобы удержать въ нихъ рыбу при убыли воды, пока еще запоры не готовы. Точно также, какъ старицы, запираются и Черныя рѣки.

Не всѣ старицы и Черныя рѣки, лежащія по обѣимъ сторонамъ Урала, запираются каждый годъ, а обыкновенно лишь немногія, обѣщающія, по замѣчаніямъ казаковъ, хорошіе уловы. Напри-

мѣръ въ 1816 году были заперты лишь слѣдующія: 1) *Рѣчка Черная* (одно изъ устьевъ Урала, тяга въ которомъ свободна и относится къ запорному лову въ култукахъ и проранахъ по обѣ стороны устьевъ Урала), 2) *Соколинскій проранъ* (тоже одно изъ бывшихъ устьевъ Урала), 3) *Рѣка Сорочиковка* у Сорочинской крѣпости (не смѣшивать съ Сорочинкою, которая есть полоусая старица), 4) *Рѣчка Чагушкина*, 5) *Красная старица* и ильмени около Баксайской крѣпости (въ 80 верстахъ отъ Гурьева), 6) *Красная старица* и 7) *Комаровская старица* у Тополинской крѣпости (102 версты отъ Гурьева), 8) и 9) двѣ *Харькинскія старицы* у форпоста того же имени (288$^1/_2$ верстъ отъ Уральска), 10) *Козаркина старица* между Котельничьимъ (239$^1/_2$ верстъ отъ Уральска) и Антоновскимъ (217$^1/_2$ верстъ отъ Уральска) форпостами и 11) *Красная старица* между Мергеневскимъ (147$^1/_2$ верстъ отъ Уральска) и Горячинскимъ (131$^1/_2$ верстъ отъ Уральска) форпостами. Особливо много старицъ остается незапертыми при высокой водѣ, когда она поздно спадаетъ, а потому большая часть рыбы успѣваетъ уплыть назадъ въ рѣку, прежде чѣмъ можно начать устроивать запоры.

Какъ только запоры готовы, къ нимъ приставляются караульщики, обыкновенно изъ старыхъ казаковъ или изъ Киргизъ, которые должны наблюдать за тѣмъ, чтобы въ запертыхъ водахъ никто не ловилъ до опредѣленнаго срока. Для начала лова нужно особливое разрѣшеніе Войсковой Канцеляріи, которое она даетъ разомъ для всѣхъ старицъ и черныхъ рѣчекъ. Съ 1851 года разрѣшеніе Войсковою Канцеляріею дается одновременно на всѣ вольныя зимнія рыболовства, какъ только начинаются холода. Въ этой общей инструкціи означаются сроки начала и окончанія ихъ и правила для каждаго изъ нихъ; прежде же это дѣлалось отдѣльно для каждаго изъ этихъ лововъ.

Такъ какъ разрѣшеніе на ловъ въ запертыхъ водахъ дается заблаговременно, то, съ покрытіемъ старицъ и черныхъ рѣчекъ льдомъ, начинается и ловъ въ нихъ, къ концу декабря или къ началу января обыкновенно уже оканчивающійся (напримѣръ въ 1848 году 21 декабря). Въ назначенный день собираются всѣ казаки, записавшіеся желающими участвовать въ ловѣ къ своей старицѣ, при чемъ казаки имѣютъ право рыбачить какъ лично, такъ и черезъ рабочихъ. И тутъ, какъ всегда, линейные казаки къ лову не допускаются.

Передъ началомъ лова запорщики объявляютъ о расходахъ, употребленныхъ ими на устройство запоровъ и окрауливаніе водъ, и получаютъ немедленно приходящуюся имъ за то сумму, собираемую со всѣхъ участниковъ въ ловѣ по уравнительной раскладкѣ, т. е. не по числу лицъ, а по числу паевъ, на которые каждый изъ участвующихъ имѣетъ право, лично за рабочихъ и за невода. Такимъ образомъ, если бы въ запертой старицѣ или рѣчкѣ и вовсе бы не оказалось рыбы, то запорщики все же получаютъ обратно свои издержки, а потому казаки, имѣющіе денежныя средства, ничѣмъ не рискуя, не могутъ быть удерживаемы страхомъ убытка отъ устройства запоровъ. Впрочемъ иногда сами запорщики отступаютъ отъ этихъ правилъ, требуя себѣ лишь извѣстнаго числа паевъ въ вознагражденіе за издержки.

Ловъ производится неводною тягою, при чемъ въ каждой старицѣ не дозволяется тянуть болѣе чѣмъ 4 неводами, дабы не увеличивать черезъ чуръ числа паевъ, приходящихся на невода въ ущербъ прочимъ казакамъ. Иногороднихъ работниковъ здѣсь полагается: штабъ-офицерамъ по 4, оберъ-офицерамъ по 3, урядникамъ и казакамъ по 1. При дѣлежѣ назначено давать хозяевамъ неводовъ по 5 паевъ, чиновникамъ участвующимъ лично по 2 пая, всѣмъ же прочимъ по 1-му.

Прежде для дѣлежа существовали совсѣмъ другія правила. Такъ по инструкціи 1816 года

запорщики могли себѣ брать (какъ уже было приведено выше, когда говорилось о ловѣ въ рѣчкахъ Анкотахъ, которыя тогда принадлежали къ числу запорныхъ) по 3 воза сазановъ, по 3 воза сомовъ (*), по 3 воза судаковъ и по 3 воза лещей. Ежели же за всѣмъ тѣмъ оставалась еще рыба, то они могли продавать ее другимъ казакамъ, не иначе какъ по опредѣленной цѣнѣ (конечно нисшей противу дѣйствительной), дабы доставить и прочимъ нѣкоторую выгоду отъ этихъ водъ, именно 100 штукъ сазановъ за 13 р. асс., возъ сомовъ за 13 же рублей, за 250 судаковъ (что̀ ровняется возу) 9 р. асс., за возъ лещей 6 р. асс. Ежели желающихъ купить по этимъ цѣнамъ рыбу явится много, то дѣлятъ ее между всѣми ими поровну. Изъ этого видно, что въ прежнія времена запертыя старицы составляли въ большей степени частную выгоду запорщиковъ, чѣмъ нынѣ, чему прочіе не противились, безъ сомнѣнія, по тому, что при изобиліи рыбы въ это время каждый могъ промыслить ее сколько хотѣлъ и безъ запорныхъ водъ.

Такъ какъ нѣтъ общихъ свѣдѣній о количествѣ рыбы, доставляемой запорнымъ рыболовствомъ, равно какъ и о получаемыхъ съ него выгодахъ, то для примѣра я приведу издержки, употребленныя на устройство запоровъ въ нѣкоторыхъ старицахъ, число казаковъ участвовавшихъ въ тягѣ неводовъ и количества уловъ.

Въ 1847 году на устройство запора въ Гребенщиковской старицѣ, у форпоста того же имени (въ 319½ верстахъ отъ Уральска), издержано 80 р. 38⁴/₇ к. сер. и на окрауливаніе ея 58 р. 57¹/₇ к. с., итого 138 р. 95⁵/₇ к. сер. Участвовало въ ловѣ 167 казаковъ и при нихъ работниковъ русскихъ 9 и Киргизъ 39, всего же 215 человѣкъ. Наловлено судаковъ 8 возовъ, лещей 10 возовъ и сазанчика 13 возовъ, всего 31 возъ рыбы, или примѣрно 930 пудовъ, приблизительно на 1,000 р. сер.

Въ 1848 году въ запертыхъ старицахъ въ дачахъ Горячинскаго форпоста (131½ верстъ отъ Уральска) 85 казаковъ и 62 работника поймали 588 пудовъ сазанчика (кругомъ считая по 18 штукъ на пудъ).

Въ томъ же году въ Зеленовской запорной старицѣ (Зеленовскій форпостъ 118½ верстъ отъ Гурьева) 3 казака съ 10 работниками вытянули судака 96 пудовъ, леща 21 пудъ, сазанчика 560 пудовъ, щуки 107 пудовъ, окуней 15 пудовъ, карася и линя 12 пудовъ и чабака (т. е. всякой мелкой рыбы, чехони, тарани и проч.) 27 пудовъ, итого 838 пудовъ.

Въ Перетаскной вольной старицѣ (которая изъ полоусыхъ была перечислена въ запорныя только въ 1850 году) участвовало въ ловѣ въ 1851 году лично 49 казаковъ и 161 работникъ. Поймано рыбы 5 неводами (это въ видѣ исключенія дозволено было, во вниманіе къ величинѣ старицы) 57 возовъ судака, 62 воза леща и 31 возъ сазана, примѣрно 3,750 пудовъ рыбы на столько же рублей серебромъ. Въ 1854 году участвовало въ ловѣ въ этой старицѣ 390 казаковъ и 395 рабочихъ изъ Киргизъ, что̀ доказываетъ возрастающую ея значительность.

МЕЛКІЯ ЗИМНІЯ РЫБОЛОВСТВА.

18. *Ловъ блесною отъ Каленовскаго форпоста внизъ по Уралу.* Блесною называется привязанная на веревку пластинка олова или жести, вырѣзанная иногда въ формѣ рыбки, съ крючкомъ на концѣ,— слѣдовательно родъ удочки. Надъ прорубью дѣлаютъ шалашъ, чтобы наружный воздухъ, отражаясь

(*) Теперь сомы составляютъ рѣдкость въ этихъ водахъ.

отъ поверхности воды, не мѣшалъ въ ней видѣть, и, держа въ рукѣ блесну, безпрестанно подергиваютъ ее, дабы подражать движенію живой рыбки въ водѣ. Рыба, особливо окунь, попадается на обманъ и рыбакъ, держащій блесну, почувствовавъ, что ее дернуло, выдергиваетъ схватившую рыбу на ледъ.

Ловъ этотъ начинается, по письменному разрѣшенію Войсковой Канцеляріи, обыкновенно съ того времени, какъ только Уралъ покроется льдомъ, и производится отъ Каленовскаго форпоста до верхней грани зимняго неводнаго рыболовства. Въ этомъ ловѣ могутъ участвовать казаки только лично и всѣ другія орудія, кромѣ блесны, тутъ запрещены.

19. *Ловъ сижами отъ Бородина ввоза вверхъ до Илецкихъ дачъ.* Хотя выше Уральской забойки ловъ, говоря вообще, совершенно свободенъ и весною, осенью и лѣтомъ можетъ производиться какъ и когда кто изъ казаковъ пожелаетъ; но зимою и тутъ полагаются сроки начала и правила производства лова, для порядка и уравненія выгодъ отъ него между всѣми промышленниками, число которыхъ въ это время довольно значительно. Въ нѣкоторые годы, какъ напримѣръ въ 1851, когда по какимъ либо причинамъ свободное рыболовство, начинающееся обыкновенно отъ Бородина ввоза, отодвигаютъ далѣе, то и ловъ сижами начинается не отъ него, а отъ вновь назначеннаго мѣста (см. багренье).

Подъ сижами должно разумѣть родъ вентеря, именно обыкновенная мотня, не растянутая на обручи, вставляется въ отверзтіе между крыльями изъ сѣтей же, утвержденными на кольяхъ, и не вынимающимися до окончанія лова. Съ низу эта мотня привязана къ колу, воткнутому въ дно, чтобы она не всплывала; съ верху же вѣшается на проруби. Къ нижней части мотни идетъ еще веревка, привязанная другимъ концомъ къ гибкой палкѣ, утвержденной на верху шалаша, стоящаго надъ прорубью. Къ свободному концу этой палки прикрѣпленъ колокольчикъ, такъ что, какъ только рыба войдетъ въ мотню и слѣдовательно дернетъ привязанную къ ней веревку, онъ зазвенитъ. По этому звону караульный казакъ узнаетъ много ли вошло рыбы въ сижу и, руководствуясь этимъ, отъ времени до времени вытаскиваетъ мотню изъ проруби вмѣстѣ съ коломъ, къ которому она привязана нижнимъ краемъ.

Этотъ ловъ начинается, подобно предшествующимъ, со времени покрытія Урала льдомъ (въ 1846 и 1849 годахъ напримѣръ съ 25 ноября). Мѣста на выставку сижей назначаются по жеребью. Чѣмъ ниже по рѣкѣ, тѣмъ лучшимъ считается мѣсто. Получившій свой жеребій долженъ непремѣнно выставить свою снасть въ теченіи двухъ дней, въ противномъ же случаѣ лишается своихъ правъ на ловъ и его мѣсто занимаетъ слѣдующій за нимъ по очереди или кому достанется по новому жеребью, какъ пожелаютъ казаки. Сижи должны стоять не ближе другъ отъ друга какъ на 50 саженъ и не далѣе 15 саженъ отъ берега. Въ ловѣ сижами казаки могутъ участвовать только лично.

20. *Ловъ сижами отъ Уральска внизъ до Старой Ямы.* Это только распространеніе предыдущаго лова далѣе внизъ по рѣкѣ, на нѣсколько верстъ ниже Уральска, по окончаніи малаго багренья. Оно начинается съ первыхъ чиселъ января и переходитъ въ слѣдующее за нимъ рыболовство:

21. *Ловъ блесною, удочками, сижами и баграми по всему Уралу послѣ окончанія большаго багренья.* Съ окончаніемъ большаго багренья и одновременнаго съ нимъ зимняго неводнаго лова,

нѣтъ уже болѣе причинъ ограничивать чѣмъ либо свободное рыболовство по Уралу, а потому разрѣшаются всѣ означенные ловы по всему Уралу всякому казаку, желающему лично ими заниматься. Недозволены въ это время въ Уралѣ только невода и переставы и постоянно запрещенные крючья, какъ могущіе перенимать рыбу. Это свободное рыболовство начинается обыкновенно съ половины января (въ 1851 году напримѣръ съ 12-го), иногда же только съ начала февраля (въ 1850 г. съ 3 февраля). Для выставки сижей остаются тѣже правила, какъ въ ловѣ ими выше Бородина ввоза, съ тою лишь разницею, что сижы не должны становиться ближе одна къ другой, какъ на 100 сажень.

Одновременно съ этими ловами по Уралу, разрѣшается желающимъ тянуть неводами по полоусымъ старицамъ. Въ этомъ неводномъ ловѣ принимаетъ обыкновенно участіе на пространствѣ выше Каленовскаго форпоста войско, возвращающееся съ большаго багренья.

Наблюденіе за порядкомъ всѣхъ этихъ лововъ поручается форпостнымъ начальникамъ. Окончиться должны они: на пространствѣ отъ Уральска до Кулагиной крѣпости ($333\frac{1}{4}$ вер. ниже Уральска) къ 1 марта, а отъ Кулагиной до Гурьева къ 15 февраля; выше же Уральска ловъ производится до вскрытія льда.

22. *Благовѣщенское багренье.* Передъ праздникомъ Благовѣщенія дозволяется, въ продолженіи двухъ или трехъ дней, багрить отъ Старой Ямы до Каленовскаго форпоста и въ тоже время тянуть неводами по затонамъ и полоусымъ старицамъ. Въ 1848 году это багренье производилось 22 и 23 марта, въ 1849—23 и 24, въ 1852—21 и 22, въ 1854—24 марта, тянули же невода съ 22 числа до вскрытія льда. Этотъ ловъ учрежденъ преимущественно для того, чтобы Уральцы, во всей строгости соблюдающіе посты, могли имѣть свѣжую рыбу къ празднику Благовѣщенія, когда употребленіе ея разрѣшается церковью. Въ продажу изъ улова этихъ дней ничего не идетъ.

23. *Ловъ у Уральскаго учуга.* Ловъ выше Уральска становится совершенно свободнымъ не съ самаго учуга, а съ Бородина ввоза, лежащаго въ нѣсколькихъ верстахъ выше Уральска. На этомъ свободномъ пространствѣ назначаетъ Войсковая Канцелярія время начала только для лова сижами, о которомъ упомянуто выше; въ остальное же время для лова въ немъ никакихъ правилъ не существуетъ, за исключеніемъ запрещенія переставовъ и крючковъ, какъ преграждающихъ ходъ рыбы вверхъ. Мы видѣли также, что иногда отодвигали этотъ свободный ловъ еще выше Бородина ввоза. О немъ особеннаго нечего сказать. Отъ учуга же до Бородина ввоза ловъ вообще запрещенъ и производится всякій разъ лишь съ разрѣшенія Атамана. Способъ производства его совершенно особенный и заслуживаетъ по этому подробнѣйшаго описанія, хотя самъ по себѣ онъ ничтоженъ.

Когда уже стемнѣетъ, то два водолаза, изъ числа находящихся при забойкѣ, раздѣвшись, входятъ въ воду съ лѣваго берега, который тутъ обрывистъ. У каждаго изъ нихъ по *абрашкѣ*, т. е. по желѣзному крючку на желѣзной же рукояткѣ, четверти въ полторы длиною; на конецъ рукоятки навинчена, свободно вертящаяся, гайка, къ которой прикрѣплена ременная петля. Какъ только глубина станетъ больше человѣческаго роста, то одинъ изъ водолазовъ ныряетъ и идетъ по дну, держась лѣвою рукою за колья кошака. Правая рука, которою онъ держитъ абрашку за рукоятку, между тѣмъ какъ ремень ея надѣтъ на три или на четыре пальца, у него вытянута. Какъ только какая нибудь рыба,

сплывающая къ учугу всегда хвостомъ, т. е. головою противъ теченья, коснется его или, вообще, близко къ нему подплыветъ, то онъ быстро ударяетъ ее крючкомъ и выпускаетъ изъ рукъ рукоятку абрашки, такъ чтобы она держалась только на ременной петлѣ, надѣтой на пальцы. Рыба сильно бьется, но не можетъ выдернуть у него изъ руки абрашку, ибо ремень вертится вмѣстѣ съ гайкой свободно во всѣ стороны. Поймавъ рыбу, онъ тотчасъ выныриваетъ, продолжая держаться лѣвою рукою за кошакъ. Въ это время съ ѣдущей за нимъ лодки, которую тянутъ, перебираясь по кольямъ кошака, берутъ у него изъ рукъ обрашку и втаскиваютъ рыбу въ лодку. Другой водолазъ, пока первый ныряетъ, плыветъ за нимъ безъ малѣйшаго шума, не вынимая даже рукъ изъ воды. Какъ только первый вынернетъ, то второй ныряетъ; такимъ образомъ чередуются они, пока не дойдутъ по забойкѣ до того мѣста, гдѣ рѣка уже слишкомъ мелка, чтобы нырять. Нерѣдко выныриваютъ они, ничего не поймавъ. Ежели рыбы мало, то ее загоняютъ къ забойкѣ съ верху, переѣзжая Уралъ отъ лѣваго берега на правый въ лодкѣ, на которой жгутъ рогожи, горящія большимъ пламенемъ. Пугаемая свѣтомъ рыба плыветъ отъ него къ забойкѣ, гдѣ темно. Такимъ образомъ было поймано при мнѣ 4 осетра средней величины и 2 небольшихъ шипа. Этотъ ловъ описанъ въ довольно украшенномъ и преувеличенномъ видѣ г. Небольсиномъ (Библіотека для Чтенія за апрѣль 1855 года, статья ,,Уральцы“). Онъ говоритъ, что Уральцы достаютъ на выборъ какую имъ прикажутъ рыбу, осетра ли, бѣлугу ли, севрюгу ли или шипа, и притомъ икряную или яловую. Невозможность этого очевидна для всякаго, бывавшаго въ Уральскѣ, во первыхъ по тому, что для выбора тутъ нѣтъ достаточно рыбы, но берутъ что̀ случится, а во вторыхъ по тому, что вода въ Уралѣ вовсе не такъ прозрачна, чтобы можно было въ ней ясно разсмотрѣть быстро промелькивающую форму рыбы, тѣмъ болѣе еще, что ловъ этотъ производится обыкновенно вечеромъ. Сами водолазы сознавались мнѣ, что выбирать рыбу нѣтъ никакой возможности. Но, желая прихвастнуть передъ постороннимъ зрителемъ своимъ искуствомъ, они привязываютъ уже прежде пойманную рыбу въ извѣстныхъ мѣстахъ къ кольямъ кошака, и тогда, конечно, не мудрено ловить на выборъ. Такую штуку сдѣлали они и со мною, привязавъ уже напередъ однаго осетра, правда, не для того, чтобы показать какъ они ловятъ на выборъ, а просто, чтобы что нибудь навѣрное поймать, такъ какъ въ то время очень мало было рыбы за учугомъ. Я долженъ сознаться, что и не замѣтилъ бы этой уловки, если бы одинъ изъ присутствовавшихъ на ловлѣ, которому подобныя продѣлки, вѣроятно, хорошо были извѣстны, не обратилъ на нее моего вниманія.

Ловимая здѣсь рыба предназначается собственно для Атамана и для какихъ либо празднествъ, общественныхъ угощеній и т. п. Всего въ теченіи года поймается здѣсь съ сотню осетровъ, почти столько же шиповъ и нѣсколько бѣлугъ и севрюгъ.

D. ЭКСТРАОРДИНАРНЫЯ РЫБОЛОВСТВА.

24. Иногда, вслѣдствіе особливыхъ обстоятельствъ, открывается изобильный ловъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ его или вовсе не бывало, или гдѣ онъ былъ въ давно прошедшія времена. Въ такихъ случаяхъ казаки обращаются съ просьбою къ Войсковой Канцеляріи разрѣшить имъ производство рыболовства въ такихъ то мѣстахъ и въ такое то время. Мнѣ извѣстно два подобныхъ примѣра.

1. Въ 1854 году, при необыкновенно сильномъ разливѣ Урала, вода оставалась по низменнымъ

мѣстамъ степи на правой сторонѣ рѣки до зимы. Въ нихъ зашло и осталось множество черной рыбы. Казаки просили Войсковую Канцелярію дозволить имъ тянуть въ этихъ мѣстахъ неводами подо льдомъ, что̀ и было имъ разрѣшено. Это случилось не въ первый разъ въ 1854 году, а повторялось при всѣхъ сильныхъ разливахъ.

2. Въ 1854 же году просили казаки о дозволеніи ловить осенью въ Курхайскомъ морцѣ, гдѣ уже съ давнихъ временъ никакого лова не было, но куда, по причинѣ сильнаго водоразлитія, былъ переналъ воды и зашло много рыбы, тамъ и оставшейся. Войсковая Канцелярія поручила начальнику осенней плавни разузнать объ удобнѣйшемъ времени для этого лова до зимы, полагая что подо льдомъ въ мелкомъ морцѣ рыба задохнется. Но въ морцѣ оказалось до $2^1/_2$ сажень глубины, а такъ какъ, слѣдовательно, рыба не могла въ немъ скоро задохнуться, то казаки пожелали начать ловъ не ранѣе, какъ въ началѣ зимы по тонкому льду. Войсковая Канцелярія согласилась съ ихъ желаніемъ и приняла мѣры, чтобы ранѣе положеннаго срока ловить въ морцѣ не смѣли.

Е. ТЮЛЕНІЙ БОЙ.

25. Начало тюленьяго боя въ участкѣ моря, принадлежащемъ Уральцамъ, совпадаетъ съ началомъ морскаго рыболовства. Общественнымъ опредѣленіемъ отъ 28 августа 1816 года дано въ первый разъ разрѣшеніе на бой тюленя. Промыселъ этотъ, будучи производимъ неправильно, оказался маловыгоднымъ, а такъ какъ не только били тюленя, но и добывали его гонкою, загоняя съ большимъ шумомъ въ сѣти, то этимъ могли пугать рыбу и мѣшать ходу ея въ Уралъ. Этимъ тюленій промыселъ возбудилъ противъ себя мнѣніе казаковъ и былъ вскорѣ оставленъ. Въ 1843 году Войсковая Канцелярія, желая снова ввести его, представила объ этомъ тогдашнему военному Оренбургскому губернатору, генералу отъ инфантеріи Обручеву, со стороны котораго встрѣтила тѣже возраженія, какъ и противъ введенія осенняго Курхайскаго лова, опиравшіяся на существующее о немъ понятіе у казаковъ, именно, что тюленій бой мѣшаетъ входу рыбы въ Уралъ и что тамъ, гдѣ онъ происходитъ, рыбный промыселъ процвѣтать не можетъ. Послѣднее мнѣніе есть чистый предразсудокъ, который ничѣмъ не оправдывается и въ опроверженіе котораго достаточно привести въ примѣръ Синее морцо, гдѣ производится и значительный тюленій и значительный рыбный промыселъ и оба процвѣтаютъ, не мѣшая одинъ другому. Что же касается до перваго мнѣнія, то и его неосновательность очевидна для всякаго, кому извѣстно, съ какими предосторожностями и при какой тишинѣ происходитъ бой тюленя, который къ тому же бываетъ на островахъ, а потому ни какимъ образомъ ни пугать рыбы, ни мѣшать ея ходу въ Уралъ не можетъ. Это было выставлено на видъ Войсковою Канцеляріею и съ 1843 года тюленій бой былъ снова введенъ въ Уральскихъ водахъ. Для правильности его производства учреждена была компанія на слѣдующихъ, по моему мнѣнію, въ высшей степени благоразумныхъ основаніяхъ.

Всякій, принадлежащій къ войсковому сословію, имѣлъ право участвовать въ выгодахъ, доставляемыхъ тюленьимъ боемъ, записываясь ежегодно въ число членовъ компаніи не позже 8-го сентября и внося по 3 руб. сер. съ каждаго пая, на который имѣлъ право при раздѣлѣ. Изъ собранной такимъ образомъ суммы нанимались, необходимые при промыслѣ, суда и искусные забойщики, которыхъ вмѣстѣ съ главнымъ было 14 человѣкъ и всѣ изъ Уральскихъ же казаковъ. Распорядителемъ

всего промысла назначаемъ былъ начальникъ Гурьева городка, которому давалось два помощника и каждому изъ нихъ по три казака, съ платою симъ послѣднимъ по 20 р. сер. изъ собранной суммы. Остававшаяся за всѣми расходами сумма распредѣлялась между вносившими по расчисленію. Бой долженъ былъ производиться на островахъ: большомъ и маломъ Пѣшныхъ, Каменномъ, Камынинѣ и Чертовой шалыгѣ, начиная со второй половины сентября до того времени, пока около острововъ и шалыгъ море не покроется льдомъ. Убитаго тюленя должно было свозить на Гогольскую косу, или на другое удобное мѣсто, за исключеніемъ только косъ Стрѣлецкой и Мокрой и острова большаго Пѣшнаго. Запрещалось дѣлать склады убитаго тюленя на означенныхъ косахъ для того, чтобы разъѣздами не мѣшать входу рыбы въ Уралъ, а на Пѣшной для того, чтобы не пугать съ него тюленя. Гонка тюленя, то есть загонъ его шумомъ въ разставленныя сѣти, да и вообще всякое употребленіе сѣтей на этомъ промыслѣ строго запрещались, дабы не подать повода къ потаенному рыболовству. При самомъ боѣ на островахъ должна была быть соблюдаема всевозможная тишина.

По окончаніи боя, весь добытый тюлень свозился въ Гурьевъ и главный распорядитель промысла долженъ былъ продавать его выгодными цѣнами; если же не находилось покупщиковъ на мѣстѣ, а тюленя набито было болѣе 1000 пудовъ, то дозволялось отправлять его въ Астрахань съ однимъ изъ помощниковъ главнаго распорядителя, по выбору казаковъ, но если они того пожелаютъ, то и при повѣренномъ отъ нихъ. На ихъ издержки назначалось по 3 коп. сер. съ пуда отправляемаго тюленя. Вырученныя деньги дѣлились по паямъ такимъ образомъ: штабъ-офицерамъ по 4 пая, оберъ-офицерамъ по 3 пая, урядникамъ и простымъ казакамъ служащимъ по 2, а отставнымъ и малолѣткамъ, несущимъ повинность, по 1-му, вдовамъ же, имѣющимъ на воспитаніи дѣтей, а также чиновниковъ и урядниковъ, состоящихъ на внѣшней службѣ, по чинамъ мужей. Вдовамъ, проживающимъ съ сыновьями, имѣющими право участвовать въ компаніи, не полагалось паевъ, вдовамъ же бѣднымъ, не принадлежащимъ къ вышеозначеннымъ разрядамъ, по $^1/_2$ паю, а главному распорядителю въ вознагражденіе его трудовъ—12 паевъ и помощникамъ его по 10-ти. Ежели же почему либо продажа тюленя найдется неудобною, то добыча дѣлилась на тѣхъ же основаніяхъ натурою. Забойщики, если участвовали во взносѣ денегъ, могли, сверхъ приходившагося имъ по найму жалованія, получать и слѣдовавшее имъ число паевъ. Если тюлень вывозился изъ Гурьева куда либо, кромѣ Астрахани, то съ него должна была взиматься законная пошлина по 30 коп. сер. съ пуда.

Эта компанія существовала до 1848 года, принося значительныя выгоды казакамъ, въ ней участвовавшимъ. Въ 1843 году было 127 человѣкъ, въ 1844—235, въ 1845—168. Въ годъ бивали до 11,000 штукъ тюленя. Въ 1846 году случилось въ одну ночь на большомъ Пѣшномъ убить до 1,300 штукъ. Не смотря на все это, Войсковая Канцелярія, вопреки прежнему своему мнѣнію, нашла, что ловъ этотъ вредитъ рыболовству и запретила его, а съ тѣхъ поръ этотъ промыселъ болѣе не возобновлялся, по крайней мѣрѣ не возобновлялся на пользу всѣхъ желающихъ въ немъ участвовать.

F. ЛОВЪ ВЪ ДАЧАХЪ ИЛЕЦКИХЪ КАЗАКОВЪ.

26. Илецкіе казаки хотя и составляютъ часть Уральскаго войска, но находятся на совершенно отдѣльныхъ правахъ и въ общемъ владѣніи Ураломъ не участвуютъ. Они владѣютъ этою рѣкою лишь на пространствѣ верстъ 70-ти, отъ Бородинскаго форпоста до Мухрановской станицы,

и производятъ тутъ ловъ также съобща. Вообще ловъ этотъ маловаженъ и производится главнѣйше съ половины сентября по ноябрь крючковою снастью, начиная съ верховой части ихъ владѣній и спускаясь все далѣе и далѣе къ низу. Преимущественно ловится въ то время осетръ и шипъ небольшаго вѣса; ихъ поймаютъ въ осень пудовъ до 1000, которые тутъ же покупаются пріѣзжими купцами.

Изъ описанныхъ мною видовъ Уральскаго рыболовства видны во всей подробности всѣ утвердившіяся здѣсь обычаемъ правила его производства. Должно сказать, что эти правила не остаются только на бумагѣ, но, по большой части, исполняются во всей строгости на дѣлѣ. Однако въ него вкрались, преимущественно въ нѣкоторыхъ рыболовствахъ, значительныя злоупотребленія, о которыхъ я также считаю должнымъ упомянуть, во сколько они мнѣ сдѣлались извѣстны. Злоупотребленія эти двухъ родовъ: 1) злоупотребленія начальствующихъ лицъ—начальниковъ отдѣльныхъ рыболовствъ, клонящіяся ко вреду простыхъ казаковъ, и 2) злоупотребленія самихъ казаковъ.

1. *Злоупотребленія со стороны начальниковъ отдѣльныхъ рыболовствъ.* Мы ихъ разсмотримъ отдѣльно по каждому изъ рыболовствъ.

а) *На весеннемъ Курхаѣ.* Главныя злоупотребленія дѣлаются участными начальниками весенняго Курхайскаго рыболовства, съ полнаго вѣдома Войсковой Канцеляріи и Уральскаго Атамана, которому даются средства награждать безусловно преданныхъ и тѣмъ совершенно произвольно распоряжаться всѣми дѣлами войска.

Начальникъ Курхайскаго участка по праву можетъ выставить, какъ мы видѣли, 80 сѣтей въ 3 линіи на лучшемъ мѣстѣ, по собственному выбору, и сверхъ того участвовать въ ловѣ на общемъ основаніи. Не довольствуясь этимъ, они выставляютъ по 500, 600 и даже 700 сѣтей въ такъ называемыхъ *атаманскихъ мѣстахъ*, столь неизмѣнныхъ, какъ какое нибудь живое урочище, и начинающихся съ того мѣста, гдѣ оканчивается прибрежная отмель и глубина доходитъ до 6-ти футъ, до мѣстъ, гдѣ глубина дѣлается уже значительною. Мѣста эти слывутъ у казаковъ также подъ именемъ *воротъ*, потому что рыба, стремящаяся въ Уралъ, преимущественно избираетъ ихъ (съ лѣвой и съ правой стороны) для своего прохода. При описаніи Курхая было уже сказано, что только жеребьевые нумера считаются хорошими. На вопросы мои, какъ далеко отъ берега можно полагать жеребья еще выгодными, мнѣ отвѣчали, что верстъ на 15, но что по настоящему хорошими можно только считать тѣ мѣста, докуда хватаютъ атаманскія сѣти. Вслѣдъ за атаманами ставятъ свои сѣти помощники и берутъ въ свою пользу пространство по соразмѣрности съ мѣстомъ, захваченнымъ атаманомъ. Если положимъ, что начальникъ выставилъ 500 сѣтей, а помощникъ его въ половину, всего 750 сѣтей или 250 въ рядъ, то это составитъ (по 12 сажень на сѣть и по 1 сажени на промежутки) $6^{1}/_{2}$ верстъ, если же по 700 и 350, то 9 верстъ. Сколько же достанется послѣ этого хорошихъ нумеровъ на долю простыхъ казаковъ? Все это вполнѣ достовѣрно и въ приведенныхъ фактахъ, по моему убѣжденію, невозможно сомнѣваться. Ихъ никто даже и не скрываетъ,—они совершенно вошли въ обычай, и часто случалось мнѣ быть только ненамѣреннымъ слушателемъ разсказовъ объ этомъ предметѣ, вовсе не ко мнѣ относившихся. Со всѣмъ тѣмъ я основываю сказанное мною не на однихъ словахъ, но имѣю и численныя данныя изъ достовѣрнѣйшихъ оффиціальныхъ источниковъ. Въ 1846 году, когда начальникъ имѣлъ право на выставку только 40 сѣтей, а помощникъ его 20, было вы-

ставлено ими въ 1-мъ участкѣ 480 сѣтей, т. е. въ 8 разъ болѣе противъ положеннаго. Потому начальники весенняго Курхая получаютъ въ уловные годы на свою долю до 7000 севрюгъ, что̀, съ добываемою изъ нихъ икрою, клеемъ и вязигою, составитъ по меньшей мѣрѣ на 7000, а то такъ и на 10,000 р. сер. дохода. По этому назначаются въ эту должность по большой части члены Войсковой Канцеляріи и это считается большою наградою.

Кромѣ этого, допускаются начальниками Курхайскаго лова и другаго рода злоупотребленія, вслѣдствіе которыхъ большая часть остающихся, за атаманскими, хорошихъ мѣстъ достается богатымъ казакамъ. При метаніи жеребья собственно нѣтъ подлога или обмана; но богатый казакъ, дѣйствительный хозяинъ многихъ номинальныхъ артелей, имѣетъ много шансовъ получить одинъ или нѣсколько хорошихъ нумеровъ на какія либо изъ нихъ; на нихъ то они и приписываютъ полныя жеребьи и переводятъ своихъ довѣрителей или работниковъ, уменьшая число ихъ въ остальныхъ, не получившихъ хорошихъ нумеровъ, тогда какъ по правилу артели должны имѣть опредѣленный составъ еще до метанія жеребьевъ и послѣ этого не должны измѣняться. Мнѣ извѣстно также, что казаки приносили свои жалобы на такія злоупотребленія, но это оканчивалось обыкновенно наказаніемъ жаловавшихся, какъ ослушниковъ воли начальства.

На осеннемъ Курхаѣ дѣлается тоже, что̀ и на весеннемъ, но, по маловажности всего этого рыболовства, приноситъ несравненно меньшія выгоды, почему и начальниками его назначаются лица менѣе почетныя.

b) Второе рыболовство, по важности дѣлаемыхъ на немъ злоупотребленій, есть *зимнее неводное*. До дѣлежа рыбы по паямъ, участные начальники выбираютъ всю красную рыбу, которая и на этомъ ловѣ изрѣдка попадается, и крупнѣйшую изъ чёрной, такъ что въ дѣлежъ идетъ собственно одна лишь мелочь, которую почти не стоитъ иногда везти въ Уральскъ, и бываетъ, что пріѣзжіе купцы скупаютъ одни лишь начальническія доли и уѣзжаютъ, оставивъ все прочее самимъ казакамъ везти на продажу въ Уральскъ. На пай достается иной разъ не болѣе $1/4$ руб. сер., слѣдовательно за всѣ 6 паевъ неводному хозяину придется только 1 р. 50 к. сер. Злоупотребленія, дѣлавшіяся на этомъ рыболовствѣ, были столь значительны, что даже въ ежегодныхъ инструкціяхъ Войсковой Канцеляріи есть постоянно параграфъ, запрещающій начальникамъ выбирать себѣ лучшую рыбу.

c) *На осеннемъ неводномъ ловѣ* злоупотребленія начальниковъ состоятъ въ томъ, что вмѣсто 3-хъ неводныхъ тягъ, на которыя онъ имѣетъ право, именно по одной на каждомъ изъ трехъ ближайшихъ къ Гурьеву песковъ, они дѣлаетъ въ свою пользу по тягѣ на каждомъ изъ песковъ, которыхъ, какъ мы видѣли, обыкновенно около двадцати. Должно сказать, что на это казаки мало ропщутъ, потому что тутъ берется не изъ наловленной рыбы, а еще изъ рѣки. Сверхъ этого начальники, ѣздя съ песка на песокъ для осмотра, выпрашиваютъ себѣ красную рыбу, которую казаки, совѣстясь отказать въ просьбѣ начальника, обыкновенно прячутъ заблаговременно.

d) *На Севрюжьей плавнѣ* вмѣсто 6-ти положенныхъ начальнику ея плавковъ у каждаго рубежа, они дѣлаютъ ихъ гораздо большее число. Это тоже мало обижаетъ казаковъ, ибо главное войско по пройденному рубежу уже болѣе не ловитъ и, слѣдовательно, излишній выловъ дѣлается тутъ уже на счетъ казаковъ, рыбачущихъ сзади войска. Какъ на этомъ рыболовствѣ, такъ и на осенней плавнѣ дозволяютъ нерѣдко начальники, вопреки правиламъ, предписываемымъ инструкціями, заплывать впередъ, во время удара, давая тѣмъ нѣкоторымъ болѣе шансовъ къ хорошему улову, чѣмъ другимъ.

При осенней плавнѣ, сколько мнѣ извѣстно, другихъ злоупотребленій нѣтъ; единственныя же рыболовства, не представляющія вовсе повода ни къ какимъ злоупотребленіямъ, — багренье и аханный ловъ, которые поэтому и составляютъ еще любимые промыслы казаковъ,—первое верховыхъ, а второй Гурьевцевъ.

На зимнемъ Черхальскомъ ловѣ начальники берутъ себѣ лишнее число паевъ. Между тѣмъ какъ въ инструкціи на это рыболовство сказано, что начальнику его полагается по одному паю съ каждаго невода, а въ изустныхъ описаніяхъ этого рыболовства, въ отвѣты на мои распросы, говорили на различныхъ форпостахъ, что начальники получаютъ по 4 пая съ каждаго невода, не воображая, что этимъ выдаютъ бывающія у нихъ злоупотребленія, и вовсе не желая выдавать ихъ. Это происходитъ отъ того, что казакамъ не совсѣмъ извѣстны всѣ мелкія правила рыболовствъ, потому что имъ инструкціи не читаютъ, а если и читаютъ, то они ее не слушаютъ, считая всю инструкцію пустою формальностью, которая подтверждаетъ лишь то, что̀ у нихъ издавна ведется обычаемъ.

Гораздо важнѣе всѣхъ этихъ злоупотребленій, кромѣ развѣ Курхайскихъ, тѣ, которыя дѣлаются по поводу тюленьяго боя. Несмотря на оффиціальное запрещеніе его, оно производится тайно въ пользу начальника Гурьева Городка. Мнѣ, напримѣръ, положительно извѣстно, что уже послѣ закрытія тюленебойной компаніи билось въ иныс годы, преимущественно на Пѣшныхъ островахъ, до 3600 тюленій въ годъ. Полагая кругомъ по 2 пуда жиру въ тюленѣ и по 1 р. сер. только за пудъ его, получимъ, не считая самихъ шкуръ, 7200 р. сер. дохода. Расходъ простирается не свыше 1073 р. сер., такъ какъ люди, употребляемые на это, казенные разъѣздные. Если даже вычесть по 30 коп. съ пуда казенной пошлины, то все же еще болѣе половины означенной суммы будетъ чистымъ барышемъ. Это невольно заставляетъ сомнѣваться, не въ этомъ ли заключается истинная причина оффиціальнаго запрещенія боя тюленя, послѣ того какъ сама же Войсковая Канцелярія въ 1843 году находила всѣ доводы, приводимые противъ возобновленія его, неосновательными.

2. *Злоупотребленія со стороны казаковъ.* Они состоятъ въ ловѣ рыбы въ запрещенныхъ мѣстахъ, въ запрещенное время и запрещенными снастями. Не смотря на пикеты у прибрежья моря и разъѣзды, казаки занимаются тайнымъ ловомъ въ морѣ въ недозволенное время и даже въ заповѣдномъ пространствѣ противъ устьевъ Урала, преимущественно крючьями, откупаясь отъ объѣздовъ деньгами. Пойманную рыбу они обыкновенно продаютъ своимъ же казакамъ, конечно, за дешевую цѣну. Крючья, ими употребляемые, достаютъ они, выдирая выставляемые Астраханцами въ ихъ же водахъ, а иногда и сами крадутъ ихъ изъ Эмбенскихъ водъ. Точатъ они ихъ на Гогольской косѣ, или пріѣзжаютъ для этого на суда къ Астраханцамъ же, за Эмбенскую грань, наблюдая лишь, чтобы привозимые ими крючья, не принадлежали тому хозяину, на чье судно они пристаютъ, ибо Эмбенцы имѣютъ обыкновеніе замѣчать каждый свои снасти посредствомъ разнаго рода узловъ, дабы имѣть возможность различить ихъ, если буря сорветъ ихъ съ своего мѣста, унесетъ и перепутаетъ съ чужими.

Чтобы скрыть, гдѣ поставлена снасть, они, наученные примѣромъ Астраханцевъ, не дѣлаютъ съ верху никакихъ значковъ, по которымъ бы могли сами узнавать мѣста ихъ выставки, а употребляютъ для этого особливое средство. Замѣтивъ приблизительно мѣстность, гдѣ они положили свои крючья, они привязываютъ сзади лодки гирю на длинной веревкѣ, которая, волочась по дну, зацѣп-

ляетъ за снасть и тѣмъ обнаруживаетъ ея присутствіе. Но это остроумное средство—обоюдоострый ножъ, ибо даетъ возможность и осмотрщикамъ находить потаенные порядки крючьевъ.

Верховые казаки, весьма сильно заботящіеся о томъ, чтобы море передъ устьями Урала не заставлялось никакими снастьми, приписывая, между прочимъ, и этому оскудѣніе рѣчнаго лова, всегда жалуются на потаенный ловъ Гурьевцевъ. Для удостовѣренія въ справедливости этихъ жалобъ, посылаются ежегодно ревизоры, которымъ дѣйствительно удается большею частію выдирать изъ воды крючковую снасть. Гурьевцы оправдываются въ этихъ случаяхъ тѣмъ, что эти снасти заносятся къ нимъ бурями изъ Эмбенскихъ и Юсуповскихъ водъ, гдѣ они общеупотребительны. Дѣйствительно, зимою такіе относы снастей легко могли бы случаться, ибо, будучи утверждены концами на льду, они уносились бы вмѣстѣ съ льдинами. Но зимою въ Эмбенскихъ водахъ никто не ловитъ, въ Юсуповскихъ же если и ловятъ, то только близъ береговъ, гдѣ относовъ не бываетъ. Лѣтомъ же, кажется мнѣ, весьма трудно, чтобы крючковую снасть могло далеко унести, ибо если она и оборвется, то должна перепутаться и, зацѣпляясь безпрестанно за дно, скоро зарыться въ илъ, песокъ или ракушу. Во всякомъ случаѣ, если и несомнѣнно, что потаенный ловъ крючками въ Уральскихъ водахъ и производится не одними лишь Астраханцами, но и самими Уральцами, то однако же только какъ довольно рѣдкое исключеніе и въ столь незначительныхъ размѣрахъ, что не можетъ имѣть никакого ощутительнаго вліянія на входъ рыбы въ Уралъ.

Въ самомъ Уралѣ въ лѣтнее время, когда всякій ловъ запрещенъ, кромѣ лова простыми удочками, на которыя красная рыба никогда не попадается, казаки также попадаются въ тайномъ ловѣ большими удочками, т. е. крючками, прикрѣпленными на веревкахъ по нѣсколько штукъ къ кольямъ, вбитымъ въ дно. Но на это рѣшаются весьма рѣдко при строгости надзора и наказанія. Такъ въ 1850 году одинъ казакъ за такой ловъ былъ отставленъ отъ занимаемой имъ должности и высѣченъ розгами на базарѣ.

Для совершеннаго прекращенія этого лова были неоднократно дѣлаемы публикаціи о томъ, чтобы никто не смѣлъ держать у себя запрещенныхъ орудій лова, ни подъ какимъ предлогомъ, и чтобы тѣ, у которыхъ они есть, выдавали ихъ форпостнымъ начальникамъ, подъ опасеніемъ строгаго взысканія, когда послѣ этого, при имѣющемъ быть осмотрѣ, они у кого либо найдутся.

Чтобы окончить описаніе Уральскаго рыбнаго хозяйства, мнѣ остается еще сказать объ употребительныхъ способахъ приготовленія рыбы и ея продуктовъ, о способахъ сбыта и о расходахъ, сопряженныхъ здѣсь съ рыбнымъ промысломъ.

Приготовленіе рыбы и ея продуктовъ.

Большихъ особенностей въ приготовленіи рыбы и икры въ Уральскихъ водахъ, противу способовъ, употребительныхъ въ Астрахани, нѣтъ. Но такъ какъ тутъ нѣтъ ни ватагъ, ни плотовъ, ни особливыхъ мастеровъ для выдѣлки икры и клея, то всякій, поймавшій самъ же и выдѣлываетъ свою добычу, или же тотчасъ продаетъ свой уловъ купцамъ, которыя слѣдуютъ за войскомъ во время лововъ и которые уже занимаются посоломъ и вообще приготовленіемъ рыбы. Поэтому здѣшняя икра вообще хуже ватажной Астраханской. Рыба же, такъ какъ она сама по себѣ лучшаго качества, чѣмъ волжская, цѣнится дороже, по крайней мѣрѣ, въ свѣжемъ видѣ. По отдѣльнымъ рыболовствамъ замѣчаются тутъ слѣдующія особенности.

Во время Курхайскихъ лововъ солятъ красную рыбу на судахъ, разстилая для этого рогожи, также какъ дѣлаютъ Эмбенцы. Большихъ бѣлугъ разрѣзаютъ на части, чтобы рыба лучше могла просолиться. Во время севрюжьей и осенней плавни, рыболовствующіе казаки обыкновенно сейчасъ же продаютъ пойманную рыбу ѣдущимъ вслѣдъ за войскомъ купцамъ, которые солятъ ее тутъ же на возахъ.

Балыковъ дѣлаютъ мало и только изъ рыбы, пойманной на весеннемъ Курхаѣ и на севрюжьей плавнѣ. Этимъ занимаются для продажи богатые казаки, скупающіе рыбу. Для собственнаго же употребленія заготовляетъ ихъ почти каждый казакъ. Большею частью балыки эти весьма посредственны. Только немногіе изъ торговыхъ казаковъ, какъ напримѣръ Щелоковъ, дѣлаютъ въ небольшомъ количествѣ балыки отличнаго качества, далеко превосходящіе Астраханскіе и едва ли уступающіе Донскимъ.

Свѣжею идетъ рыба только съ багренья и аханнаго лова (черная рыба и съ другихъ зимнихъ рыболовствъ). На багреньи, на которомъ пойманную рыбу сейчасъ же скупаютъ купцы, распластываютъ одну икряную рыбу, причемъ выдираютъ изъ нея клей и вязигу; яловую же не порютъ, а оставляютъ въ ней и клей и вязигу, дабы не портить вида. На аханномъ ловѣ распластываютъ и яловую (по большей части бѣлугъ) и выдираютъ изъ нея клей и вязигу.

Икра паюсная Уральская хуже Астраханской, потому что нельзя приготовлять ее съ такимъ тщаніемъ какъ на ватагахъ, куда свозится рыба въ большомъ количествѣ, такъ что разомъ набиваются цѣлыя бочки, и гдѣ особливые мастера имѣютъ всю нужную снаровку и знаютъ въ точности какую пропорцію соли должно употребить, смотря по времени года. На Уралѣ же, особливо во время обѣихъ плавней, купцы тутъ же въ полѣ выдѣлываютъ икру и часто нѣсколько дней набиваютъ одну бочку, въ которой поэтому икра выходитъ сборная, не одинаковаго засола. Отъ этого икра эта не можетъ долго сохраняться, не портясь, и не имѣетъ, какъ говорятъ, прочности. Икра, выдѣлываемая въ морѣ на судахъ, особливо богатыми казаками, ловящими много рыбы, лучше рѣчной и гораздо лучше Эмбенской. Самая зернистая знаменитая багренная икра не можетъ выдержать сравненія съ Астраханскою, такъ называемою конторскою, т. е. ватажною. Слава ея въ торговлѣ утвердилась должно быть съ тѣхъ поръ, когда въ Астрахани еще не было ватажнаго производства, начавшагося лишь съ конца прошедшаго столѣтія. При поспѣшности багреннаго лова и при выдѣлкѣ икры на холодѣ въ полѣ, ей нельзя хорошо стекать, отъ чего обыкновенно, какъ только она согрѣется и оттаетъ, отдѣляется у ней жижа отъ зеренъ, да и самыя зерна бываютъ мятыя. Къ тому же, для придачи вѣса, купцы нерѣдко подкладываютъ въ нее снѣгу или кусковъ льда. Исключеніе по превосходному своему качеству составляетъ идущая ко двору презентная икра, которая и приготовляется извѣстнымъ мастеромъ и въ особливомъ для этого устроенномъ строеніи, а не на холоду.

Черную рыбу распластываютъ по спинѣ и, оставляя въ ней икру и молоки, солятъ на возахъ. На 35 пудовъ рыбы употребляютъ отъ 10 до 12 пудовъ соли, послѣ чего, когда стечетъ вытянутый солью изъ рыбы разсолъ, остается всего рыбы и соли не болѣе 30 пудовъ. Такимъ образомъ посоленная она и идетъ въ продажу, ибо здѣсь нѣтъ, какъ на Волгѣ, обыкновенія соленую черную рыбу еще провяливать на солнцѣ. Можетъ быть, что самый способъ соленія на возахъ замѣняетъ отчасти провяливаніе.

Соленая рыба, купленная купцами во время лова, по мѣрѣ наполненія возовъ, тотчасъ же отвозится въ Уральскъ, та же, которую казаки сами солятъ остается на нѣкоторое время у нихъ по домамъ. Такъ какъ ни въ Уральскѣ, ни въ Гурьевѣ, ни по форпостамъ ледниковъ или выходовъ нѣтъ, то рыба и стоитъ все время на возахъ подъ навѣсами. Казалось бы, что это должно нѣсколько вредить ея качеству, однако я полагаю, что способъ храненія ея на возахъ, при которомъ тузлукъ стекаетъ, но достаточное количество соли остается еще въ рыбѣ, содѣйствуетъ хорошему сохраненію ея, такъ какъ тутъ не можетъ заводиться дурнаго запаха и гнили, какъ въ ларяхъ, въ которые въ образовавшійся разъ тузлукъ по нѣскольку разъ кладутъ новую рыбу и которые рѣдко чистятъ. Всего же болѣе содѣйствуетъ сохраненію Уральской рыбы то, что ловъ и соленіе происходятъ здѣсь только весною и осенью; жаркаго же лова, доставляющаго всегда рыбу самаго дурнаго качества, здѣсь вовсе не существуетъ. Извѣстно, что въ большія жары, по выраженію промышленниковъ, и соль рыбу не беретъ, т. е. что разложеніе идетъ въ ней быстрѣе, чѣмъ соль успѣваетъ оказывать свое противугнилостное дѣйствіе.

СПОСОБЫ СБЫТА И ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЯ ЦѢНЫ НА РЫБУ И ЕЯ ПРОДУКТЫ.

На разныхъ видахъ Уральскаго рыболовства существуютъ и различные способы сбыта.

На Курхаѣ свозятъ уловленную и приготовленную уже на судахъ рыбу въ Ракушечью пристань, а отъ туда уже сухопутьемъ въ Гурьевъ, гдѣ ее и покупаютъ купцы, какъ иногородніе, нарочно для этого туда пріѣзжающіе, такъ и торговые казаки, и везутъ въ Уральскъ, для чего нанимаютъ казаковъ же. Цѣна на рыбу на весеннемъ Курхаѣ 1856 года была: севрюгѣ отъ 23 до 40 р. сер. за 100 штукъ (по 23 руб. продавался лишь бракъ). Осетра и бѣлуги ловится на этомъ рыболовствѣ очень мало. Икра стоила отъ 10 до 12 р. сер. за пудъ (*), клей по 2 р. 50 к. с. фунтъ и вязига около 35 коп. фунтъ.

Во время весенней плавни купцы ѣдутъ за войскомъ и тутъ же, по мѣрѣ того, какъ кто что̀ поймаетъ, скупаютъ одни рыбу, другіе икру. Для нагрузки товара идутъ съ ними, нанятые большею частію у казаковъ же, воза, которые всегда нанимаются до извѣстнаго форпоста, въ той надеждѣ, что къ тому времени, какъ рыбачущее войско до него дойдетъ, они уже успѣютъ наполнить эти воза, такъ что ихъ можно будетъ обратно отправить въ Уральскъ. Конечно, расчеты эти иногда и не удаются, именно при дурныхъ заловахъ, такъ что часть возовъ приходится отправлять пустыми, по уплатѣ имъ по уговору. Цѣна опредѣляется рыбѣ на счетъ, обыкновенно на десятокъ, не на вѣсъ, а просто на взглядъ. Хотя бы покупалось двѣ, три рыбы, все таки торгуются о цѣнѣ на десятокъ. При этомъ осетра считаютъ за 2 или за $1\frac{1}{2}$ севрюги. Бѣлугъ болѣе продаютъ на вѣсъ, опредѣляемый, впрочемъ, также на взглядъ. Икру оцѣниваютъ отдѣльно, также на взглядъ, и продаютъ сырьемъ, то есть какъ она въ рыбѣ, предоставляя выдѣлку ея уже покупщикамъ. Даютъ до $1\frac{1}{2}$ цѣлковыхъ за право выпороть икру изъ севрюги, послѣ чего мясо продается другому купцу. У бѣлугъ же выдираютъ ястыки и вѣшаютъ вмѣстѣ съ пробойкой. Въ послѣдніе годы стали, однако, и севрюжью, и осетрью икру болѣе продавать на вѣсъ. Средняя цѣна севрюги на этомъ рыболовствѣ

(*) Въ этомъ же году продавалась въ Астрахани даже Эмбенская икра по 13 р. сер. за пудъ. На Эмбѣ же скупали ее купцы отъ 9 до 11 р. с.

будетъ отъ 30 до 40 к. сер., осетра отъ 70—85 к. с. за штуку, а бѣлуги отъ 65—85 коп. сер. за пудъ, икры отъ 8 до 9 р. сер. пудъ сырьемъ. Впрочемъ, какъ для рыбы, такъ и для икры, она мѣняется по рубежамъ, смотря по уловамъ. При этомъ надо замѣтить, что обыкновенно цѣна на рыбу уменьшается по мѣрѣ приближенія къ морю, что̀ зависитъ какъ отъ изобильнѣйшихъ уловов, такъ и отъ наступленія болѣе жаркаго времени. Самая же дорогая цѣна на икру бываетъ въ серединѣ лова, въ началѣ же и къ концу она дешевле. Такъ въ 1849 году цѣна доходила за 100 штукъ севрюги на первыхъ рубежахъ отъ 50 до 57 р. сер., къ Гурьеву же она низошла до 23 и даже до 20 р. сер. Бѣлугъ продавали (конечно, въ началѣ лова, ибо послѣ онѣ уже не ловятся) отъ 50 до 71½ коп. сер. за пудъ. Икра стоила отъ 12 р. 60 коп. до 7 р. сер. пудъ (цѣны вездѣ означены здѣсь на икру сырьемъ). Въ 1850 году цѣна на севрюгу, начиная отъ 31 р. сер. за сотню у Харькинскаго форпоста, дошла у Гурьева до 20 р. сер. Бѣлуги продавались отъ 57 до 85½ коп. с. за пудъ, икра отъ 8 и 9 р. сер., а за икру изъ десятка икряныхъ севрюгъ до 6 р. 28 коп. сер. Клей продавался по 102 р. 85 коп. сер. пудъ, вязига по 11 р. 42 коп. пудъ. Въ 1851 году продавали отъ 37 до 30 р. сер. за сотню севрюгъ, икру 8—10 р. сер. пудъ. Въ 1852 году брали отъ 50 и 55 р. сер. за сотню севрюгъ (у Каленовскаго форпоста) до 20 и 22 р. сер. (у Кандауровскаго форпоста), а за икру отъ 10 до 7 р. сер. пудъ. Въ 1853 году цѣна за 100 севрюгъ держалась между 30 и 35 р. сер.; пудъ бѣлужины стоилъ кругомъ 86 к. сер., а пудъ икры отъ 7 до 10 р. 10 коп. сер. За 1854 годъ я не имѣю цѣнъ, бывшихъ во время севрюжьей плавни. Въ 1855 году сотня севрюгъ на среднихъ рубежахъ стоила отъ 25 до 30 р. сер., икра же отъ 10 р. до 11 р. 71 коп. сер. пудъ.

Во время осенней плавни продажа рыбы и икры происходитъ такимъ же образомъ, съ тою лишь разницею, что тутъ торговля идетъ правильнѣе, ибо во время дневокъ дѣлаются базары, на которыхъ на рубежѣ покупаютъ купцы у казаковъ на канунѣ ими наловленное, тогда какъ весеннею плавнею кто что̀ гдѣ поймаетъ, то тутъ же и продаетъ, не въ одномъ какомъ либо опредѣленномъ мѣстѣ, а по всему пространству, на которомъ происходитъ дневной ловъ. Осенью дѣлается это иначе, потому что, во первыхъ, холодное время года позволяетъ долѣе хранить рыбу не посоленною, и, во вторыхъ, потому что при ловѣ, который идетъ ударами, все войско скучено и тутъ некогда приставать къ берегу и торговаться.

На осенней плавнѣ цѣны гораздо выше, чѣмъ на весенней: икра продается до 14 р. сер. за пудъ, осетръ до 4 р. сер. за пудъ, а севрюга отъ 3 до 3 р. 50 к. сер. Тутъ цѣны не уменьшаются, по мѣрѣ приближенія къ морю, ибо холодное время года подымаетъ на нее цѣну. Притомъ же, лежа на ятовяхъ, она осенью равномѣрнѣе распредѣлена по Уралу, чѣмъ весною, такъ что нельзя сказать, чтобы нижніе уловы значительно превышали верхніе.

Съ аханнаго рыболовства, какъ и съ Курхаевъ, рыба свозится въ Гурьевъ, куда на это время также поѣзжаютъ купцы, нѣкоторые же богатѣйшіе аханщики и сами отвозятъ ее въ Уральскъ. Севрюга продается тутъ до 3 р. 40 к. с. пудъ, осетръ до 5 р. 15 к. сер., а бѣлуга, составляющая здѣсь главную массу улова, измѣняется въ цѣнѣ отъ 2 до 3 р. 50 к. сер.

На багреньи рыба скупается точно также, какъ на весенней плавнѣ, то есть по мѣрѣ того, какъ ловится, всегда на взглядъ. Купцы, имѣющіе въ этомъ большой навыкъ, разсчитываютъ глазомѣрно количество икры въ рыбѣ и такимъ образомъ оцѣниваютъ ее. При этомъ икряную рыбу

только не много взрѣзываютъ, чтобы посмотрѣть не испортившаяся ли въ ней икра, что иногда случается. Цѣна на багреньи выше, чѣмъ на всѣхъ прочихъ рыболовствахъ. Осетръ продается рублей по 6 серебромъ пудъ; но ежели онъ вѣситъ болѣе 3 пудовъ, то цѣна за пудъ увеличивается до 8 р. сер. Севрюгѣ цѣна отъ 4 до 5 р. сер. пудъ, икрѣ же до 23 р. сер. пудъ.

Вся рыба, на какомъ бы рыболовствѣ ни была поймана, везется, какъ было уже сказано выше, непремѣнно въ Уральскъ, откуда уже развозится по Россіи и, при вывозѣ, соленая рыба и икра пошлиною оплачивается, свѣжая же только перевѣшивается, за что также опредѣленъ небольшой вѣсовой сборъ. Изъ этого правила два только исключенія, именно: 1) клей и вязигу дозволяется прямо вывозить изъ Гурьева въ Астрахань и 2) рыбу съ Узеней везутъ прямо оттуда въ Саратовъ и Самару, не привозя предварительно въ Уральскъ, что составило бы совершенно лишній провозъ. Для очистки ея пошлиною устроена тамъ особливая застава отъ откупщиковъ солянаго сбора.

Такъ какъ провозъ рыбы до Уральска, даже той, которая на мѣстѣ лова уже куплена у казаковъ, производится почти исключительно самими же казаками, то и это составляетъ для нихъ статью дохода.

Черная рыба во время обѣихъ плавней обыкновенно тотчасъ же покупается купцами; но остается на разныхъ форпостахъ и потомъ уже въ свободное время перевозится казаками въ Уральскъ. Она всегда продается на пуды. Съ Черхальскаго морца и съ Узеней, равно какъ и съ запорныхъ лововъ, казаки всегда сами возятъ рыбу на продажу; Узенскую рыбу они прямо развозятъ по разнымъ мѣстамъ Саратовской и Самарской губерній, не завозя ее въ Уральскъ. Цѣна на черную рыбу много измѣняется по годамъ и по сортамъ ея, именно:

Сазанъ свѣжій отъ 50 и 60 коп. сер. до 1 руб. 50 и даже до 1 руб. 70 коп. сер. пудъ.
„ соленый отъ 21½ коп. сер. до 86 коп. сер. (*).
Судакъ свѣжій отъ 30 и 40 коп. сер. до 60 и 70, а въ дорогіе годы и до 1 руб. 43 коп. сер.
„ соленый отъ 30 и 35 коп. сер. до 50 и даже до 71½ коп. сер.
Лещъ свѣжій отъ 43 коп. сер. до 71½ коп. сер. и даже до 1 руб. 15 коп. сер.
„ соленый отъ 23 и 28 коп. сер. до 57 и 60 коп. сер.
Вобла и Чехонь свѣжія отъ 9 до 15 и 20 и даже до 57 коп. сер.
„ „ соленыя отъ 4 до 6 и 9 и даже до 20 коп. сер.
Щука свѣжая отъ 23 коп. сер. до 58 коп. сер. (ее не солятъ).
Карась (преимущественно ловимый на Узеняхъ) свѣжій отъ 28 до 45 и даже до 86 коп. сер. пудъ.

Самыя дорогія изъ означенныхъ цѣнъ на соленую черную рыбу были весною 1856 года, когда по дороговизнѣ овса и по тому, что два полка казаковъ было на внѣшней службѣ сверхъ обыкновеннаго комплекта, мало было рыболовствовавшихъ на Черхальскомъ морцѣ и на Узеняхъ.

РАСХОДЫ НА РЫБОЛОВСТВО.

Такъ какъ у Уральцевъ нѣтъ заведеній ни для приготовленія рыбы (плотовъ), ни для храненія ея (выходовъ, магазиновъ и амбаровъ), нѣтъ многочисленныхъ прикащиковъ и конторщиковъ, а

(*) Эта послѣдняя цѣна была, напримѣръ, весною 1856 года.

сами они большею частью и хозяева и работники, и такъ какъ притомъ и соль у нихъ не обложена пошлиною—почти даровая, то расходы ихъ на рыболовство несравненно меньше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Ихъ можно подвести подъ слѣдующіе разряды: 1) покупка судовъ разныхъ величинъ и наименованій, или постройка ихъ домашними средствами и ремонтъ на нихъ; 2) покупка рыболовныхъ сѣтей или пряжи, изъ которой они сами ихъ дѣлаютъ, приготовленіе багровъ и вообще принадлежностей рыболовства; сюда же относится постройка запоровъ; 3) наемъ рабочихъ для тѣхъ рыболовствъ, гдѣ это дозволено; 4) заготовленіе овса для корма лошадей, во время зимнихъ лововъ; наконецъ 5) покупка соли, состоящая въ одной почти лишь платѣ за провозъ.

1. *Расходъ на суда и лодки.* Большія суда, то есть кусовыя лодки, употребляются только при весеннемъ и осеннемъ Курхайскихъ рыболовствахъ и то, какъ на баконахъ, такъ и въ вольныхъ водахъ, лишь на глуби. Такія суда имѣютъ только богатые казаки, занимающіеся морскою ловлею въ большихъ размѣрахъ. Они служатъ не исключительно для рыболовства, но и для торговли, состоящей въ покупкѣ муки въ Астрахани, какъ для собственнаго продовольствія, такъ въ еще гораздо бо̀льшихъ размѣрахъ для промѣна Киргизамъ на барановъ. Поэтому капиталъ, употребляемый на ихъ покупку и исправленіе, нельзя совершенно причислять къ расходамъ на рыболовство. Кусовая лодка стоитъ отъ 150 до 200 р. сер. Лодки меньшихъ размѣровъ полупалубныя или и вовсе безпалубныя, какъ тѣ, на которыхъ ѣздятъ на переборку снастей въ Астраханскихъ водахъ, называемыя подрасшивными, употребляются также только на Курхаяхъ и стоятъ отъ 30 до 50 р. сер. На самыхъ большихъ изъ нихъ также ѣздятъ въ Астрахань за мукою. Наконецъ бударки, употребляемыя на рѣчныхъ рыболовствахъ исключительно, а также въ морскихъ култукахъ и по прибрежью моря для переборки снастей, стоятъ отъ 8 до 10 руб. сер.

2. *Расходъ на рыболовныя орудія.* Здѣсь могутъ быть означены лишь торговыя цѣны сѣтей, ибо цѣну тѣхъ, которыя казаки сами вяжутъ въ свободное время, опредѣлить нельзя. Курхайская сѣть стоитъ, смотря по ширинѣ, отъ 60 до 90 коп. сер., аханъ отъ 30 до 50 коп. сер., плавная сѣть 2 руб. 30 коп. сер., именно заднее болѣе частое полотно 1 руб. 80 коп. и рѣжакъ 50 коп. сер., ярыга около 1 руб. 50 коп. сер. Неводъ изъ частой сѣти въ 6 саженъ шириною, считая конецъ въ 7 саженъ длиннику, то есть, полагая сажень на посадку, по 60 коп. сер., за 100 саженъ будетъ стоить 60 руб. сер., невода же меньшей ширины пропорціонально этому. Такимъ образомъ есть зимніе Черхальскіе невода, которые со всѣмъ приборомъ, т. е. грузилами, веревочными подборами и т. п., стоятъ не менѣе 1000 р. сер. Багоръ можно положить въ 5 коп. сер., много въ гривенникъ. О расходахъ на постройку запоровъ общаго ничего нельзя сказать. Въ своемъ мѣстѣ были приведены примѣры, чего они стоятъ.

3. *Расходы на наемъ рабочихъ.* Работники у Уральцевъ бываютъ болѣе изъ Киргизъ; они нанимаются или погодно, для исправленія различныхъ домашнихъ работъ и въ томъ числѣ и рыболовства, или же отдѣльно на извѣстное рыболовство. Тутъ можетъ быть рѣчь о наймахъ послѣдняго рода, потому что въ первомъ случаѣ невозможно опредѣлить, какая доля изъ получаемой работникомъ платы приходится ему за его труды по рыбной ловлѣ. Работнику, нанимаемому на Курхай или аханный ловъ, платятъ за все время лова: казаку до 17 р. сер., Киргизу же отъ 15 до 25 р. сер. Интересна причина, по которой Киргизамъ платятъ дороже. Гурьевцы объясняли мнѣ это такъ: Киргизъ все равно, что̀ лошадь: его заставляешь работать и днемъ и ночью, онъ и го-

лодъ и холодъ терпитъ, а своего брата казака совѣстно заставлять работать безъ устали. Къ тому же Киргизу даютъ одинъ ржаной хлѣбъ для приварокъ изъ рыбы, а казаку—что себѣ. На севрюжьей и осенней плавнѣ даютъ казаку (иногороднихъ тутъ нельзя имѣть) за путину отъ 14 и 15 р. сер. до 26 р. сер. (*). На осеннемъ и зимнемъ неводномъ платятъ отъ 2 до 3 р. сер.

4. *Расходы на заготовленіе корму для лошадей.* Когда казаки отправляются на зимніе ловы: багренье, аханный и черхальскій, то должны запасать съ собою для лошадей овесъ и это составляетъ дѣйствительный расходъ на рыболовство, ибо нельзя сказать, что лошади и дома ѣли бы овесъ. Имъ его не даютъ и рѣдко даютъ даже сѣно, большею же частію ходятъ онѣ, по мѣстному обычаю, зимою на тебеневкѣ, то есть, разрывая копытами снѣгъ, ищутъ себѣ сами подножный кормъ.

5. *Расходы на соль.* Соль у Уральскихъ козаковъ вольная. Имъ дано въ безпошлинное пользованіе Индерское соляное озеро, а единственные ихъ расходы на соль состоятъ лишь въ томъ, что не всякій самъ ее для себя заготовляетъ, но покупаетъ у другихъ казаковъ или у купцовъ, ѣдущихъ во время рѣчныхъ рыболовствъ вслѣдъ за войскомъ. При этомъ платятъ собственно за одинъ провозъ и пудъ обходится не дороже 3 коп. серебр. Для морскихъ лововъ въ Гурьевѣ также всегда бываетъ запасена соль.

Здѣсь будетъ у мѣста сказать нѣсколько словъ о добываніи соли изъ Индерскаго озера, на которомъ я имѣлъ случай быть. Озеро это меньше Элтонскаго и даже Баскунчатскаго; по словамъ казаковъ, сопровождавшихъ меня, оно имѣетъ до 12 верстъ въ длину и до 8 въ ширину. Рапы въ немъ еще меньше, чѣмъ въ Баскунчатскомъ озерѣ. Въ него вливается соляной источникъ, выходящій изъ подъ камней въ провальной ямѣ не болѣе, какъ въ $1/2$ верстѣ отъ своего устья. Вышедъ изъ подъ камней, онъ тотчасъ же опять скрывается подъ землею и, протекши 3 или 4 сажени какъ бы подъ мостомъ, снова выбивается наружу какъ изъ подъ свода. Вода въ томъ источникѣ на вкусъ почти столь же солона, какъ и рапа въ озерѣ, такъ что пить ее не возможно, даже какъ лекарство. Онъ издаетъ отъ себя сильный сѣрнисто-водородный запахъ и на днѣ его осѣдаетъ сѣра въ видѣ молочно-бѣлаго порошка. Кромѣ этого источника впадаетъ въ озеро широкимъ устьемъ еще рѣчка съ прѣсною водою, которая имѣетъ теченіе только весною, среди же лѣта въ ней нѣтъ ни капли воды. По словамъ казаковъ, другихъ притоковъ озеро это не имѣетъ. Отъ наносимаго этою рѣчкою песку, въ мѣстѣ ея впаденія, грунтъ твердъ, тогда какъ во всѣхъ прочихъ мѣстахъ, какъ это обыкновенно бываетъ около соленыхъ озеръ, прибрежье его топко и вязко. По устью этой рѣки въѣзжаютъ казаки на телегахъ въ озеро, для добыванія соли, до туда, гдѣ уже нѣтъ рапы, которой въ озерѣ такъ мало, что ея не достаетъ на прикрытіе всей поверхности ея, и она сгоняется вѣтромъ то къ тому, то къ другому краю его. Въѣхавъ на совершенно сухую соляную поверхность, они желѣзными лопатами соскабливаютъ вывѣтрившуюся на поверхности соль и наваливаютъ ее на воза. Здѣсь не ломаютъ ее кусками, какъ на Элтонѣ, ибо не имѣютъ нужды давать себѣ этого труда, такъ какъ эта поверхностная соль снѣжно-бѣлаго цвѣта и довольно мелка, такъ что при употребленіи ее не нужно разбивать. Соль, находящаяся подъ водою, особливо по стѣнкамъ такъ называемыхъ провальныхъ ямъ, наполненныхъ рапою,—вѣроятно соляныхъ

(*) Какъ въ наемной платѣ, такъ и въ цѣнѣ на рыбу попадаются въ среднихъ оцѣнкахъ по тому такія некруглыя числа, что все это опредѣляется на ассигнаціи, а уже мною переведено на серебро.

ключей питающихъ озеро,—состоитъ изъ большихъ весьма правильныхъ и явственныхъ кубовъ бѣлыхъ по большею частію непрозрачныхъ. На видъ индерская соль лучше и Элтонской и Баскунчатской, чему соотвѣтствуетъ и достоинство ея при соленіи рыбы. Часто казаки, желая забрать съ собою побольше соли, чтобы не возвращаться за нею еще разъ, наваливаютъ столько ея на свои воза, что лошади трудно бываетъ везти и они принуждены дорогою сбрасывать часть ея. Поэтому по всей дорогѣ къ озеру, которое лежитъ верстахъ въ 15 отъ Урала, разсыпаны кучи соли, показывающія какъ ничтожна здѣсь ея цѣнность.

Я показалъ здѣсь только, въ чемъ состоятъ издержки, которыя казаки должны употреблять для производства своего рыбнаго промысла, какъ того и требовалъ характеръ этого отдѣла. Исчисленіе же ихъ общей суммы, во сколько это возможно, найдетъ себѣ мѣсто въ статистическомъ отдѣлѣ, куда я отношу всѣ, могущіе быть выраженными въ числахъ, результаты Уральскаго рыболовства, разсматриваемаго, какъ составляющее одно общее хозяйство, и тѣ числовыя данныя, на которыхъ они основываются.

Разсмотрѣвъ въ отдѣльности всѣ стороны Уральскаго рыбнаго хозяйства: права казаковъ на участіе въ ловѣ, сроки и способы лова, дѣлежъ пойманной рыбы, способы приготовленія ея и сбытъ, наконецъ необходимые расходы на производство этого промысла, постараемся опредѣлить его экономическій характеръ въ двухъ главныхъ отношеніяхъ: добыванія и распредѣленія предлагаемаго природою богатства. Характеристическою чертою перваго будетъ: достиженіе наивозможно большаго улова при наивозможно легчайшихъ средствахъ и, по возможности, въ такое время года, когда добываемый продуктъ имѣетъ наибольшую цѣнность, однимъ словомъ—наивозможно полнѣйшее пользованіе дарами природы, слѣдовательно то именно, что должно составлять существенное стремленіе всякаго разумнаго хозяйства, если оно ограничивается пользованіемъ, предлагаемымъ природою, безъ заботы о сбереженіи и увеличеніи ея производительныхъ силъ.

Уралъ есть единственная въ мірѣ большая рѣка, исключительно предназначенная для рыболовства, которому принесены въ жертву всѣ прочія услуги, оказываемыя человѣку текучими водами. На немъ нѣтъ ни судоходства, ни сплава лѣсу (по крайней мѣрѣ ниже учуга), ни движимыхъ водою мельницъ. Во весь годъ нельзя почти увидать на немъ одной лодки, которая бы плыла не съ рыболовною цѣлью. Самый переѣздъ черезъ Уралъ весьма затрудненъ. На всемъ пространствѣ отъ учуга до моря, что составитъ около 500 верстъ по прямой линіи, съ извилинами же рѣки почти вдвое, устроенъ только одинъ мостъ у самаго Уральска и одинъ паромъ у Гурьева—два пункта, гдѣ бываетъ значительная мѣна съ Киргизами. Даже Гурьевскій паромъ возбуждаетъ негодованіе многихъ, которые считаютъ его вредящимъ входу рыбы въ Уралъ, потому что пугаетъ ее хлопаньемъ каната объ воду. Если нужно бываетъ переправиться черезъ Уралъ съ возами, какъ напримѣръ для отправленія весною на Черхальское морце, или для сѣнокошенія по заливнымъ мѣстамъ лѣваго берега, то связываютъ двѣ или три бударки, настилаютъ на нихъ вмѣсто помоста—плетень, а на носу и на кормѣ каждой бударки садится по человѣку съ короткими и широкими веслами, и паромъ готовъ. При такихъ, можно сказать, даже преувеличенныхъ предосторожностяхъ, рыба находитъ въ Уралѣ до поры до времени полное приволье и совершенные тишину и покой. Въ морѣ, противъ устьевъ Урала, существуетъ заповѣдное пространство, шириною верстъ въ 80, на которомъ никогда не ловятъ рыбы и гдѣ ей совершенно свободный ходъ.

Такимъ образомъ приняты всѣ мѣры, чтобы какъ можно болѣе входило рыбы въ Уралъ, гдѣ поймать ее и легче, и дешевле, и доступнѣе каждому, чѣмъ въ морѣ. И дѣйствительно, все, что̀ войдетъ въ Уралъ, вылавливается въ два срока, почти до чиста. Весною, когда рыба входитъ въ Уралъ съ тѣмъ, чтобы скоро уйти изъ него обратно въ море, выметавъ въ немъ лишь икру,—медлить нельзя, и мы видѣли, какъ севрюжьею плавнею и одновременнымъ съ нею ловомъ сзади войска она вся почти перехватывается на пути. Въ это время рыба, правда, дешева, да дѣлать нечего,—лова отложить нельзя, но за то много икры,—сравнительно больше, чѣмъ въ какое либо другое время года. Что̀ не вошло въ рѣку, то вылавливается, по возможности, въ морѣ, въ право и въ лѣво отъ устьевъ. Послѣ этого всякій ловъ прекращается въ морѣ до половины августа, въ рѣкѣ же до конца сентября.

Съ перваго взгляда это запрещеніе лова въ жаркое время года и строгое охраненіе устьевъ Урала могутъ показаться имѣющими еще болѣе достоинства, чѣмъ сколько имѣютъ его эти мѣры на самомъ дѣлѣ. Можетъ видѣть въ этомъ рѣдкій примѣръ предусмотрительной экономической мудрости, принимающей мѣры къ тому, чтобы источникъ богатства не оскудѣлъ и въ будущемъ, и жертвующей для этого частью настоящихъ выгодъ; можно подумать, что такое запрещеніе лова съ половины и даже съ начала іюня, при тщательномъ охраненіи устьевъ, имѣетъ цѣлью дать рыбѣ возможность метать икру. Такое понятіе объ этой мѣрѣ, особливо легко себѣ составить, если имѣть въ виду время метанія икры красною рыбою въ Волгѣ, гдѣ оно происходитъ съ конца іюня по конецъ іюля. Но, убѣдившись, что въ Уралѣ красная рыба мечетъ икру раньше и уже съ этою цѣлью въ іюнѣ уже болѣе не подымается въ рѣку, а главное—вникнувъ въ образъ производства севрюжьей плавни, мы должны будетъ оставить эту лестную для предковъ нынѣшнихъ Уральцевъ мысль. Въ установленіи правила не ловить рыбы въ лѣтніе мѣсяцы мысль о метаніи рыбою икры не имѣла ни малѣйшаго участія уже по тому, что по понятіямъ казаковъ, которыя они, безъ сомнѣнія, наслѣдовали отъ своихъ предковъ, красная рыба хотя и мечетъ икру въ Уралѣ, но какъ бы случайно,—по ихъ мнѣнію не здѣсь главное для этого мѣсто, а въ морѣ, по прибрежью; да притомъ же думаютъ они, что изъ выметанной въ рѣкѣ икры мальковъ не выходитъ, для чего будто бы нужно присутствіе солодковой воды взморья. Наконецъ, если бы даже казаки имѣли ясное и вѣрное понятіе о метаніи икры красною рыбою, то и въ такомъ случаѣ упущеніе части своихъ выгодъ, съ цѣлью благопріятствовать размноженію ея, было бы съ ихъ стороны неправильнымъ экономическимъ расчетомъ, а самопожертвованіемъ—несправедливостію къ самимъ себѣ, ибо они знаютъ и знали, что красная рыба не живетъ въ Уралѣ, а только на время входитъ въ него, какъ и во всѣ другія рѣки, и что, слѣдовательно, и выведшаяся въ Уралѣ рыба расходится по всему морю и, выросши, подымается по всѣмъ его притокамъ. Такимъ образомъ имъ не могло быть непонятнымъ, что своими оберегательными и охранительными мѣрами они принесли бы лишь пользу другимъ, сами участвуя въ ней лишь въ самой ничтожной степени и мѣняя вѣрное на невѣрное,—этого, конечно, ни требовать, ни ожидать отъ нихъ нельзя. И теперь введеніе охранительныхъ мѣръ, которыя бы содѣйствовали распложенію красной рыбы, лишь въ томъ случаѣ будетъ справедливо, когда распространится на всѣ притоки Каспійскаго моря.

Какая была цѣль введенія разсматриваемыхъ нами мѣръ въ Уралѣ и для чего такъ тщательно оберегаются устья его—мы уже видѣли. Что же касается до прекращенія лова въ лѣтнее время, то

цѣль этого состоитъ главнѣйше въ томъ, чтобы дать время рыбѣ улечься на ятовяхъ, дабы потомъ легче ее выловить и притомъ въ такое время, когда она будетъ имѣть большую цѣнность; опасности же, что она обратно уйдетъ въ море, какъ весною, теперь уже не существуетъ. Есть на это прекращеніе лова еще и другая, второстепенная побудительная причина. Въ іюлѣ и въ началѣ августа казаки занимаются кошеніемъ сѣна, которое, при обширности ихъ скотоводства, необходимо заготовлять въ большомъ количествѣ на зиму. Дозволеніе рыболовства въ это время или всѣхъ бы ихъ отвлекло отъ необходимаго для нихъ занятія сѣнокошеніемъ, или предоставило бы всѣ выгоды рыболовства въ это время въ руки лишь нѣкоторыхъ и преимущественно богатыхъ, которые могли бы заставить работниковъ косить на себя сѣно.

Съ наступленіемъ осени, въ теченіи ея и зимы Уралъ исподоволь вылавливается до чиста въ другой разъ; спѣшить при этомъ имъ не нужно. Въ это время рыба не уйдетъ обратно въ море, а учугъ обезпечиваетъ ихъ въ томъ, что она выйдетъ изъ ихъ владѣній и вверхъ по рѣкѣ. Что̀ осталось въ морѣ, то попадаетъ въ аханы. Такимъ образомъ Уралъ составляетъ какъ бы громадный вентерь, котораго крылья прибрежья моря и ряды сѣтей, выставляемыхъ вдоль баконныхъ линій. Что̀ въ этотъ вентерь вошло, то уже назадъ почти не возвращается, а составляетъ вѣрную добычу казаковъ. Каждая запорная старица въ отношеніи къ Уралу тоже, что̀ Уралъ въ отношеніи къ морю. Весною, при большой водѣ, когда рыбѣ свободный входъ и выходъ, вылавливаютъ по старицамъ, что̀ могутъ; но какъ только спадаетъ вода и открывается возможность отрѣзать ей отступленіе, то дѣлаютъ запоры. Все лѣто остается тутъ рыба нетронутою по тѣмъ же причинамъ, какъ и въ Уралѣ, и вылавливается зимою.

И такъ Уральцы вполнѣ достигаютъ цѣлей, которыя мы обозначили, какъ одну изъ характеристическихъ чертъ ихъ рыбнаго хозяйства: вылавливать изъ своихъ водъ наивозможно бо̀льшее количество рыбы, два раза въ годъ вычерпывая всю рыбу изъ Урала,—вылавливать ее самими легкими, дешевыми и доступными для каждаго средствами, покровительствуя преимущественно рѣчному лову охраненіемъ рѣчныхъ устьевъ,—наконецъ сохранять, во сколько лишь это возможно, рыбу какъ бы въ садкѣ до того времени, когда она получаетъ наибольшую цѣнность, запрещая лѣтній ловъ.

По отношенію къ распредѣленію улова, Уральское рыбное хозяйство представляетъ другую характеристическую черту, состоящую въ возможно равномѣрномъ пользованіи выгодами рыболовства всѣми казаками, съ отданіемъ преимущества тѣмъ изъ нихъ, которые несутъ государственную службу, такъ что тѣ, которые не находятся на ней въ дѣйствительности, пользуются преимуществами въ ловѣ, за что̀ вознаграждаютъ деньгами дѣйствительно служащихъ. Уральское рыболовство составляетъ такимъ образомъ въ сущности и въ понятіяхъ казаковъ матеріальное основаніе ихъ государственныхъ повинностей, точно такъ же, какъ для крестьянъ земля, распредѣляемая между членами сельскихъ общинъ. Какъ тутъ, такъ и тамъ несомая въ пользу государства повинность освятила коренной исконный обычай.

Равномѣрность въ распредѣленіи выгодъ между всѣми достигается различными способами, смотря по способамъ производства различныхъ видовъ рыболовства и по свойствамъ употребляемыхъ на нихъ орудій. На тѣхъ рыболовствахъ, какъ напримѣръ на багреньи, на обѣихъ плавняхъ и на аханномъ ловѣ, на которыхъ употребляются простыя орудія, какъ то: багоръ, бударка съ недорогою плавною сѣтью или ярыгою, или нѣсколько еще дешевѣйшихъ ахановъ, что̀ доступно по своей

цѣнѣ почти каждому, даже самому бѣдному, каждый беретъ себѣ изъ предлагаемаго природою долю, соотвѣтствующую его отважности, искуству, неутомимости въ работѣ или счастью. Богатство имѣетъ тутъ весьма мало значенія, ибо въ названныхъ рѣчныхъ рыболовствахъ всякое участіе рабочихъ не войсковаго сословія строго запрещено, на аханномъ же ловѣ хотя и дозволено, но очень ограниченно, а наемъ рабочихъ изъ казаковъ на всѣ эти рыболовства затруднителенъ, ибо всякій изъ нихъ имѣетъ не только право, но и возможность участвовать въ нихъ самостоятельно. На тѣхъ же рыболовствахъ, гдѣ употребляются дорого стоющіе невода, какъ на осеннемъ и зимнемъ неводныхъ, на обоихъ Черхальскихъ и на Узенскихъ, которые не всякій можетъ имѣть, уловъ дѣлится по паямъ, извѣстное число которыхъ, сверхъ приходящихся каждому за его трудъ при тягѣ, полагается тому, кто сдѣлалъ полезныя для всѣхъ издержки на неводъ. Опредѣленіе наибольшаго числа неводовъ, которые могутъ быть употребляемы, какъ при ловѣ въ запорныхъ старицахъ, или назначеніе числа рабочихъ, меньше котораго нельзя имѣть при неводѣ, какъ на осеннемъ и зимнемъ неводномъ и на Черхальскихъ ловахъ, полагаютъ границу числу или величинѣ паевъ, приходящихся на долю богатыхъ, то есть хозяевъ неводовъ, съ тѣмъ, чтобы паи эти могли доставаться большему числу казаковъ-работниковъ, участвующихъ въ ловѣ лишь однимъ своимъ трудомъ.

Только два вида морскаго рыболовства весенній и осенній Курхаи, образовавшіеся уже въ позднѣйшее время, когда правила устанавливались уже не чисто обычнымъ путемъ, на основаніи коренныхъ, всѣми раздѣляемыхъ понятій о пользованіи общею собственностію, сообразно выгодамъ большинства, не подходятъ, къ сожалѣнію, подъ эти народныя экономическія понятія, представляя слишкомъ много выгодъ богатымъ въ ущербъ бѣднѣйшимъ, о чемъ было сказано въ своемъ мѣстѣ. Поэтому и не любятъ ихъ казаки.

По всѣмъ вѣроятіямъ однако же, при установленіи правилъ Курхаевъ, не имѣлось въ виду намѣренно покровительствовать немногимъ богатымъ на счетъ остальныхъ. Это сдѣлалось само собою, вслѣдствіе измѣненій въ самомъ способѣ казацкаго рыболовнаго законодательства, ибо Войсковая Канцелярія—присутственное мѣсто, подобное всякому другому, не могло быть проникнуто прежнимъ духомъ казацкаго товарищества, руководившимъ ихъ мірскія сходки, или такъ называемые казацкіе круги, на которыхъ между прочими дѣлами, безъ сомнѣнія, были обсуживаемы, измѣняемы и наконецъ окончательно утверждаемы и ихъ рыболовныя постановленія.

Аханное рыболовство, также образовавшееся одновременно съ Курхайскимъ весеннимъ, избѣжало его неудобствъ по самой сущности способовъ производства этого лова, о чемъ было уже упомянуто въ своемъ мѣстѣ. Черхальскій ловъ также принадлежащій къ числу позднѣйшихъ Уральскихъ рыболовствъ, по свойствамъ своимъ, слишкомъ похожъ на Уральскіе неводные ловы, чтобы можно было установить для него правила на какихъ либо иныхъ основаніяхъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Рис. 1

Рис 3

Рис 2

Рис 4

Рис 7

Р У Р А Л Ъ

Ф Е Д У Т И Х А

С А Х А Р Н Ы Й Е Р И К Ъ

Запоръ

Рис 5

Рис 8

Рис 6

Къ рис. 8

a ремянки ... b перекладины c ряд колья d при ряде плетень e передни колья поддерживающие плетень с внутренней стороны f камни, лежащие на дне g подпорки съ наружной стороны перекладины

